

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2026

Том 26

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2026 Том 26

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издаётся с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Мордишева Л. Н., Луканина Ю. Р., Юрасов И. А.

Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности: проблема дискурсивной иерархии 126

Ланцев В. Л., Огнева В. В. Национальный проект «Образование»:

условия и управленческие механизмы достижения результатов в контексте проектного управления 133

Логонова Л. В., Федорова Н. В., Щепланова В. В.

Ценностно-нормативное пространство и общественно-политическое мировоззрение обучающейся молодежи Саратовского региона 143

Гребенюк А. А., Черных Н. С., Леонов С. С. Искусственный

интеллект как инструмент конструирования ценностных ориентаций российской молодежи: управленческий аспект 153

Немерюк Е. Е., Фролов М. А. Профессиональное самоопределение

учащейся молодежи: социально-экономические факторы формирования 162

Бегинина И. А., Шахматова Н. В. Воспроизводство российской

бедности: социально-экономические стратегии преодоления в России 170

Политология

Казиков А. А. Четыре года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте медийных практик) 184

Омельченко Н. А. «Украинский вопрос» и российская государственность в идейно-политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции 195

Голиков П. А., Кузнецов И. И. Электоральные тенденции

немецких партий на выборах 2021 и 2025 годов, динамика программных установок, сравнение программ 204

Науменко А. С., Салтанов С. Д. Геополитический треугольник

США – Япония – Республика Корея в контексте трансформации архитектуры безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона 211

Федоров В. И. Риски применения искусственного интеллекта в политике 219

Слово молодым политологам

Чнь Фанбо. Международное энергетическое сотрудничество

Китая в условиях ужесточения западных санкций против стран Глобального Юга 223

Шкелёв Г. А. Глобальный Юг – Глобальный Восток:

точки соприкосновения, линии разделения 231

Щукин В. О. Стратегия национальной безопасности как ключевой

документ в реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации 238

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4).

Журнал входит в Международную базу данных DOAJ

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Спицына Светлана Юрьевна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.05.2026.

Подписано в свет 01.06.2026.

Выход в свет 01.06.2026.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 35-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: muninaov@sgu.ru (социология) и nikshestov@mail.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Mordishev L. N., Lukanina Yu. R., Yurasov I. A.

Discursive support of various types of religious identity: The problem of discursive hierarchy 126

Lantsev V. L., Ogneva V. V. National project “Education”:

Conditions and management mechanisms for achieving results in the context of project management 133

Loginova L. V., Fedorova N. V., Shcheblanova V. V.

Value-normative space and socio-political worldview of students in Saratov region 143

Grebenyuk A. A., Chernykh N. S., Leonov S. S.

Artificial intelligence as a tool for constructing value orientations of Russian youth: A managerial aspect 153

Nemeryuk E. E., Frolov M. A. Professional self-determination of student youth: Socio-economic factors of formation 162

Beginina I. A., Shakhmatova N. V. Reproduction of Russian poverty: Socio-economic strategies for overcoming in Russia 170

Politology

Kazakov A. A. Four years of special military operation: Dynamics of changing youth attitudes (in the context of media practices) 184

Omelchenko N. A. The “Ukrainian question” and Russian statehood in the ideological and political discourse of Russian post-October emigration 195

Golikov P. A., Kuznetsov I. I. Electoral trends of German parties in the 2021 and 2025 elections, dynamics of programmatic approaches, comparison of programs 204

Naumenko A. S., Saltanov S. D. The geopolitical triangle of the USA, Japan, and the Republic of Korea in the context of the transformation of the Asia-Pacific region's security structure 211

Fedorov V. I. The risks of using artificial intelligence in politics 219

New Voices: Young Political Scientists' Research

Chen Fangbo. China's international energy cooperation amid tightening Western sanctions against Global South countries 223

Shkelev G. A. The Global South and the Global East: Points of convergence and lines of division 231

Shchukin V. O. The national security strategy as a key document in the implementation of state policy to ensure national security of the Russian Federation 238

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Судьин Сергей Александрович, доктор социол. наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Olga V. Munina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhkan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

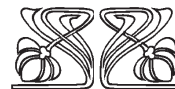
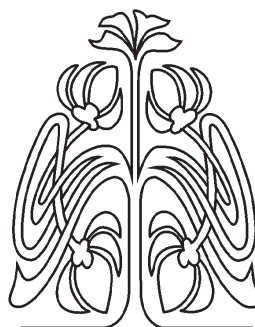
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Sergey A. Sudin (Nizhniy Novgorod, Russia)

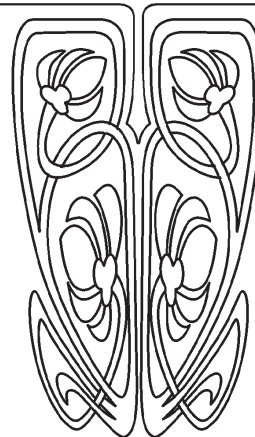
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 126–132
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 126–132
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-126-132>
EDN: DLWOFX

Научная статья
УДК 316.44

Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности: проблема дискурсивной иерархии

Л. Н. Мордишева, Ю. Р. Луканина, И. А. Юрасов ✉

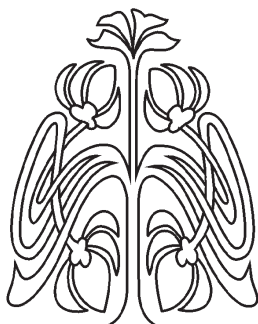
Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Мордишева Людмила Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление», mordisheva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1491-0227>

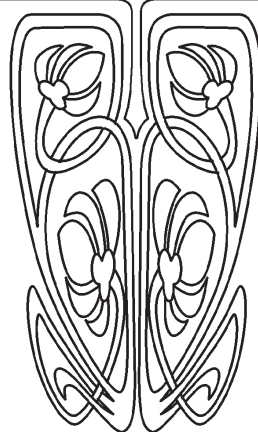
Луканина Юлия Рафаиловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, kaneeva58@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2724-1946>

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление», jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2442-4452>

Аннотация. Религиозная идентичность как форма соотношения человека, социальной группы с определенной социосемiotической вероучительной системой имеет различные типы: нормативно-конфессиональная, фольклоризированная, номадическая, виртуальная, маргинальная. Любая религиозность сопровождается конкретными специфическими смыслами, которые объединяются в дискурсы. Типы религиозной идентичности отличаются друг от друга по многим показателям. Существенным среди них является специфическое дискурсивное сопровождение каждого типа религиозной идентичности. Религиозную идентичность сопровождают следующие дискурсы: философско-богословский, мифологический, идеологический, политический и художественный. Каждый тип религиозной идентичности создает свою специфическую дискурсивную иерархию. Одни дискурсы могут доминировать над другими, редуцируя одни смыслы и дискурсы и гиперболизируя другие. Нормативно-конфессиональная религиозная идентичность базируется на прецедентных текстах Священного Писания и Священного Предания и на глубоко вертикальном контексте, которые формируют сильный философско-богословский дискурс. Фольклоризированная идентичность, или так называемая народная религиозность строится на социально-коммуникативных отношениях «сказитель – слушатель». Фольклорная интерпретация основывается на субъективно-личностной интерпретации сказителя, который может произвольно что-либо добавить или исключить какой-либо аспект религиозной информации. Фольклоризированная религиозная идентичность не предполагает наличия прецедентных текстов и вертикального контекста. Доминирующим дискурсом народной религиозности в зависимости от субъективной интенции «сказителя» может стать мифологический, политический или художественный. Иерархия дискурсивного сопровождения религиозной идентичности основывается на сложном социосемiotическом процессе социальной метонимии, когда какой-либо аспект религиозного смысла, незначительный паттерн вторичного дискурса может заменять собой всю сложную систему вероучения. Нормативно-конфессиональная религиозная идентичность из-за своего дискурсивного сопровождения становится в поликонфессиональном

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

обществе важным смысловым элементом патриотического дискурса, укрепляющего общегражданскую российскую идентичность, в то время как все остальные типы религиозной идентичности из-за смысловой специфики и дискурсивной иерархии становятся базой дискурсов оппозиционности, фрондерства и в конечном счете этнического национализма.

Ключевые слова: дискурс, иерархия, религиозная идентичность, нормативно-конфессиональная, маргинальная, номадическая, виртуальная религиозные идентичности

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере социально-политических наук в 2025 г. (проект «Типы религиозной идентичности и их влияние на общегражданскую идентичность: дискурс патриотизма и оппозиционности» РК 125081309527-5).

Для цитирования: Мордишева Л. Н., Луканина Ю. Р., Юрасов И. А. Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности: проблема дискурсивной иерархии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 126–132. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-126-132>, EDN: DLWOFX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Discursive support of various types of religious identity: The problem of discursive hierarchy

L. N. Mordisheva, Yu. R. Lukanina, I. A. Yurasov ✉

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Lyudmila N. Mordisheva, mordisheva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1491-0227>

Yulia R. Lukanina, kaneeva58@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2724-1946>

Igor A. Yurasov, jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2442-4452>

Abstract. Religious identity as a form of correlation of a person, a social group with a certain socio-semiotic religious system has various types: normative-confessional, folklorized, nomadic, virtual and marginal ones. Any religiosity is accompanied by certain specific meanings, which are combined into discourses. The types of religious identity differ from each other in many ways. Essential among them is the specific discursive accompaniment of each type of religious identity. Religious identity is accompanied by the following discourses: philosophical, theological, mythological, ideological, political and artistic ones. Each type of religious identity creates its own specific discursive hierarchy. Some discourses can dominate others, reducing some meanings and discourses and hyperbolizing others. Normative-confessional religious identity is based on the precedent texts of Holy Scripture and Tradition and on a deep vertical context, which form a strong philosophical and theological discourse. The folklorized identity, or the so-called "folk religiosity" is based on the social and communicative with relationship "storyteller-listener". Folklore interpretation is based on the subjective and personal interpretation of the narrator, who can arbitrarily add or exclude any aspect of religious information. A folklorized religious identity does not imply the existence of precedent texts and vertical context. The subjective intention of the "storyteller" - mythological, political, or artistic - can become the dominant discourse of folk religiosity. The hierarchy of discursive support of religious identity is based on a complex sociosemiotic process of social metonymy, when any aspect of religious meaning, an insignificant pattern of secondary discourse can replace the entire complex system of religious teaching. Normative-confessional religious identity, due to its discursive accompaniment, becomes in a multi-confessional society an important semantic element of patriotic discourse that strengthens Russian civil identity, while all other types of religious identity, due to their discursive accompaniment and discursive hierarchy, become the base of the discourses of opposition, frontage and, ultimately, ethnic nationalism.

Keywords: discourse, hierarchy, religious identity, normative-confessional, marginal, nomadic, virtual religious identities. Acknowledgements: research

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the state assignment in the field of socio-political sciences in 2025 (project "Types of religious identity and their impact on civil identity: a discourse of patriotism and opposition" RK 125081309527-5).

For citation: Mordishev L. N., Lukanina Yu. R., Yurasov I. A. Discursive support of various types of religious identity: The problem of discursive hierarchy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 126–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-126-132>, EDN: DLWOFX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Религиозная идентичность является важным аспектом системы социальных и социокультурных идентичностей в обществе, под которой понимается форма принадлежности человека, социальной группы к определенному религиозному течению, как форма исповедания и приверженности к конкретной системе религиозных догм. В российском религиоведении,

социологи религии выделяют в настоящее время пять типов религиозной идентичности: нормативно-конфессиональная, фольклоризированная, номадическая, виртуальная, маргинальная [1, 2]. Базовой религиозной идентичностью, на которой выстраиваются все конфессиональные системы в мире, является нормативно-конфессиональная, которая строится на основе преце-

дентных тестов Священного Писания и Священного Предания. Под прецедентными текстами понимаются специфические, художественно оформленные тексты, имеющие конкретную авторскую соотнесенность и известные подавляющему большинству людей, исповедующих конкретную догматически-каноническую систему определенной конфессии. Прецедентные тексты Священных Писания и Предания обладают специфической значимостью как в рациональном, так и эмоциональном планах. Эти тексты отлично известны сторонникам конкретной конфессии, они регулярно повторяются в суточном и годовом цикле богослужений и требуют широкого включения в «вертикальный контекст», под которым понимается конкретная историко-филологическая, социокультурная информация, окружающая элементы этого текстового литературного произведения. Историко-филологическое окружение объективно заложено в созданном литературном произведении [3, 4], многократное используется в речи, позволяет четко соотносить текстовую информацию с социокультурным окружением.

Важными историко-филологическими качествами прецедентных текстов являются: их значимость для носителей языка в рациональном и эмоциональном планах; сверхличностный литературный характер, выражающийся в известности как среди современных членов социума, носителей языка, на котором были созданы эти тексты, так и среди их предшественников; регулярная повторяемость в социокультурном и историко-филологическом контекстах. Эти качества позволяют соотнести прецедентную текстовую основу нормативно-конфессиональной религиозной идентичности с литературой, которая строится на строгих отношениях «автор – читатель». И читатель прецедентных текстов не может изменить, по-своему произвольно интерпретировать основные его темы и смыслы. Это свойство прецедентных текстов придает им строгость, структурированность, рациональность и логичность. Эти же свойства придаются текстам Священных Писания и Предания. Строгость и логичность догматики и канонов конкретной конфессии формируют базовый тип религиозной идентичности – нормативно-конфессиональную. Доминирующие семантические свойства прецедентных текстов Священных Писания и Предания, на которых базируется догматическо-каноническая система православия и ислама как основных традици-

онных религий, складываются в специфическое дискурсивное сопровождение: философско-богословский, мифологический, идеологический, художественный и политические дискурсы.

Настоящее социологическое исследование проводилось с мая по декабрь 2025 г. в городах Пензе, Казани, Уфе, Махачкале, Дербенте и Саранске. Исследование дискурсивного сопровождения православной и мусульманской религиозных идентичностей, как наиболее распространенных и массовых традиционных религий в Российской Федерации, проводилось с помощью качественных методов социологического анализа с применением глубинных интервью с верующими православными ($n = 72$) и мусульманами ($n = 59$). Также использовался метод наблюдения и включенного наблюдения над православными верующими и мусульманами, которые проводились в 2023–2025 гг. в Пензе и Казани. Кроме того, использовались анализ читательских формуляров библиотек при православных и мусульманских приходах (церквях и мечетях) и контент-анализ православных и исламских сетевых интернет-ресурсов. Для более точного исследования качественных данных применялся метод «снежного кома», когда опрошенные респонденты рекомендовали своих знакомых для дальнейшего анализа, а также форма посредничества верующих, исповедующих ислам, для опроса в мечетях и собраниях. Авторы исследования в ходе проведения качественного анализа дискурсивного сопровождения религиозной идентичности сталкивались с тем, что верующие мусульмане в Пензе, Казани отказывались идти на контакт и не давали согласия на прохождение глубинного интервью.

Под философско-богословским дискурсом в настоящем исследовании понимаются догматические, канонические смыслы, сопровождающие практику суточного и годового богослужения, паттерны, описывающие аскетическую практику той или иной конфессии, философскую и метафизическую интерпретацию профессиональной информации.

Под мифологическим дискурсом, сопровождающим религиозную идентичность, понимается базовый канал передачи мифологической информации, основными специфическими качествами которой выступают объединение в одном объекте идеального и реального, бессознательный уровень мышления, синкретическая выразительность. В мифологическом

дискурсе сливаются воедино субъект и объект и отсутствуют различия между естественным и сверхъестественным [5–8].

Художественный дискурс религиозной идентичности представляет собой систему духовных, конфессиональных, обрядовых, традиционных смыслов, выраженных в художественной литературе, литературную интерпретацию сюжетов Священных Писания и Предания, художественное описание быта приверженцев той или иной конфессии [9].

Идеологический дискурс является языковым выражением совокупности ценностной системы той или иной конфессии, выражающей интересы группы верующих. Он выражает общественные, межнациональные и межрелигиозные оценочные значения. Идеологический дискурс формирует православную и исламскую идеологии. Религиозная идеология передает в абстрактных понятиях аксиологическую систему и социально-политические воззрения на организацию общественной жизни.

Политический дискурс представляет собой воззрения той или иной конфессии на политическое устройство общества и государства, на возможные допустимые формы контактов с иноверцами, на борьбу с ересями, вероотступничеством, на вопросы прозелитизма.

Социо семиотической и историко-филологической основами фольклоризированной религиозной идентичности является произвольное народное творчество, фольклор, который строится на коммуникативном отношении «сказитель – слушатель». Любой слушатель, в свою очередь, тоже сможет стать сказителем и субъективно изложить основную тему повествования [10]. Фольклорное изложение религиозных смыслов предполагает субъективно-личностную оценочную интерпретацию сказителя, добавление или замалчивание какой-либо религиозной информации. Любая народная религиозность крайне бедна на глубокие религиозно-мистические смыслы, обладает специфическим дискурсивным сопровождением, в котором меняется догматическая иерархия религиозных дискурсов. Фольклоризированная религиозная идентичность более адаптирована к светской жизни, к ее бытовой стороне. Эта светскость народной религиозности нивелирует глубокие философско-религиозные дискурсы и выпячивает идеологические, политические, художественные смыслы. Приспособленность к профанному пространству, бедность сакраль-

ных смыслов философско-богословского дискурса приводят к тому, что у фольклоризированной религиозной идентичности отсутствуют прецедентные тексты и вертикальный контекст. Фольклоризированные околорелигиозные предания, субъективные интерпретации, комментарии сказителей по-своему выстраивают иерархию религиозных дискурсов.

Фольклоризированная религиозность, семантически усиливается «сельской религиозностью», под которой понимается эмоциональная форма выражения религиозности, подкрепленная сельским укладом жизни, бытом и циклическим сельскохозяйственным календарем.

В нормативно-конфессиональной религиозной идентичности формируется специфическая иерархия дискурсов: философский, идеологический, политический, художественный, мифологический. Фольклоризированная религиозная идентичность формирует следующую специфическую дискурсивную иерархию: мифологический, идеологический, политический, художественный, философский.

Специфической формой религиозной идентичности является номадическая, которая формируется и актуализируется исключительно в паломнических поездках. Паломничество на Святую землю, по монастырям и сакральным местам России и мира никак не регламентируется догматически и канонически в Русской православной церкви. Согласно канонам ислама, каждый правоверный мусульманин должен хотя бы раз совершить паломническую поездку по святым местам Мекки и Медины, но согласно авторским качественным социологическим исследованиям, проведенным в июне-декабре в Пензе, Казани, Уфе, Махачкале и Дербенте среди верующих мусульман, выяснилось, что в некоторых приходах Пензы и Казани есть верующие, которые посещали Саудовскую Аравию до 12 раз, и они признавались, что во время паломничества у них усиливались религиозные чувства и обострялась потребность в молитве и других аскетических практиках. Глубинные интервью с православными верующими тоже выявили 12% православных, которые выражали свою религиозную идентичность исключительно во время поездок по святым местам. Таким образом, была выявлена доля в 9–12% среди православных и мусульман, обладающих номадической религиозной идентичностью.

Дискурсивная иерархия, сопровождающая номадическую религиозную идентичность,

которая была выявлена во время глубинных интервью об их читательских предпочтениях, складывается таким образом: художественный дискурс, идеологический, мифологический, политический и философско-богословский.

Виртуальная религиозная идентичность среди православных и мусульман выражается в том, что эти люди испытывают религиозные чувства исключительно в сетевом информационном пространстве, в православных и мусульманских социальных сетях. Эта религиозная активность выражается в публикационной активности в религиозном сегменте интернета, в комментировании ритуалов и обрядов в исламе и православии, в обсуждении своих постовых практик, в обсуждениях молитвенного правила. Но более всего религиозная активность этой социальной группы выражается в постах и перепостах, посвященных поздравлениям с православными и мусульманскими праздниками и конфессиональными событиями. У людей, обладающих виртуальной религиозной идентичностью, складывается специфическое дискурсивное сопровождение. На первое место выходит идеологический дискурс, далее следуют нормативно-конфессиональный, художественный, мифологический, политический.

Маргинальная религиозная идентичность представляет собой деформацию религиозной идентичности, которая «формируется на основе фольклоризированной православной идентичности сельского вектора религиозного вероисповедания, характеризуемого гипертрофированием социосемантических смыслов крестьянской культуры» [11, с. 281]. «Маргинальная религиозная идентичность формируется на основе деформации нормативно-конфессиональной идентичности и ее трансформации в фольклоризированную идентичность. Маргинальная идентичность базируется на «сельском» векторе вероисповедания» [11, с. 280]. Семантическую выраженность маргинальной религиозности усиливают номадическая религиозная идентичность, повышенная эмоциональность. Маргинальная религиозность может состоять из либерального и консервативного крыла.

Фольклоризированная православная и исламская религиозность приводит к формированию маргинальной религиозной идентичности, которая из-за своего специфического дискурсивного сопровождения и формирования специфических триггеров ведет к блокировке общегражданской российской идентичности,

препятствует социокультурной интеграции регионов в России, становится источником этнического национализма, «фрондирующей религиозности», различного рода фобий и является базой антигосударственных оппозиционных настроений и важным элементом дискурса оппозиционности.

Именно маргинальную православную религиозную идентичность испытывает и описывает А. В. Малашенко, известный российский оппозиционер и противник российской государственной власти в своем эссе «Записки побежденного». «Мы о религии почти не разговаривали. Мы обходились без нее. Сделать религию не востребованной было одной из главных задач советской власти. Выполнило ли государство эту задачу? Скорее всего, да, потому что от бурного празднования той же (наследие язычества) Пасхи до сознательной веры, до обращения к Богу – очень далеко. Когда при Горбачеве начался религиозный ренессанс, «воцерковление» чем-то походило на «оживление лягушки». Да, люди потянулись в Церковь, но не к вере, а, скорее, чтобы вкусить от недавно запретного плода. Религия вошла в моду.

После снятия запретов и ограничений я перестал ходить в церковь. Почему? Потому что теперь ощутить свою свободу от государства мог везде. Церковное пространство перестало быть исключительным. А после обмирщения Церкви, решительной политизации православия, после того, как патриарх занял постоянное место в первом полутораде десятке политиков, то выше, то ниже Владислава Суркова, а РПЦ почти превратилась в подразделение президентской администрации, зайти в церковь все одно, что вступить в «Единую Россию»» [12, с. 171].

При маргинальной религиозной идентичности на первое место выходит политический дискурс, за ним следуют идеологический, мифологический, художественный. Философско-богословский дискурс исчезает и растворяется в идеологическом и мифологическом дискурсах. То есть маргинальная религиозная идентичность строится в основном на политически протестной, антигосударственной активности [13].

Нормативно-конфессиональная православная и исламская религиозная идентичность благодаря своему дискурсивному сопровождению создает государственно ориентированный дискурс патриотизма, основными паттернами которого становятся: строгая государствен-

ность, доверие к органам государственной власти, российским политическим лидерам, защита своей Родины от внешней и внутренней агрессии, оптимизм, вера в свои силы, социальная мобильность и активизм, любовь к малой и большой Родине, семейные ценности, стремление принести пользу своей стране и региону, рационализм, эмоциональное спокойствие и др.

Незнание догматического базиса своей исповедуемой религии приводит в среде верующих к развитию многочисленных синкретических культов, суеверий и даже ересей. Народное православие и ислам в этом случае трансgressируют и деформируются в маргинальную религиозность. Она, являясь пограничной формой религиозности, превращается в опасное социальное явление и формирует базу антигосударственных оппозиционных настроений, которые могут привести к развитию экстремистских настроений. Маргинальная религиозная идентичность становится основой развития этнического национализма, который, в свою очередь, препятствует социальной и социокультурной интеграции российских регионов и затрудняет формирование общегражданской российской идентичности, деформирует общероссийский патриотический дискурс и является источником аккумуляции оппозиционных смыслов и экстремистских настроений в обществе. Фольклоризированная и маргинальная религиозность, семантически усиленная «сельской религиозностью», народным исламом и православием, культивируют существенное недоверие к органам российской государственной власти и политикам, русофобию, этнический национализм, антисемитизм.

Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности формирует свою специфическую базу семантических триггеров, которые могут усиливать или блокировать формирование государственно ориентированных смыслов, дающих широкий простор поверхностной, эмоциональной оценке и интерпретации догматически-канонической религиозной системы. Нормативно-конфессиональная православная и мусульманская религиозная идентичности формируют триггеры (патриотизм, уважение к старшим, к государственным традициям, государственным символам, семейным ценностям, образованию, науке) которые потенциально стимулируют формирование общегражданской российской идентичности. Особая семантическая и семиотическая потен-

ция формирования общегражданской идентичности закладывает вертикальный контекст прецедентных исламских и православных текстов.

Народная и маргинальная религиозные идентичности, сопровождаясь специфическими дискурсами, специфической дискурсивной иерархией, выдвигают религию как инструмент политической борьбы, ксенофобии, технофобии; адепты маргинального ислама и маргинального православия отрицают традиционную медицинскую помощь, культивируют экзистенциальный страх, извращенные суеверия, пессимистические эсхатологические псевдопророчества, недостоверный и субъективный профетизм, искусственную ажиотацию и др. Народная и маргинальная православная и исламская религиозности, семантически усиливаемые особой дискурсивной иерархией, оппозиционным антигосударственным дискурсом, формируют маргинальную субкультуру, которая отличается такими качествами, как религиозная эксклюзия, фрагментарная религиозная компетентность, недоверие к традиционным институтам канонической церкви и к традиционным политическим институтам, семантическое смешение модернизма и архаики, представление новых маргинальных синкретических религиозных институтов как формы старой утерянной традиции, поиск и гиперболизация конспирологических смыслов.

Таким образом, в ходе настоящего исследования авторы выявили, что различные типы религиозной идентичности, хотя и обладают практически постоянным набором сопровождающих их дискурсов, формируют различную дискурсивную иерархию, которая по-разному выражает семантически саму религиозность. Различное дискурсивное сопровождение религиозной идентичности приводит к редуцированию одних дискурсов, например философско-богословского, и неправомерной гиперболизации других, факультативных дискурсов (политического, художественного, идеологического), что нарушает формирование общегражданской российской идентичности и становится основой развития этнического национализма.

Список литературы

1. Аринин Е. И., Маркова Н. М. Философия религиозности: академическое введение в основные концепции и термины. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2010. 154 с.

2. Кормина Ж. В. Номадическое православие: О новых формах религиозной жизни в современной России // *Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2012. № 2. С. 195–228. <https://doi.org/10.1353/imp.2012.0074>
3. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // *Вопросы языкознания*. 1977. № 3. С. 47–54
4. Коряжкина О. В. Роль вертикального контекста и различных видов интертекстуальности в лингво-позитическом анализе художественного произведения // *Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2019. № 2 (34). С. 19–25.
5. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 348 с.
6. Кутковая Е. С. Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 35 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
8. Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса (Литературный текст: проблемы и методы исследования). Пособие по спецкурсу. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2000. 98 с. (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение).
9. Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. М. : ИНФРА-М, 2020. 196 с.
10. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Русские аграрные праздники. М. : МИФ, 2024. 544 с.
11. Юрасов И. А., Танина М. А. Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 279–283. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-279-283>
12. Малашенко А. Записки побежденного // *Знамя*. 2015. № 3. С. 162–176.
13. Цыпин В., протоиерей. О религиозном возрождении и церковном диссидентстве 1970-х годов. URL: <http://www.pravoslavie.ru/59385.html> (дата обращения: 20.12.2025).

Поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 12.02.2026

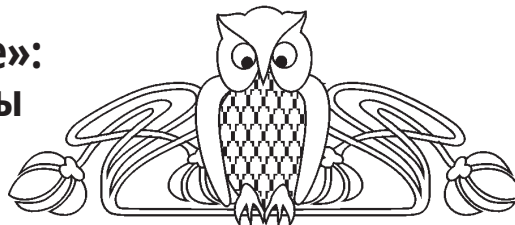

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 133–142
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 133–142
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-133-142>, EDN: ESZCYG

Научная статья
УДК 316.422

Национальный проект «Образование»: условия и управленческие механизмы достижения результатов в контексте проектного управления

В. Л. Ланцев ✉, В. В. Огнева

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 302028, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12

Ланцев Виктор Леонидович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, vic_lan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8869-5174>

Огнева Валентина Васильевна, доктор политических наук, профессор кафедры истории политологии и государственной политики, ognevavv@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4867-1199>

Аннотация. Статья посвящена обсуждению условий и результатов реализации национального проекта «Образование» на основе принципов проектного управления. Содержание паспорта проекта стало одним из условий достижения планируемых результатов и определило содержание методологических подходов к их достижению. Результат успешности национального проекта «Образование» во многом обеспечивался совокупностью различных управленческих механизмов. Их комплексное использование способствовало снижению рисков реализации нацпроекта и повысило эффективность управленческой деятельности. На основе анализа условий и факторов, содержания и специфики ключевых аспектов федеральных проектов, дополняющих национальный проект «Образование», авторами выделены адаптивные, организационные, кадровые, событийные, мотивационные, финансовые и существенные механизмы управления проектами. Определены негативные эффекты, возникающие в процессе реализации нацпроекта. Аргументирован вывод о том, что эффективность результатов национального образовательного проекта обеспечивалась гибкостью в принятии решений, их вариативностью, комплексностью решения проблем, адресностью, расширением социальной субъектности и повышением заинтересованности всех задействованных акторов.

Ключевые слова: национальный проект «Образование», проектное управление, управленческие механизмы, результаты национального проекта, субъект-объектные отношения

Для цитирования: Ланцев В. Л., Огнева В. В. Национальный проект «Образование»: условия и управленческие механизмы достижения результатов в контексте проектного управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 133–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-133-142>, EDN: ESZCYG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

National project "Education": Conditions and management mechanisms for achieving results in the context of project management

V. L. Lantsev ✉ · V. V. Ogneva

Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, 12 Oktyabrskaya St., Orel 302028, Russia

Viktor L. Lantsev, vic_lan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8869-5174>

Valentina V. Ogneva, ognevavv@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4867-1199>

Abstract. The article is devoted to the discussion of the conditions and results of the implementation of the national project "Education" based on the principles of project management. The content of the project passport became one of the conditions for achieving the planned results and determined the content of methodological approaches to achieving them. The success of the national Education project was largely achieved by the combination of various management mechanisms. Their integrated use helped to reduce the risks of implementing the national project and increased the efficiency of management activities. On the basis on the analysis of the conditions and factors, the content and specifics of key aspects of federal projects that complement the national project "Education", the authors identify adaptive, organizational, personnel, event, motivational, financial and essential project management mechanisms. The negative effects that arise during the implementation of the national project were identified. It is concluded that the effectiveness of the results of the national educational project was ensured by flexibility in decision-making, their variability, complexity of problem solving, targeting, expansion of social subjectivity and increased interest of all involved actors.

Keywords: national project "Education", project management, managerial mechanisms, results of national project, subject-object relations

For citation: Lantsev V. L., Ogneva V. V. National project "Education": Conditions and management mechanisms for achieving results in the context of project management. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 133–142 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-133-142>, EDN: ESZCYG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Национальные проекты – важный результат проектно ориентированного управления, которое достаточно прочно вошло в профессиональную деятельность и сферу государственного управления как ответ на потребности практики достигать заданных целей в условиях ресурсных и временных ограничений. Оно предполагает непосредственное управление проектом и управление развитием той или иной сферы. Управление проектом связано с деятельностью субъекта управления, специально созданной для этого организационной структуры, наделенной необходимыми компетенциями, а также специализированными инструментами и технологиями достижения цели (методами планирования, организации, мониторинга, контроля за процессом реализации проекта и др.). Управление развитием рассматривается как деятельность, направленная на изменение объекта проектного управления посредством конкретизации целей и стратегии его развития с учетом выделенных средств, разработки и реализации мер достижения намеченных ожиданий.

Управление проектами – это методология, прикладная технологическая парадигма получения результативного копирэфекта в ходе реализации национальных проектов в современной России. В отличие от традиционного, проектное управление ставит целью получение результата (продукта), обладающего инновационными характеристиками. Опыт внедрения проекта в организационных средах широко представлен в зарубежных и отечественных публикациях Г. Гантта, Г. Дитхэлма, Л. Гэддиса, Г. Керцнера, П. Лоурэнса, С. Эльмахраби, М. Аньшина, В. Буркова, В. Воропаева, И. Мазура, Г. Ципеса, В. Шапиро и др. [1, с. 216]. Ученые исследуют содержание и особенности проектного управления, обобщают результаты практик реализации проектов, разрабатывают методики мониторинга и уточняют критерии оценки эффективности использования проектного управления в организациях. Процедурно регламентированные процессы управления реализацией проектов позволяют предусматривать возможные риски, гибко реагировать

на изменение условий среды, своевременно корректировать межведомственное взаимодействие [2, с. 124]. Таким образом, целью нашей работы стало выявление условий и механизмов достижения результатов национального проекта «Образование».

Методологической основой исследования послужили нормативные документы федерального, регионального и муниципального уровней, включая документы стратегического планирования, государственной политики в сфере образования и развития системы образования.

Будучи особой формой проектного управления, национальные проекты функционируют на четко сформулированных принципах действия – скользящего планирования, синхронизированного с бюджетом, дебюрократизации, мониторинга, управления изменениями, мотивации исполнителей¹.

Начиная с 2000-х гг. в системе образования было внедрено несколько инструментов, оказавших существенное влияние на эффективность деятельности образовательных организаций различного уровня. Среди них можно назвать федеральные целевые программы, государственные программы, систему «майских» указов Президента РФ, приоритетный национальный проект «Образование» 2006 г. и национальный проект «Образование» 2019 г. [3, с. 71]. Последний инструмент вобрал в себя эффективный опыт управления развитием системы образования в рамках проектных подходов. Это позволило не только достичь большинства из запланированных показателей, но и внедрить в систему образования новые инструменты, способные обеспечить развитие социальной сферы и экономики как отдельных регионов, так и страны в целом. В этой связи целью настоящей работы стало выявление условий и механизмов, определивших эффективность реализации мероприятий национального проекта «Образование».

¹ Основные принципы реализации национальных проектов. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/06/main/9._Osnovnye_printsipy_realizatsii_natsionalnykh_proektov_i_kontseptsiya_metodiki_otsenki_effektivnosti_regionalnykh_nalogovykh_lgot.pdf (дата обращения: 18.06.2025).

Условия реализации национального проекта «Образование». Основным документом, определившим ключевые аспекты реализации национального проекта, стал паспорт, утвержденный в конце 2018 г.² Специфика этого документа во многом обусловлена внедрением принципов проектного управления. Среди наиболее важных содержательных особенностей паспорта проекта следует отметить следующие:

1) сроки реализации национального проекта определены на начальном этапе, что позволило не допустить срыва достижения показателей;

2) наличие перечня ответственных за реализацию нацпроекта лиц из числа руководителей федеральных органов исполнительной власти закрепило персональную ответственность в соответствии с принципами проектного управления;

3) цель, целевые и дополнительные показатели национального проекта приведены в разбивке по годам, включая объемные показатели системы образования РФ, существующие на момент начала реализации проекта. Это дало возможность оценить динамику достижения планируемых результатов, а также степень воздействия на систему образования;

4) достаточно подробное описание структуры национального проекта (перечень федеральных проектов и программ, реализация которых в соответствии с принципом декомпозиции цели повысила эффективность управления достижением результатов общего проекта);

5) задачи и результаты национального проекта выделены в разбивке по отдельным федеральным проектам и программам. Достижение целевых показателей по каждой задаче приводится нарастающим итогом в разбивке по годам. Данное обстоятельство повысило эффективность организации контроля за исполнением ключевых мероприятий нацпроекта;

6) важным аспектом стало определение уровня финансового обеспечения реализации национального проекта и отдельных федеральных проектов и программ, включая выделение доли бюджетного и внебюджетного финансирования, в том числе консолидированных бюджетов субъектов РФ;

² Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7) в паспорте нацпроекта «Образование» был выделен раздел «Дополнительная информация», который содержал описание целей и задач самого национального проекта и федеральных проектов. Этот раздел формировал общее представление о результатах, достижение которых запланировано в рамках мероприятий, предусмотренных паспортом проекта. Данная информация доступна для широкого круга пользователей, включая непосредственных исполнителей проекта.

В паспорте национального проекта «Образование» содержались достаточно общие сведения о его реализации, практически не раскрывающие, как в реальности будут достигаться планируемые результаты. Большинство результатов были представлены в виде объемных задач, требующих комплексного подхода к модернизации системы образования, включая совершенствование нормативно-правовой документации, кадровое обеспечение, обновление материально-технической базы, создание новых субсидиарных сущностей, обновление содержания и методов обучения, оценку качества и мониторинг эффективности деятельности систем образования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Результаты национального проекта «Образование» были достигнуты посредством ряда федеральных проектов. Для каждого из них был разработан свой собственный паспорт, структура и содержание которого близки к паспорту нацпроекта, однако имеют собственную специфику. Выделим их ключевые особенности на примере паспорта федерального проекта «Современная школа»³.

В паспорте проекта обозначены сроки реализации и перечислены ответственные лица (куратор, руководитель и администратор), целевые показатели, задачи и результаты, а также размеры финансирования по годам. Назовем наиболее важные отличия от паспорта нацпроекта.

Приводится не только перечень задач, достижение которых запланировано в рамках проекта, но и дается достаточная характеристика результата, раскрывающая его ка-

³ Паспорт федерального проекта «Современная школа национального проекта «Образование»». URL: <https://pre.admoblkaluga.ru/upload/minobr/2019/05/24/SovrSchoolFed.pdf> (дата обращения: 28.05.2025).

чественные особенности. Данный результат описывается как набор ключевых изменений, которые должны быть имплементированы в систему образования.

В паспорте перечислены основные участники проекта с указанием их должностей и занятости в проекте. В этом разделе обозначен и непосредственный руководитель участника проекта, что обеспечивает повышение эффективности управления реализуемыми мероприятиями.

Раздел «Дополнительная информация» представлен двумя подразделами, которые не выделены самостоятельно, однако достаточно хорошо прослеживаются. В первом приведен глоссарий терминов, использованных в паспорте. Назначение второй части раздела состоит в разъяснении отдельных задач проекта.

В отдельный раздел вынесены показатели реализации проекта по каждому субъекту РФ (на начало проекта и далее по годам). Анализируя данные этого раздела, можно отметить, что в некоторых регионах Российской Федерации отдельные мероприятия проекта планировалось реализовать сразу в 2019 г. (Орловская, Тюменская области), а в других – нарастающим итогом достигать планового значения до конца 2024 г.

Большой интерес с точки зрения изучения практик проектного управления представляет раздел «Дополнительные и обосновывающие материалы федерального проекта». Этот раздел содержит информацию о модели функционирования результатов и достижения целевых показателей проекта, а также методику расчета показателей и индикаторов с опорой на математический аппарат и статистические данные.

Данные по финансированию проекта приводятся не только в целом по стране, но и по каждому субъекту Федерации в отдельности.

Таким образом, паспорт федерального проекта уточнял содержание паспорта нацпроекта и расширял представление о целях, задачах и содержании ключевых мероприятий, что обеспечивало более полное понимание сущности внедряемых инструментов у непосредственных исполнителей проекта и формировало позитивный имидж инициативы. Кроме того, паспорта федеральных проектов позволили облегчить понимание механизмов достижения планируемых результатов.

В каждом отдельном субъекте были разработаны документы, обеспечивающие реали-

зацию региональных проектов, разработанных на основе паспортов национального и федеральных проектов. Это позволило обеспечить учет региональной специфики и достижение необходимых показателей в системе образования с учетом возможностей и потребностей субъекта. При этом региональные проекты создавались исходя из положительного решения по заявкам, прошедшим конкурсный отбор на выделение средств из федерального бюджета, от каждого субъекта.

В качестве примера можно привести региональные проекты Красноярского края. Так, на сайте проектного управления субъекта размещены паспорта региональных проектов, названия которых дублируют названия федеральных проектов и отражают специфику участия региона в нацпроекте «Образование»⁴.

Региональные проекты также создаются для реализации отдельных мероприятий федеральных проектов, нуждающихся в особом внимании со стороны региональных проектных команд. Так, в Орловской области в 2024 г. был презентован проект «Вертикаль», направленный на содействие профориентационному определению школьников, решение вопросов занятости населения и привлечение предприятий реального сектора экономики к профессиональному образованию специалистов в рамках региональной системы образования⁵.

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение национального проекта «Образование» обладает рядом особенностей. Разработанные документы либо регламентируют организацию деятельности по управлению проектами, либо разработаны строго для решения конкретных задач проекта. При этом подходы к разработке паспортов нацпроектов учитывают международный опыт, однако не содержат описания комплекса мероприятий, позволяющих оценить пути достижения планируемых результатов.

Имеются замечания к организации и проведению мониторинга эффективности дости-

⁴ Проектное управление Администрации Красноярского края : [сайт]. URL: <http://project.krskstate.ru/nacprojects/obrazovanie/regproject> (дата обращения: 28.05.2025).

⁵ В Орле презентовали проект решения проблем кадрового обеспечения // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk-orel.ru/social/2024/02/08/v-orle-prezentovali-proekt-resheniya-problem-kadrovogo-obespecheniya.html> (дата обращения: 01.06.2025).

жения показателей нацпроекта «Образование». Существующая система мониторинга должна отслеживать сбор информации, формирующейся в разных источниках. Однако она отвечает в основном за сбор информации о кассовом исполнении проектов и некоторых показателях, предоставляемых органами исполнительной власти. Такой подход создает угрозу для снижения контроля за исполнением задач проектов, что противоречит принципам проектного управления. Кроме того, большое разнообразие показателей, разработанных для оценки эффективности реализации национального проекта «Образование», не позволило оперативно предоставлять результаты мониторинга для принятия управленческих решений. В методических рекомендациях по расчету уровня достижения национальных целей развития страны и национальных проектов (программ) описана система оценки вклада от реализации каждого отдельного национального проекта, но не представлена комплексная оценка всех национальных проектов. Механизм мониторинга остается также не ясным.

Можно отметить отсутствие положения или методических рекомендаций по осуществлению контроля за реализацией федеральных проектов, за соблюдением требований по достижению ключевых показателей и индикаторов. Это указывает на недостаточную проработанность подходов к управлению проектами в социальной сфере, в том числе при проведении мониторинга качественных показателей, внедряемых в систему национальных проектов в соответствии с принципами проектного управления.

Анализируя планируемые результаты национального проекта «Образование», мы приходим к выводу, что основой эффективной реализации его основных мероприятий становится опора на принципы проектного управления. Среди них управление сроками проекта, его стоимостью, качеством результата, проектной командой, внутренними и внешними коммуникациями, а также различного рода рисками и угрозами. Большое значение имеет и управление изменениями, что актуально и для нацпроекта «Образование», в паспорт которого неоднократно вносились правки. К наиболее крупным изменениям следует отнести исключение ряда федеральных проектов и разработку новых непосредственно в момент реализации

проекта. При этом среди общих принципов проектного управления, реализуемых в рамках нацпроекта, можно выделить специфические подходы, определяющие эффективность проводимых мероприятий в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Важную роль в достижении целей нацпроекта играет разнообразие механизмов, имплементация которых в структуру федеральных проектов позволяет снизить вероятность возникновения ряда рисков. Среди них можно отметить как внутренние риски, связанные с качеством проектной документации, работой команды, своевременностью выделения бюджетных средств, так и внешние риски, возникающие в том числе на фоне нестабильности геополитической ситуации и санкционной политики недружественных стран.

По мнению О. Г. Александрова, под механизмом государственного управления следует понимать «взаимосвязь общественных отношений, где происходит организующее, регулирующее согласование интересов, потребностей, волеизъявления индивида, общества и государства, учет их интересов, целей развития, разработка и принятие управленческих решений на основе права» [4, с. 14]. Н. В. Акинфиева отмечает, что именно механизмы обеспечивают взаимодействия субъектов, участвующих в управлении в системе образования [5, с. 14]. Достижение целей развития сферы образования зависит от ресурсного обеспечения и от действия внешних и внутренних факторов, определяющих также качество полученного результата. Разумеется, необходим учет факторов, действующих как в настоящее время, так и тех, воздействие которых может проявиться в перспективе.

Как полагают Н. С. Данакин и Н. Н. Деева, в структуру механизма управления входят социальные технологии, ресурсы, стратегии, которые функционируют в тесном единстве, обеспечиваемом организационной системой управления [6, с. 49]. В контексте исследования механизмов проектного управления реализации нацпроекта «Образование» мы полагаем, что управленческий механизм представляет собой комплекс управленческих решений, которые формируются из реальных потребностей системы образования и подкреплены стратегией реализации нацпроекта и выделяемыми для этого ресурсами. При этом существенное влияние на

эффективность действия механизма оказывают планируемые результаты, выражающиеся в конкретных целевых показателях.

Проводимые в системе образования мониторинги качества образования позволяют дать оценку эффективности применения того или иного механизма и проводить корректировку реализуемых программ [7, с. 262]. При этом управляющая подсистема реализует свои полномочия через создание и применение механизмов. Именно такой подход мы наблюдаем в процессе реализации национального проекта «Образование». Например, при реализации федерального проекта «Учитель будущего» были запланированы несколько взаимосвязанных мероприятий. Ключевые направления, такие как достижение требований профессионального стандарта и выполнение комплекса мер, объединенных в национальную систему роста педагогических работников, сохраняются на протяжении всего срока действия нацпроекта, однако изменяются финансирование, инфраструктура и содержание применяемых механизмов. Можно отметить гибкость управленческих решений, что повышает эффективность деятельности по достижению ключевых результатов. Более мелкие задачи на этом фоне подвергались корректировке.

Среди наиболее значимых критериев для выделения групп механизмов следует отметить управленческую цель, планируемые результаты, содержание управленческих решений, особенности ресурсного обеспечения механизмов, масштаб воздействия на систему образования, особенности финансирования и активность позиции основных акторов, выступающих субъектами и объектами реализации проекта. В этом случае можно говорить о сущностном подходе к классификации социально-управленческих механизмов [8, с. 22]. Опираясь на изложенные подходы, мы выделяем адаптивные, организационные, кадровые, событийные, мотивационные, финансовые и сущностные механизмы управления результатами нового национального проекта «Образование».

Важной составляющей нацпроекта «Образование» стала направленность на внедрение инновационных инструментов, поддержку и совершенствование уже работающих элементов. Для этого в проект были внедрены *адаптивные* механизмы, ориентированные на создание условий для модернизации дей-

ствующих элементов системы и процессов, обеспечивающих образовательную деятельность, среди них – инициативы по обновлению содержания учебных предметов, новые подходы к оценке образовательных результатов, оснащение школ новым оборудованием, в том числе за счет создания центров «Точка роста», и др. Создание этих центров подразумевало проведение брендинга отдельных помещений школ, приобретение оборудования, обучение персонала, создание условий для творческой самореализации в рамках общего и дополнительного образования. За период реализации проекта на территории РФ создано и функционирует ныне почти 20 тыс. таких центров. «Точки роста» созданы в сельских школах, что позволило сократить разрыв в образовательных условиях вне зависимости от территории проживания граждан. Для образовательных организаций, расположенных в крупных городах, реализован проект по созданию школьных технопарков «Кванториум», усиливший преподавание общеобразовательных предметов. Таким образом, адаптивные механизмы «вдохнули жизнь» в уже существующие процессы, повысили их эффективность и внедрили подходы для включения существующей инфраструктуры в достижение планируемых результатов нацпроекта.

Достижение целей нацпроекта не представлялось возможным без решения вопроса обеспеченности организаций квалифицированными специалистами. *Кадровые* механизмы были включены в реализацию всех федеральных проектов, среди них – мероприятия по совершенствованию системы дополнительного профессионального образования, развитию компетенций работников, усилению роли профессиональных сообществ, внедрению профессиональных стандартов и др. Данные механизмы во многом определяют достижение большого числа показателей федеральных проектов. Они являются не только управленческими, но и социальными, поскольку направлены на изменение условий труда всех категорий работников. В условиях высокой консервативности института образования действие каждого механизма подкрепляется административным и стимулирующим воздействием. Важной особенностью проектного управления при реализации нацпроекта «Образования» стало вовлечение педагогов в управленческую

деятельность, повышение уровня их субъектности, а также изучение системы ценностей и установок работников [9, с. 72].

Достаточно тесно с кадровыми связаны *мотивационные* механизмы. Они ориентированы на повышение активности ключевых акторов в имплементации инноваций. Мотивационные механизмы проектного управления реализованы в рамках мероприятий по вовлечению работников в систему профессиональных конкурсов, в построение собственной горизонтальной и вертикальной карьеры. Не случайно количество конкурсных процедур в системе образования повысилось и в 2024 г. составило 54 единицы с охватом свыше 832 тыс. чел.

В соответствии с теорией мотивации Ф. Херцберга, внедрение мотивационных факторов неэффективно без достижения соответствующего уровня гигиенических [10, с. 124]. Часть федеральных проектов предполагала внедрение мотивационных механизмов управления для достижения результатов (например, в проекте «Новые возможности для каждого»), однако не включала меры по увеличению финансирования системы образования в части заработной платы. Нагрузка на сотрудников образовательных организаций возросла, а уровень финансового обеспечения практически не изменился. Данное обстоятельство способствует возрастанию социальной напряженности, ведет к профессиональному выгоранию и влияет на стабильность интеракций в проектных командах [11, с. 133]. В этой связи реализация мотивационных механизмов проектного управления невозможна без привлечения финансовых механизмов.

Выделение нами *финансовых* механизмов в отдельную группу оправдано по ряду причин, несмотря на то что реализация нацпроекта подразумевает финансирование всех федеральных проектов. Например, мероприятие по обеспечению образовательных организаций высокоскоростным доступом в сеть «Интернет» реализуется еще со времен приоритетного национального проекта «Образование» 2006 г. Эффективность этой работы на протяжении многих лет оставалась невысокой, что обуславливало отставание отечественной системы образования от зарубежных стран, в том числе в части формирования цифровых навыков педагогов и обучающихся [12, с. 143]. Заложенные в федеральном проекте «Цифровая образовательная среда» дополнительные средства из

федерального бюджета позволили усилить процесс цифровизации, ускорить подключение организаций к сети «Интернет» и повысить скорость передачи данных [13, с. 12].

Событийные механизмы реализованы в формате проведения различных мероприятий, которые можно разделить на несколько типов. По кратности – разовые (например, крупные федеральные форумы и конференции) и периодические. Последние проводились в основном в период с 2019 по 2024 г. или приобрели статус постоянных. К ним можно отнести федеральные проекты «Классная тема», уроки «Проектория» и «Билет в будущее», в рамках которого школьники в формате профессиональных проб знакомились с перспективными профессиями [14, с. 261]. Данный проект реализуется и в 2025 г., приобретая характер постоянного процесса, что указывает на переход от проектного к процессному управлению. При этом внедренный механизм органично вписывается в современную систему образования.

По масштабности реализации все события, обозначенные в проектах, можно разделить на федеральные, региональные, муниципальные, а также проводимые на уровне отдельных образовательных организаций. В реалиях цифровой трансформации системы образования, наряду с очными мероприятиями, возросло количество проектов, реализуемых в дистанционном формате с применением цифровых сервисов и платформ.

К *организационным* механизмам мы отнесли совокупность процедур, обеспечивающих взаимодействие управляемой и управляющих подсистем. Данные механизмы обеспечили повышение управляемости образования за счет имплементации новых систем мониторинга и оценки, форм обратной связи, оптимизации деятельности органов власти, региональных управленческих команд, руководителей образовательных организаций. Одним из таких механизмов стало создание управляющих советов школ и вовлечение работников в их деятельность, что привело к повышению субъектности основных акторов.

Сущностные механизмы являются наиболее дорогостоящими, сложными в имплементации, однако, как оказывается, весьма эффективными. Они включают в себя все перечисленные выше механизмы ввиду масштабности поставленных задач. Достижение планируемых

результатов проекта с их использованием происходило путем создания принципиально новых субсидиарных сущностей. К данной группе механизмов можно отнести мероприятия по созданию детских и мобильных технопарков «Кванториум», Домов научной коллаборации, Центров цифрового образования «IT-куб» и др. Бюджет, выделенный на создание этих площадок дополнительного технического образования велик, поскольку данный механизм включает мероприятия по приобретению оборудования, созданию принципиально новых образовательных кластеров, обновление подходов к подготовке кадров, вовлечение обучающихся в технологическое творчество и мероприятий по профориентации. Ключевой технологией в перечисленных площадках стала технология проектной деятельности, позволяющей выстраивать индивидуальные образовательные маршруты обучающихся, формировать необходимые профессиональные и личностные компетенции обучающихся и педагогов. До конца 2024 г. в Российской Федерации было создано 135 стационарных и 85 мобильных технопарков «Кванториум» и 261 центр «IT-куб». Это позволило охватывать новейшими программами дополнительного образования свыше 1 млн детей ежегодно.

Кроме названных площадок, можно выделить и сущности субъектного типа. К ним следует отнести центры непрерывного повышения профессионального мастерства, опережающей профессиональной подготовки, аккредитации и добровольной сертификации, региональный модельный центр дополнительного образования, созданные в рамках федеральных проектов. Они стали новыми субъектами в управленческих системах регионов, основная задача которых – организационное сопровождение деятельности образовательных организаций и органов власти по достижению планируемых результатов.

По состоянию на декабрь 2024 г. сущности субъектного типа созданы во всех субъектах. Часть из них дублируют функции ранее созданных центров и организаций (региональных институтов развития образования, центров оценки качества, ресурсных центров дополнительного образования), что увеличило бюрократическую нагрузку на исполнителей нацпроекта и привело к несовпадению статистических данных, полученных из разных источников с применением различных методик расчета [15, с. 66].

Важным фактором достижения результатов национального проекта «Образование» стало внедрение мероприятий, направленных на повышение субъектности ключевых акторов. Это позволило снизить негативные эффекты, возникающие вследствие попыток управления ключевыми процессами с помощью периферийных, т. е. не направленных на достижение качества образования, второстепенных процессов, возникающих в процессе «менеджеризации» системы образования [16, с. 100]. Так называемые менеджеры, не являясь хозяевами ключевых процессов, пытаются влиять на них извне, не обладая при этом достаточным уровнем подготовки, знаний и авторитета. Определяющие процесс развития организации решения принимаются исключительно с помощью формальных регламентов, сужая тем самым субъектную базу организации и исключая основных исполнителей проектов из управления [17, с. 31]. На этом фоне возрастает уровень социальной напряженности, повышается частота возникновения конфликтов, происходит распад социальных связей. Преодолеть сопротивление педагогов инновациям можно только включением их в процесс принятия управленческих решений. Важное значение приобретают в этой связи сильные проектные команды, создаваемые в организации и способные решать задачи модернизации ключевых элементов образовательного процесса.

Каждый специалист, вовлеченный в проект, реализует свою субъектность через вверенные ему функции. Это и позволяет повысить уровень управленческого участия педагогов, а следовательно, их вовлеченности в процесс обновления образовательной организации. Более крупные проекты должны в этом случае дробиться на более мелкие, а глобальные цели – декомпозироваться на конкретные задачи в соответствии с принципами проектного управления. Фактически целью существования организации является обслуживание интересов ее участников при одновременном удовлетворении потребностей внешней среды. Эффективность организации зависит не столько от управления действиями ее членов, сколько от управления их взаимодействиями.

Расширение социального поля управления проектом стало его имманентной особенностью. Технологически это объект-субъектный процесс, в котором реализована сама

идея социального управления. Субъектом управления здесь может выступать одно лицо и соответствующий коллективный орган, подсистема или система с той же функцией. Будучи производным от объективных социальных структур (Т. Парсонс), социальный субъект предстает как субъект осмысленного социального действия, разделяющий коллективную мотивацию (М. Вебер). При этом объект управления находится в пределах полномочий конкретного субъекта. Носителями субъективной мотивации в управлении национальным проектом «Образование» предстают организаторы его реализации и непосредственные исполнители, в том числе администрация, преподавательская, детская и родительская общественность. Поэтому очевидно, что управленческие технологии требуют искусного соблюдения требований административного ригоризма – твердости, непреклонности в принципах с максимальной возможной гибкостью, обеспечивающей стабильность социально-политических отношений и связей. Для выявления всех субъектов и оценки их роли в реализации национального проекта «Образование» можно использовать метод установления, детально описанный А. В. Тихоновым [18, с. 423].

Таким образом, к ключевым условиям достижения целей национального проекта «Образование» следует отнести многообразие механизмов проектного управления, заложенных в программу как самого нацпроекта, так и отдельных федеральных проектов. Очевидно, что успешность реализации данного национального проекта определяется комплексным подходом к его формированию и воплощению в реальную практику с учетом возникающих проблем и оперативного на них реагирования. Практика показала, что концепция национального проекта 2019 г. носила более продуманный характер, чем приоритетный национальный проект «Образование» 2006 г., что обеспечило создание оптимальных условий для имплементации перспективных инноваций в образовательную среду и способствовало повышению качественного уровня современного образования. Следует отметить, что выделяемые нами виды механизмов достаточно сильно переплетаются между собой. Однако разработанная нами классификация управленческих механизмов может позволить оптимизировать

дорожные карты других проектов, в том числе реализуемых после 2024 г. При этом вопрос выбора конкретных механизмов достижения планируемых результатов государственных проектов и программ должен опираться на существующие научные теории и учитывать социокультурные факторы, в которых развивается современное российское общество.

Список литературы

1. Петров М. Н. Эволюция и направления развития парадигмы управления проектами // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 2 А. С. 210–221. EDN: YSZHTB
2. Огнева В. В., Шачнев С. А. Государственные национальные проекты: политическое целеполагание и проблемные аспекты эффективности реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 120–131. EDN: WZDWAP
3. Кузнецова А. А. Национальные проекты как инструмент реализации стратегических целей страны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 70–72. <https://doi.org/10.23672/t6908-4586-5548-t>, EDN: ZYXVFS
4. Александров О. Г. Современная парадигма и социальный механизм государственного управления // Региональное развитие: стратегии и человеческий капитал : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (Екатеринбург, 10–11 апреля 2014 г.) / науч. ред. А. П. Багирова. Екатеринбург : УрФУ, 2014. Т. 1. С. 8–18. EDN: UJKTLZ
5. Акинфиева Н. В. Социальные механизмы управления устойчивым развитием российской образовательной системы : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007. 39 с. EDN: NJKMKZ
6. Данакин Н. С., Деева Н. Н. Механизм социального управления: концептуальный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 8. С. 48–54. EDN: PWDJKZ
7. Финько М. В. Обеспечение качества российского образования в условиях международной интеграции // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 250–264. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-87-4-250-264>, EDN: LVEVTN
8. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1986. 223 с.
9. Пуденко Т. И., Скурихина Ю. А. Индивидуализация профессионального развития учителей в контексте новых задач, проблем и возможностей национальной системы учительского роста // Инновационные проекты и программы в образовании. 2018. № 2. С. 70–75. EDN: UOGKZE

10. Зверева Г. Н. Мотивационные теории в системе менеджмента организаций // Теоретическая экономика. 2018. № 3 (45). С. 121–126. EDN: YPTVDF
11. Пазухина С. В. Психолого-социальные причины профессионально-личностного выгорания современного школьного педагога // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 2. С. 129–145. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-129-145>, EDN: LCLRYW
12. Вейдт В. П. Цифровая грамотность учителя: трудности и перспективы вынужденной иммиграции в цифровую среду // Нижегородское образование. 2020. № 3. С. 141–152. EDN: YSELSM
13. Сысоева Е. А. Цифровые технологии в российской системе образования: новые вызовы // Образование и общество. 2020. № 5 (124). С. 3–15. EDN: OUASZT
14. Прохоров А. В. Профессиональная проба как инструмент профориентационной работы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 2. С. 258–266. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-258-266>, EDN: OAZVNF
15. Смолин О. Н. Национальный проект «Образование»: системные проблемы и возможные решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217, № 3. С. 50–71. EDN: RLWZGG
16. Казанцев О. А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6, № 1 (19). С. 96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>, EDN: RUILOI
17. Кожевникова Э. П. Анализ предпосылок возникновения профессионального отчуждения в педагогической деятельности в условиях инновационного образования // Современное педагогическое образование. 2019. № 2. С. 31–35. EDN: PPYOUL
18. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с. EDN: TVIOWP

Поступила в редакцию 22.06.2025, одобрена после рецензирования 19.09.2025, принята к публикации 12.02.2026

The article was submitted 22.06.2025, approved after reviewing 19.09.2025, accepted for publication 12.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 143–152

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 143–152

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-143-152>, EDN: EYSAUA

Научная статья

УДК 316.4

Ценностно-нормативное пространство и общественно-политическое мировоззрение обучающейся молодежи Саратовского региона

Л. В. Логинова¹, Н. В. Федорова², В. В. Щебланова¹✉

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Логинова Лариса Викторовна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Федорова Наталия Валериевна, соискатель кафедры педагогики и образовательных технологий, strelnikovaaaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-5414-0061>

Щебланова Вероника Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, vsheblanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5316-2431>

Аннотация. В ситуации вооружённого конфликта, насаждения чуждых российскому социуму идей, ценностей исследование общественно-политического мировоззрения молодёжи особенно актуально. Статья нацелена на выявление общественно-политического мировоззрения обучающейся молодёжи Саратовской области через комплексный анализ уровня правосознания, отношения к ценностям, идеологиям, сообществам и вовлечённости молодых людей в общественно-политическую жизнь в целом. Социологическое исследование ориентаций молодёжи (N = 4044; возрастной диапазон 15–35 лет) проведено методом анкетного опроса в 2024 г. Саратовская молодёжь характеризуется высоким уровнем правосознания, негативно относится к деятельности ряда объединений, субкультур. Проведённый анализ позволяет своевременно регулировать процессы формирования молодёжных нормативно-ценностных ориентаций.

Ключевые слова: общественно-политическое мировоззрение, гражданственность, традиционные ценности, ценностные ориентации, молодёжь

Для цитирования: Логинова Л. В., Федорова Н. В., Щебланова В. В. Ценностно-нормативное пространство и общественно-политическое мировоззрение обучающейся молодёжи Саратовского региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 143–152. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-143-152>, EDN: EYSAUA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Value-normative space and socio-political worldview of students in Saratov region

L. V. Loginova¹, N. V. Fedorova², V. V. Shcheblanova¹✉

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa V. Loginova, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Natalia V. Fedorova, strelnikovaaaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-5414-0061>

Veronika V. Shcheblanova, vsheblanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5316-2431>

Abstract. In a situation of armed conflict, the imposition of ideas and values alien to Russian society, the study of the socio-political worldview of young people is especially relevant. The article is aimed at identifying the socio-political worldview of the studying youth of Saratov region through a comprehensive analysis of the level of legal awareness, attitude to the values, ideologies, communities and the involvement of young people in socio-political life, in general. Sociological study of youth orientations (N = 4044; age range 15–35 years) was conducted by the questionnaire in 2024. Saratov youth is characterized by a high level of legal awareness, negatively refers to the activities of associations and subcultures. The analysis allows to timely regulate the processes of forming youth normative and value orientations.

Keywords: socio-political worldview, citizenship, traditional values, value orientations, youth

For citation: Loginova L. V., Fedorova N. V., Shcheblanova V. V. Value-normative space and socio-political worldview of students in Saratov region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 143–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-143-152>, EDN: EYSAUA

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В ситуации вооружённого геополитического конфликта, санкционного давления и насаждения чуждой российскому социуму деструктивной идеологии (предшествующего и сопровождающего специальную военную операцию) изучение социально-политических ориентаций населения России становится особенно актуальным. Быстро трансформирующаяся социально-политическая реальность влечёт за собой сдвиги в образе жизни и связях людей в обществе, порождает социокультурный кризис и условия неопределённости, в которых молодой человек, находящийся в начале пути профессионального становления, осуществляет поиск жизненных смыслов, выбор мировоззренческих ценностных координат, позволяющих реализовать его способности и внутренний потенциал [1, с. 241].

Сохраняют остроту вопросы профилактики деструктивного поведения молодёжи [2, с. 595]. С развитием информационных технологий нарастают угрозы быстрого распространения фейковой информации, деструктивных идеологий, представляющих опасность прежде всего для представителей молодого поколения [3, с. 41], наиболее подверженно «накоплению протестного потенциала» [4, с. 125], проявляемого на разных уровнях [5] через обнаружение интереса к радикальным идеям и образу жизни, подменяющим традиционные ценности [6, с. 27].

Всё это актуализирует проведение исследований общественно-политических ценностных ориентаций представителей молодого поколения в региональном пространстве для понимания тенденций их развития. Данная статья нацелена на выявление общественно-политического мировоззрения обучающейся молодёжи Саратовской области через комплексный анализ уровня правосознания, отношения к ценностям, субкультурным сообществам, вовлечённости молодых людей в общественно-политическую жизнь в целом.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Общественно-политическое мировоззрение представляет собой систему когнитивных убеждений, ценностных ориентаций, идеалов людей, имманентно связанных с социально-политической организацией общества, властью, правами, обязанностями граждан и готовностью к соответствующим действиям, выбором средств их реализации. Общественно-политическое мировоззрение отражает принципы социальной, политической жизни, преобладающие в социуме, а также установившиеся в нём отношения и диспозиции.

Как известно, в основе всякой деятельности, активности находится система ценностей, образующая мотивационные конструкты. Например, в основе гражданской активности лежит понятие «гражданственность» – осознанная потребность человека в деятельном участии в гражданской жизни, подготовленность к подобной активности и сам процесс гражданского участия, обусловленный мировоззренческой позицией гражданина, а также ситуацией, складывающейся непосредственно в гражданском обществе [7, с. 11]. Гражданственность связана с осознанием индивидом своих прав, свобод и умением их осмысленно и рационально применять в реальной действительности в границах уважения прав и свобод иных граждан. Кроме того, гражданственность определена одной из 17 традиционных духовно-нравственных ценностей в перечне из Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 (далее – Указ № 809)¹. Ценности понимаются нами как совокупность сложившихся мнений, убеждений о значении в их жизни вещей и

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502/print> (дата обращения: 05.08.2025).

явлений, встречаемых в природе и обществе; ориентиры, задающие смысловые горизонты социального действия и критерии оценки событий и ситуаций [7, с. 131]. И в свою очередь, гражданская активность определяется как субъективный инициативный процесс, протекающий в социально-политическом поле, направленный на трансформацию гражданского общества, основанный на осознанном отношении к общественным правам и свободам.

Востребованное в рамках статьи определение деструктивной идеологии представлено в Указе № 809: деструктивная идеология – чуждая российскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. Защита от деструктивной идеологии основана, в первую очередь, на сохранении, укреплении общероссийских ценностей, а также на суверенитете культуры.

Обозначим и некоторые черты, свойственные современной молодежи в широком смысле. Отличительными особенностями периода молодости является как раз формирование собственного мировоззрения, жизненной позиции и самосознания. Социальный статус молодых людей нестабилен, характеризуется промежуточностью социального положения и связан с основными видами их деятельности (учёбой, работой, вторичной занятостью), ролевым репертуаром личности. В последние годы молодые россияне (согласно данным социологических исследований) отличаются от старших поколений по социально-политическим характеристикам. Например, молодёжь меньше, чем люди 40 лет и старше, интересуется политикой, хотя у молодого поколения, по сравнению со старшим, выше шансы получить детальную новостную информацию о политической ситуации (в случае заинтересованности). Большинство молодых людей при наличии инструментов для поиска и ознакомления с новостями редко их используют, им интереснее неполитические сюжеты и фигуры вне политической тематики [8]. Заинтересованность

участием в политике в среднем появляется у людей в возрасте 30–35 лет, т. е. у верхней границы молодого возраста.

Иными словами, современная молодёжь в целом в некоторой степени интересуется общественно-политической повесткой. Как и прежде (несмотря на стимулирование социальных лифтов, увеличение форм общественно-государственного партнёрства), она формирует неконформистские убеждения и обладает деструктивным потенциалом в силу процесса активного становления, поиска социальной ниши и возрастных особенностей. Молодёжь остаётся мобильной, социально незащищённой группой в силу ведущей деятельности и социального статуса. Вместе с тем она представляется ключевым ресурсом общественного развития, имеющим инновационный потенциал, что требует постоянных усилий со стороны государства, общества по его раскрытию, сохранению и диктует необходимость поиска продуктивных форм работы с молодёжью (что объясняется меньшей, по сравнению с другими социальными группами, устойчивостью к воздействиям информационного и идеологического характера). Эта деятельность государства заметна, по мнению наших сограждан², молодёжь занимает первое место среди возрастных групп, интересы которых поддерживает государство [9].

Методика эмпирического исследования

В ноябре–декабре 2024 г. авторами было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса с целью изучения общественно-политического мировоззрения, гражданских ориентаций молодёжи (N = 4044; возрастной диапазон 15–35 лет) образовательных учреждений Саратовской области³: обучающихся в вузах по программам высшего образования, по программам магистратуры и аспирантуры и по программам среднего профессионального образования (СПО), а также по программам СПО в образовательных учреждениях областного подчинения. Применялась двухсту-

² Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса «Общественная активность молодежи» // ВЦИОМ. 10.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 05.08.2025).

³ Данная статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы в соответствии с государственным контрактом № ЭК0860200000824008853.

пенчатая квотная модель выборки: на первой ступени были отобраны конкретные учебные заведения методом ранжирования по наибольшей численности студентов; на второй ступени использована техника простого случайного отбора респондентов из числа студентов отобранных учебных заведений. Анкета включала блоки вопросов: 1) общественно-политические ориентации молодёжи; 2) потенциал распространения в молодёжной среде деструктивных идеологий; 3) удовлетворённость молодёжи уровнем жизни; а также 4) блок вопросов о том, как формировать позитивную гражданственность в молодёжной среде.

Социально-демографическая характеристика респондентов. Согласно построенной выборке в опросе участвовали молодые люди мужского (41%) и женского (59%) пола, что соответствует общей социально-демографической структуре саратовской молодёжи с учётом погрешности генеральной совокупности. В опросе приняли участие 75% представителей молодёжи младшей возрастной группы (15–20 лет), из них 44% лиц мужского пола и 56% – женского; 20% средней возрастной группы (21–25 лет), в том числе 34% мужчин и 66% женщин; 5% старшего возраста (26–35 лет), из которых 37% мужчин и 63% женщин. Такое распределение молодёжи по возрасту позволило изучить её, разделив на условные группы: «младшую молодёжь» (юношеского возраста, гражданского становления в возрасте 15–20 лет); «молодых людей ранней молодости», окончательного формирования личности (собственно молодёжь, ранняя молодость – 21–25 года) и «молодёжь, переходящую во взрослую жизнь» (ранней зрелости – 26–35 лет). Это дало возможность интерпретировать исследовательские данные с учётом особенности данных групп.

Основная часть респондентов обучаются в вузах по программам высшего образования (62%), треть опрошенной молодёжи (30%) является учащимися областных учреждений СПО (колледжей, техникумов), 6% – студентами вузов, обучающимися по программам СПО, и 2% составили магистранты и аспиранты. В целом по выборке большинство опрошенной молодёжи учится очно и не работает (63%). Вместе с тем более трети молодых людей активно подрабатывают. Согласно полученным данным, 19% учатся очно и работают, а ещё 15% учатся заочно и работают.

С целью определения общественно-политического мировоззрения саратовской молодёжи проанализированы отношение к государству, гражданственности, вовлечённость в общественно-политическую жизнь, готовность к протестным действиям.

Общественно-политические ориентации и гражданственность

Мнения саратовской молодёжи о содержательном наполнении традиционной духовно-нравственной ценности *гражданственность* разделились. Более трети (36%) участников опроса понимают гражданственность как «осознание своих моральных и юридических обязательств перед обществом и государством». Почти четверть опрошенных (23%) связывают гражданственность с «пониманием своих прав и свобод». Для 17% респондентов смысл духовно-нравственной ценности «гражданственность» означает «осознание потребности человека в участии в гражданской жизни, подготовленность к этой активности и сам процесс гражданского участия». Около пятой части молодых людей (19%) считают, что ценность «гражданственность» – это «осознание принадлежности к стране, народу, обществу и культуре. И, наконец, ценность «гражданственность» как «отношение к происходящему в стране на основе критического осмысления» понимают лишь 5% респондентов.

Наиболее значимыми признаками *принадлежности к государству* для саратовской молодёжи являются наличие государственного паспорта (45%) и осознание принадлежности к своему государству (44%). Для 38% респондентов «быть гражданином государства» значит «разделять основные права и обязанности гражданина». По мнению 37% опрошенных, гражданская принадлежность к государству носит деятельный характер и обозначает «действия в интересах своего государства и активное участие в жизни гражданского общества». Четверть молодёжи связывает гражданство с эмоциональными чувствами «испытывать гордость за своё государство». Понимание «быть гражданином государства» связывают с тем, чтобы «разделять социокультурные особенности страны», 17% респондентов. «Проявлять лояльность и поддерживать действия государства» как гражданскую принадлежность к государству понимают 13% участников опроса.

Таким образом, смысловое наполнение гражданской принадлежности к государству у саратовской молодёжи носит в большей степени формально-правовой и когнитивный характер и в меньшей степени – эмоционально-ценностный и деятельный.

Наиболее распространёнными *формами участия в общественной жизни* у саратовских обучающихся являются следующие: спортивные фестивали, турниры, марафоны, спортивные праздники (48%); мероприятия к 9 Мая, реконструкции, встречи с ветеранами (46%); мероприятия национально-культурных диаспор (46%); городские (поселковые) субботники, благоустройство территории многоквартирного дома, района (44%), помощь пожилым людям, инвалидам (41%) и акции по защите окружающей среды (39%). Более четверти информантов работали волонтером на крупных мероприятиях (26%). Примерно пятая часть (21%) занималась сбором материальной помощи нуждающимся. Наименее распространённой формой участия в общественных мероприятиях стала деятельность в составе поисковых отрядов (6%). Не принимали участия в общественных мероприятиях 11% участников опроса.

Анализ социально-демографических характеристик молодёжи, не принимающей участие в общественных мероприятиях, показал, что это чаще мужчины (13%), чем женщины (11%); обучающиеся по программам магистратуры (17%), нежели по программам высшего образования (10%), СПО при вузах (13%) и СПО областного подчинения (14%); обучающиеся заочно и не работающие (19%), чем те, кто учится очно и не работают (12%), учатся очно и работают (10%), учатся заочно и работают (11%). Причинами неучастия молодёжи в общественных мероприятиях являются: 1) отсутствие веры в эффективность подобных мероприятий (47%); 2) нехватка времени (44%); 3) отсутствие желания помогать другим (43%). По мнению 27% участников опроса, молодые люди не информированы о том, где и как можно принять участие в общественных мероприятиях. А с точки зрения 17% респондентов, причинами неучастия в общественной жизни являются недоверие как общественным организациям, так и людям, которые организуют эти мероприятия.

Если бы в ближайшее время пришлось проявить *социально-политическую активность*, то более половины (54%) из участников опроса сделала бы это ради защиты прав человека,

38% выступили бы против насилия, а 34% за социальную справедливость и равенство. Треть респондентов (30%) готовы действовать против экстремизма и терроризма, против зависимостей (наркотической, табачной, алкогольной, игровой, компьютерной) и включиться в борьбу за мир. Четверть опрошенных готовы проявить социальную активность в борьбе против коррупции, а 23% выступить в защиту традиционных общероссийских ценностей. Реже всего молодёжь Саратовской области проявляет готовность проявить социальную активность против некоторых законодательных инициатив и уже существующих законов (7%) и против власти и её представителей (4%).

Большинство информантов (70%) допускают при отстаивании интересов только те методы, которые соответствуют закону. Не будут использовать никакие методы борьбы 16% участников опроса, так как они «в принципе против насилия». С нарушением некоторых законодательных норм, но без прямого насилия, отстаивать интересы высказали готовность 9% респондентов. К любым методам отстаивания интересов готовы прибегнуть 5% опрошенных молодых людей, так как, по их мнению, «в наших условиях без жёстких действий ничего не добьёшься».

Анализ социально-демографических характеристик респондентов, делающих выбор способов отстаивания интересов, показал, что мужчины чаще отмечают методы, нарушающие законодательство (11%), и «любые методы, так как без жёстких методов не обойтись» (8%), чем женщины (7 и 3% соответственно). Прослеживается зависимость по возрасту: в младшей возрастной группе молодёжь больше настроена радикально, так как среди них чаще выбираются методы с нарушением некоторых законодательных норм (9%), тогда как в старшей возрастной группе на основе нарушающих законы методов готовы отстаивать свои интересы только 3% (рис. 1).

На приверженность деструктивным идеологиям оказывает влияние уровень правосознания молодого человека. Различные деструктивные объединения, сообщества, субкультуры с присущей им идеологией могут подменять собой общепринятые в обществе ценности и деформировать правосознание, пропагандируя привлекательность антисоциального образа жизни. Деструктивная идеология базируется на дефектах правосознания: социально-правовом инфантилизме,

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие методы борьбы при отстаивании интересов, ценностей Вы считаете допустимыми?» по полу, возрасту и программам обучения, %

правовом бескультурии, социально-правовом негативизме, цинизме. Противостоять деструктивным идеологиям способен молодой человек с высоким уровнем правосознания.

Правосознание молодёжи: уровень, особенности проявления

Саратовская молодёжь характеризуется относительно высоким уровнем правосознания. Для более половины участников опроса (64%) «обязанность граждан сообщать в правоохранительные органы любую известную им информацию о готовящемся преступлении» – это прямая обязанность гражданина, которую необходимо «неукоснительно соблюдать в любом случае» (45%) и «исполнять в большинстве случаев» (19%). Ещё 22% респондентов указывают на необходимость исполнения данной обязанности «в зависимости от обстоятельств». Сообщать в правоохранительные органы о готовящемся преступлении, по мнению 8% опрошенных, является обязательным «только в самых радикальных случаях», а для 6% представителей молодёжи «совсем не обязательно». Низкий уровень правосознания (считают, что сообщать в правоохранительные органы о готовящемся преступлении «не обязательно» или «только в самых радикальных случаях») чаще отмечается у мужской части молодёжи

(19%), чем у женской (12%), у младшей молодёжи (16%), чем у средней (8%), у обучающихся по программам магистратуры и аспирантуры (43%), чем по программам ВО (9%).

Опросные данные показывают, что в отношении совершаемых правонарушений уровень правосознания у молодёжи ниже, чем в отношении готовящихся преступлений. Так, увидев, что происходит правонарушение (например, переход/проезд на красный свет светофора, распитие спиртных напитков и курение в неподходящих для этого общественных местах, мелкая кража, мелкое хулиганство и т.д.), 43% участников опроса будут действовать в зависимости от характера и обстоятельств правонарушения и только 18% незамедлительно сообщат о правонарушении в соответствующие органы. Ещё 16% предпримут какие-либо действия в случае, если правонарушение затрагивает их интересы; 8% зафиксируют правонарушение и сообщат о нём в соответствующие органы, когда это будет им удобно. А 15% опрошенных не станут ничего предпринимать. Не будут ничего предпринимать, если станут свидетелями правонарушения, чаще мужчины (18%), чем женщины (13%), молодёжь в возрасте 15–20 лет (по 9% в среднем и старшем возрасте), обучающиеся по программам СПО при вузах и в учреждениях областного подчинения (по 21%), чем обучающиеся по программам ВО (11%) (рис. 2).

Рис. 2. Социально-демографическая характеристика молодых людей с низким правовым сознанием (считают, что сообщать в правоохранительные органы о готовящемся преступлении «не обязательно» или «только в самых радикальных случаях»), %

Потенциальные факторы радикализации настроений среди молодёжи

По мнению участников опроса, росту радикальных настроений среди молодёжи способствуют в наибольшей степени экономические факторы: 1) низкий уровень материального благополучия (59%); 2) рост цен, налогов, тарифов (39%); 3) отсутствие возможности заработать на жизнь (36%). Вторая группа причин связана с политической нестабильностью, неконтролируемой миграцией (32%) и её последствиями психологического характера (ожесточённость, агрессивность, утрата доверия и солидарности в отношениях между людьми) (32%). К третьей группе причин, способных радикализировать настроения молодёжи, относятся: высокий уровень коррупции, этноклановость, блокирующие социальные лифты бездеятельность органов правопорядка (25%). Кроме того, причинами роста радикальных настроений среди молодёжи могут стать: рост преступности в обществе; отсутствие позитивной общей идеологии, а также низкий уровень культуры в молодёжной среде, падение морали (по 22%). Реже всего были отмечены такие возможные факторы радикализации настроений в молодёжной среде, как размывание общей системы нравственных ценностей

(11%), внешняя идейно-ценностная экспансия со стороны стран Запада (10%) и недостаточно эффективное противодействие экстремистским проявлениям со стороны власти (9%).

По мнению каждого второго участника опроса, осложняют жизнь современной молодёжи трудности, связанные с получением хорошего образования (53%), трудоустройством (51%). На трудности материального характера указали 38% респондентов. Почти треть респондентов (по 28%) отмечают социально-психологические и социально-политические проблемы, такие как отсутствие идеалов и атмосфера бездуховности, политическая обстановка в стране, экстремизм, терроризм. Осложняют жизнь молодёжи проблемы, связанные с образом жизни: курение (24%), неустроенность личной жизни (23%), алкоголизм (21%), жилищный вопрос (21%).

Проблемы, связанные с трудоустройством, чаще волнуют молодёжь средневозрастной группы 21–25 лет (66%) и старшего возраста 26–35 лет (64%), чем младшую молодёжь (46%). Молодёжь старшей возрастной группы чаще озабочена материальными трудностями (47%), чем младшая (36%). А младшую молодёжь чаще волнует жилищный вопрос (23%), чем молодёжь среднего (15%) и старшего (19%) возрастов (рис. 3).

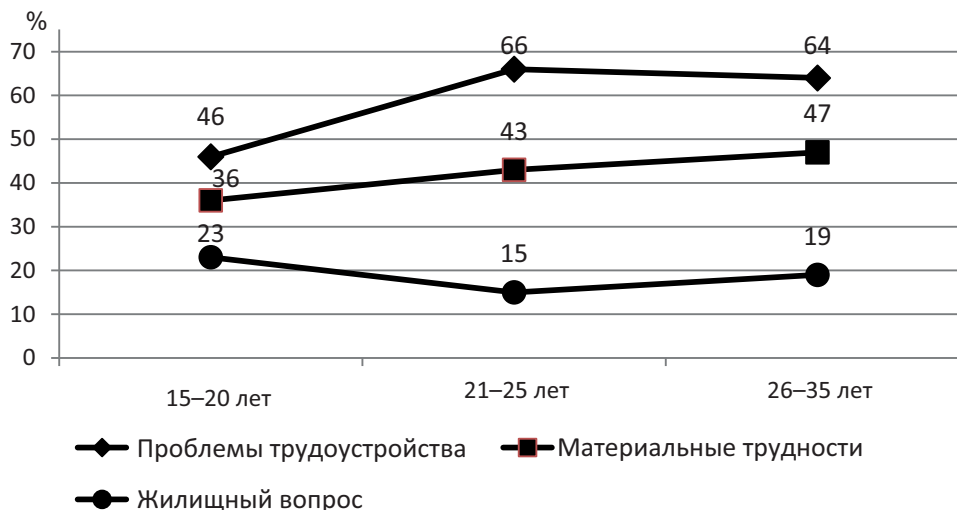

Рис. 3. Оценка социально-экономических проблем молодёжью Саратовской области в зависимости от возраста, %

Интересно отметить, что проблемы, связанные с трудоустройством, больше значимы для обучающейся молодёжи по программам ВО (58%) и магистратуры (56%), тогда как эта проблема важна только для 39% опрошенных, обучающихся по программам СПО при вузах, и 37% в образовательных учреждениях областного подчинения.

Отмечаются различия в оценках молодёжью разного возраста проблем, связанных с экстремизмом и терроризмом. На эту проблему

в 2 раза чаще указывает молодёжь младшей возрастной группы (30%), чем старшей (15%). Неуверенность в завтрашнем дне осложняет жизнь современной молодёжи по мнению четверти (25%) старших респондентов (в возрасте 26–35 лет), что почти в 1,8 раза выше, чем с точки зрения молодых людей в возрасте 15–20 лет (14%). Молодёжь в возрасте 21–25 лет чаще указывает на отсутствие идеалов и атмосферу бездуховности (32%), чем младшая (24%) и особенно старшая (16%) молодёжь (рис. 4.)

Рис. 4. Оценка социально-политических и социально-психологических проблем молодёжью Саратовской области в зависимости от возраста, %

Социально-педагогические мероприятия в профилактике деструктивного поведения

По мнению респондентов, наиболее полезными мероприятиями, проводимыми с молодёжью для профилактики деструктивного поведения и повышения позитивной гражданствен-

ности, являются: 1) открытые лекции, диалоги с известными публичными личностями (44%); 2) дискуссии, дебаты, круглые столы в рамках семинаров с преподавателями (40%); 3) выездные мероприятия (экскурсии, лагеря) (33%). То есть именно те мероприятия, где присутствуют возможности интерактива, проявления своих

способностей, выражения своей точки зрения. И это присуще всем респондентам, вне зависимости от пола, возраста, образования.

Наиболее полезными темами просветительских мероприятий в плане профилактики деструктивного поведения, по мнению молодых людей, являются: 1) «укрепление российских духовно-нравственных ценностей» (40%); 2) «профилактика буллинга (травли)» (35%); 3) предупреждение вовлечения молодёжи в деструктивную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (30%). Стоит отметить, что с возрастом интерес к первой и третьей темам увеличивается, а ко второй уменьшается, что говорит о возрастных приоритетах.

Участникам опроса был задан вопрос и о том, каким духовно-нравственным ценностям необходимо уделять особое, первостепенное внимание при проведении воспитательных мероприятий? По мнению большинства, прежде всего, следует уделять внимание воспитанию ответственности (78%), справедливости (57%) и трудолюбия (55%). Именно эти ценности позволяют в большей степени формировать позитивную гражданственность у молодёжи. Кроме того, по мнению респондентов, важно воспитывать «терпимость и внимание к другим людям» (48%), патриотизм (44%) и милосердие (43%). Менее важным оказалось воспитание послушания (19%), предприимчивости (18%) и религиозности (17%). Очевидно, что низкие ранги ценностей «послушание» и «религиозность» перекликаются и с нежеланием студентов находиться под сторонним контролем (например, родительским). Кроме того, можно предположить, что молодые люди считают себя достаточно предприимчивыми.

Заключение

Как следует из результатов исследования, гражданская идентичность саратовской молодёжи носит в основном формально-правовой, когнитивный характер и в меньшей степени – эмоционально-ценностный, деятельный. Ценность «гражданственность» предстаёт в большей степени осознанием обязательств перед обществом и государством. Ключевыми факторами деструктивных настроений являются проблемы с трудоустройством и экономические трудности. На приверженность же деструктивным идеологиям оказывает влияние уровень правосознания

молодого человека. И портрету такого студента с невысоким уровнем правового сознания присущи следующие социально-демографические черты: это чаще молодые мужчины в возрастной группе 15–20 лет, обучающиеся по программам СПО или магистратуры, аспирантуры. Учитывая эмпирически выявленные зависимости по возрасту и полу, сформулируем следующие предложения рекомендательного характера.

Необходимо формировать основы общественно-политического мировоззрения на ранних этапах воспитания и обучения подрастающего поколения, реализовывать профилактические направления молодёжной политики как на уровне региона, так и на уровне образовательных учреждений – с первых классов и курсов обучения, воспитания детей, молодёжи.

Следует активно развивать основы полоролевого воспитания (психологической мужественности, оптимальных коммуникативных установок мужчины, ответственного партнёрства), формируя образ ответственного мужчины-гражданина, и пропагандировать здоровый образ жизни как неотъемлемую часть учебно-воспитательного процесса в семье, детских садах и школах.

А поскольку факторами деструктивных настроений являются экономические причины, необходимо вовлечение молодых людей в работу общественных организаций, партий (предоставляя им не только финансовый доход, но и реальные возможности для формирования социальных связей, профессиональной самореализации), создание и расширение программ содействия занятости и карьерному росту для студентов и молодёжи.

В свою очередь, эмпирический анализ актуального общественно-политического мировоззрения обучающихся позволяет своевременно реагировать, регулировать пространство формирования нормативно-ценностных ориентаций молодёжи и противодействия деструктивным идеологиям. Среди конкретных наиболее полезных профилактических мероприятий опрошенная молодёжь выделила интерактивные форматы открытых лекций, диалогов с известными публичными личностями, а среди наиболее полезных тем просветительских мероприятий, прежде всего – укрепление российских духовно-нравственных ценностей.

С учётом этого, а также отмеченных опрошенными причин неучастия в общественных мероприятиях (неверие в эффективность, не-

желание помогать другим) и первоочередных для воспитания ценностей (ответственность, справедливость, трудолюбие) следует задействовать профилактический потенциал традиционных общероссийских ценностей (сформулированных в Указе № 809, составивших фундамент Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы⁴) в организации, проведении интерактивных форматов мероприятий. Данный комплекс мер позволит не только противодействовать деструктивным идеологиям, но и сформировать у студенческой молодёжи ценностно осознанную, деятельную гражданскую позицию.

Список литературы

1. Долгова В. И., Богданова В. О. Жизненные смыслы и ценностные ориентации современной молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 6. С. 239–259. <https://doi.org/10.25588/8303.2022.63.53.012>
2. Щепланова В. В., Логинова Л. В., Зайцев Д. В., Суркова И. Ю. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 595–610. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610>
3. Богданова В. О. Ценностные ориентиры и жизненные смыслы представителей цифрового поколения на примере студентов педагогического вуза: социально-аксиологический аспект исследования // Социум и власть. 2023. № 1 (95). С. 39–50. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-39-50>, EDN: QVGFWN
4. Лукьяненко К. Т. Рост деструктивной активности в молодежной среде: причины и перспективы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 5. С. 125–128. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-5-125-128>
5. Щетинина Е. В., Бредихин С. С. Диагностика выявления маркеров асоциального поведения учащихся как эффективный инструмент организации первичной профилактической работы в образовательной среде // Обзор НЦПТИ. 2020. № 3 (22). С. 43–47.
6. Ростова Н. Н., Ефремова О. Н. Индикаторы потенциально деструктивного поведения в молодежных субкультурах // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3, № 1. С. 27–32. EDN: TVUACJ
7. Решетников О. В. Концепция развития общественной политики в современной России. М.: Изд-во РГСУ, 2012. 168 с.
8. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт-2020 // Пресс-выпуск АНО «Левада-центр» (включен Минюстом РФ в реестр иноагентов). URL: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskijmedialandshaft-2020/> (дата обращения: 05.08.2025).
9. Тихонова Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2018. Т. 27, № 5. С. 134–149. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.11>

⁴ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы : утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610 // Национальный антитеррористический комитет : [сайт]. URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (дата обращения: 05.08.2025).

Поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 28.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 12.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 153–161

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 153–161

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-153-161>, EDN: FXGQSR

Научная статья

УДК 316.4+316.012

Искусственный интеллект как инструмент конструирования ценностных ориентаций российской молодежи: управленческий аспект

А. А. Гребенюк¹, Н. С. Черных², С. С. Леонов³✉

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

² Волгоградский государственный технический университет, Россия, 400005, г. Волгоград, просп. им. Ленина, д. 28

³ Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Россия, 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 11

Гребенюк Александр Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии знания, gaa-mma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9003-4551>

Черных Наталья Сергеевна, ведущий специалист Центра проектной деятельности «POLYGON», nataliaicbt@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8212-7772>

Леонов Сергей Сергеевич, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, leonov_serg@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1611-0688>

Аннотация. В статье приведены результаты метаанализа исследований влияния технологий искусственного интеллекта на ценностные ориентации российской молодежи. Опираясь на теорию социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, авторы рассматривают ИИ как инструмент формирования ценностных ориентаций индивида. Актуальность статьи определяется тем, что большинство российской молодежи применяет искусственный интеллект в своей профессиональной и личной жизни. В работе представлен перечень традиционных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые подвержены наибольшему влиянию со стороны технологий искусственного интеллекта. Также в работе проведен анализ современного регулирования правил написания научных трудов с использованием технологий ИИ в образовательных организациях, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации. Авторами дана оценка рискам, которые влечет использование искусственного интеллекта как для индивида в частности, так и для социума в целом. Нейронные сети достаточно быстро проникают практически во все сферы жизнедеятельности, влияя на труд, учебу, общение индивидов и др. Распространение использования нейронных сетей и рост доверия к ним сигнализирует, что в перспективе это может трансформировать искусственный интеллект в отдельного субъекта социализации, который станет в один ряд с семьей, религией, системой образования и т.д. Результаты данного исследования показывают, что уже сегодня системе государственного управления необходимо начать разрабатывать стратегию по минимизации рисков, приведенных в данной работе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, молодежь, ценностные ориентации, гражданско-патриотические ценности, нравственно-этические ценности, трансформация карьерных ценностей, этические вопросы искусственного интеллекта

Для цитирования: Гребенюк А. А., Черных Н. С., Леонов С. С. Искусственный интеллект как инструмент конструирования ценностных ориентаций российской молодежи: управленческий аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 153–161. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-153-161>, EDN: FXGQSR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Artificial intelligence as a tool for constructing value orientations of Russian youth: A managerial aspect

A. A. Grebenyuk¹, N. S. Chernykh², S. S. Leonov³✉

¹ Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

² Volgograd State Technical University, 28 Lenin Ave., Volgograd 400005, Russia

³ Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), 11 Volokolamskoye Shosse, Moscow 125080, Russia

Alexander A. Grebenyuk, gaa-mma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9003-4551>

Natalia S. Chernykh, nataliaicbt@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-8212-7772>

Sergey S. Leonov, leonov_serg@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1611-0688>

© Гребенюк А. А., Черных Н. С., Леонов С. С., 2026

Abstract. The article presents the results of a meta-analysis of the impact of artificial intelligence technologies on the value orientations of Russian youth. On the basis of the theory of social constructivism by P. Berger and T. Lukman, the authors consider AI as a tool for shaping an individual's value orientations. The relevance of the article is determined by the fact that the majority of Russian youth use AI in their professional and personal lives. The paper presents a list of traditional values approved by the Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022. "On the approval of the Foundations of state Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values," which are most influenced by artificial intelligence technologies. The paper also analyzes the current regulation of the rules for writing scientific papers using AI technologies in educational organizations subordinate to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The authors assess the risks that the use of artificial intelligence entails both for the individual in particular and for society as a whole. Neural networks quickly penetrate into almost all spheres of life, influencing work, study, communication of individuals, etc. The spread of the use of neural networks and the growing trust in them signals that in future it can transform artificial intelligence into a separate subject of socialization, which will become on a par with family, religion, education system, etc. The results of this study show that today the public administration system needs to start developing a strategy to minimize the risks outlined in this paper.

Keywords: artificial intelligence, youth, value orientations, civic and patriotic values, moral and ethical values, transformation of career values, ethical issues of artificial intelligence

For citation: Grebenyuk A. A., Chernykh N. S., Leonov S. S. Artificial intelligence as a tool for constructing value orientations of Russian youth: A managerial aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 153–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-153-161>, EDN: FXGQSR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире общество находится в условиях динамичной цифровой трансформации, где технологии искусственного интеллекта (ИИ), наряду с традиционными агентами социализации (семья, институт образования, СМИ и др.), становятся одним из механизмов конструирования ценностных ориентаций. Особенно значимо данное влияние на молодежную поколенческую когорту, чье мировоззрение сегодня во многом конструируется через рекомендательные системы, социальные сети, образовательные платформы и др.

Теоретический анализ

В настоящее время большой пласт работ в социологии знания посвящен философско-социологическому осмыслению феномена искусственного интеллекта и в большей степени сфокусирован на макросоциальных изменениях, которые происходят в результате цифровизации и проникновения нейронных сетей в жизнь общества. Ключевые темы: этика ИИ, трансформация труда, новые формы социальности, проблема алгоритмической предвзятости, социальное неравенство и другие социальные последствия внедрения ИИ. Приведем некоторые из них.

Исследования Дж. Баррата посвящены рискам и угрозам ИИ, в них представлены различные точки зрения по поводу гарантии безопасности будущих интеллектуальных систем. Автором рассмотрены различные сценарии развития ИИ в современном мире [1, с. 15–35].

Работы Университета Копенгагена (М. В. Нильсен и Р. Синатра) направлены на изучение и концептуализацию конкретных практик того, как ИИ меняет способы написания и передачи научных знаний, а также на проблему легитимности нейросетей¹. Анализ ИИ как динамичного агента представлен в трудах С. Йолгормеза [2, р. 143–155]. Автор наделяет ИИ социальными свойствами за счет взаимосвязи человека и нейросетей.

Социологи исследовательской группы искусственного интеллекта Кембриджского университета фокусируются на социальных, этических и эпистемологических аспектах применения ИИ, а также на том, как данный феномен воздействует на трудовую деятельность, социальную структуру и идентичность².

Коллектив авторов СПбГУ во главе с А. В. Чугуновым [3] проводят анализ влияния алгоритмов «цифрового государства» на взаимодействие гражданина в «умном городе» и государства. А. А. Сазонова [4] рассматривает ИИ с помощью акторно-сетевой теории, где в фокусе внимания алгоритмы (нечеловеческие акторы), которые становятся полноправными участниками социального взаимодействия. В исследовании Я. А. Гудковой и В. А. Тупикова [5] проводится анализ на стыке философии и социологии. В нем поднимается вопрос «социального» ИИ (станет ли данный феномен когда-либо полноправным социальным агентом?).

¹ Copenhagen Center for Social Data Science (SODAS). URL: <https://sodas.ku.dk/dansk/> (дата обращения: 01.08.2025).

² Socius: Sociological Research for a Dynamic World. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/23780231241275393> (дата обращения: 01.08.2025).

Проблема доверия к технологиям ИИ – одно из самых популярных эмпирически ориентированных направлений. Социологи изучают такие темы, как: кому больше доверяет люди – человеку или ИИ; факторы доверия; доверие к ИИ в сфере права, финансов, медицины. Так, исследование Е. А. Литаш-Сорокина, Л. А. Василенко [6] рассматривает уровень доверия к алгоритмам, отталкиваясь от общего уровня социально-политического доверия в обществе. Д. И. Кочетов [7] демонстрирует результаты экспериментальных исследований того, как люди воспринимают рекомендации экспертов и ИИ-алгоритмов. Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ³ изучает социально-демографические и психологические корреляторы доверия к ИИ.

Большой массив исследований в социологии управления направлен на изучение использования искусственного интеллекта в процессе манипулятивных практик в публичной сфере. К основным темам исследования относят: распространение дипфейков, алгоритмическую пропаганду, таргетированную рекламу, социальные боты.

Исследование П. К. Победина [8] показывает, как алгоритмы социальных сетей оказывают влияния на социально-политическую активность молодежи. В работе А. В. Зеньковской [9] анализируется, как государственные и негосударственные акторы применяют ИИ для манипуляции коллективным поведением. Статья К. А. Толокнева [10] посвящена феномену социальных ботов в разжигании социальной напряженности и лоббированию политических нарративов. Лаборатория политических исследований НИУ ВШЭ занимается проведением контент-анализа политических дискурсов в социальных сетях с целью изучения поляризации общества в результате алгоритмического продвижения контента⁴.

Современное социологическое знание обращается к ИИ как к сложному социальному феномену, к предмету для изучения социальных

отношений и социальных настроений, а также активному инструменту конструирования социальной реальности в целом и ценностных ориентаций индивида в частности.

Искусственный интеллект в концепции конструирования реальности

В социологии управления ИИ как инструмент конструирования ценностных ориентаций необходимо рассматривать с методологической позиции теории П. Бергера и Т. Лукмана [11, с. 45–90]. Согласно данной концепции люди совместно формируют и поддерживают социальный порядок через *три этапа конструирования реальности*.

1. *Экстернализация* – общество выражает свои мысли через язык, нормы и символы. В результате формируются религиозные доктрины, научные теории, создаются законы. Если данный процесс переносить на ИИ, то алгоритмы нейросетей формируют «новую нормальность». ИИ на наши запросы предлагает нам варианты того, что считать «истинным», «красивым», «родным» и «важным». Это происходит в тот момент, когда миллионы людей применяют нейросети для генерации текстов, изображений, аудио-контента. Человек делегирует право машине формулировать мысли, структурировать информацию, определять каноны красоты. ИИ не просто отражает существующие нормы, но и конструирует новую усредненную «нормальность» на данных, на которых он обучен. Это может подавлять разнообразие мнений и навязывать конкретные паттерны поведения. Таким образом, нейросети становятся активным инструментом при формировании предпочтений и ожиданий человека.

2. *Объективизация* – идеи, которые создало общество, начинают восприниматься независимо, это становится объективной реальностью. Мораль, государство, деньги кажутся «бессрочными», хотя они созданы людьми. ИИ-рекомендации также объективируются – если нейросеть это предлагает, значит, это правильно. Формируется феномен «алгоритмического авторитета» – желание доверять алгоритмам больше, чем мнению другого человека или собственному мнению. Обыденное сознание может увидеть в сгенерированных ответах ИИ истину, но нужно помнить, что это продукт вероятных вычислительных данных, которые собраны людьми со своими предубеждениями.

³ Доверие к искусственному интеллекту в обществе (анализ социологических опросов). URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/etika-i-bezopasnost-ii/2023_doverie_k_iskusstvennomu_intellektu_v_obschestve_analiz_sociologicheskikh_oprosov_ii_kvartala_2023_goda_ncrri/ (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ Лаборатория теоретических основ моделей искусственного интеллекта. URL: <https://cs.hse.ru/iai/tfaim/> (дата обращения: 01.08.2025).

3. *Интернализация* – общество присваивает социальные нормы и начинает считать их своими. С развитием цифровых ассистентов ИИ интернализируется – люди начинают доверять нейросетям больше, чем себе подобным. Это происходит не через осознанные решения, а через постоянное взаимодействие с ИИ-ассистентами: умная колонка управляет домом, навигатор показывает оптимальный путь, алгоритмы новостных лент, решают, что важно знать. Со временем человек интернализует логику цифровых помощников, начинает ему доверять больше, чем альтернативным источникам. Происходит процесс субъективизации ИИ, человек добровольно присваивает нормы, которые порождают нейросети.

Концепция социального конструирования реальности показывает, что мир, в котором мы живем, является продуктом коллективного соглашения. ИИ выступает как один из инструментов создания данного коллективного соглашения, воздействующего на общество с помощью алгоритмов управления вниманием (таргетированный контент), создания «пузырей фильтров», рекомендательных систем, настраиваемой выдачи поисковых запросов, автоматизации социального взаимодействия (виртуальные аватары, чаты, боты).

Современные практики использования ИИ российской молодежи

В 2025 г. Стэнфордский институт искусственного интеллекта (HAI) опубликовал расширенный отчет об анализе состояния ИИ в мире. В своем большинстве внедрение ИИ в организации разных стран в среднем выросло с 50% в 2023 г. до 78% в 2025 г. Однако оптимизм в отношении нейросетей растет неодинаково: Китай (82%), Индонезия (80%), Таиланд (75%) выражают наибольшую поддержку их внедрению, в то время как США (38%), Канада (40%), Германия (35%) относятся более сдержанно⁵. В свою очередь, глобальный доклад по ИИ IDCA (International Data Corporation Analytics) за 2025 г. указывает, что 88% компаний в мире считают ИИ главным приоритетом в своих бизнес-планах, а 75% уже внедрились нейросети в разнообразные функции организаций⁶.

⁵ Artificial Intelligence Index Report 2025. URL: https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai_ai_index_report_2025.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

⁶ Глобальный доклад об искусственном интеллекте (2025 г.) // IDCA. URL: <https://www.idc-a.org/insights/0bKr4NJQdK5sYcAqAGZD> (дата обращения: 01.08.2025).

По данным исследования ВЦИОМ⁷ за 2024 г., 63% россиян применяют ИИ в своей профессиональной и личной жизни. Среди них тотальное большинство (87%) пользователей ИИ-сервисов – молодые люди («зумеры» и «младшие миллениалы»). Опрос показывает, что молодежь чаще всего применяют ИИ для генерации контента (32%), пользуются «умным домом» (23%), применяют ИИ как помогающего инструмента в работе (27%).

Важный факт: поколение «зумеров», в отличие от всех остальных возрастных категорий, рассматривает ИИ как друга – 22%. Это свидетельствует о том, что у молодых людей создаются особые доверительные отношения с технологиями, где ИИ выступает в роли субъекта. Данный феномен также подтверждает социологическое исследование «Перспективы развития искусственного интеллекта» (совместное исследование NtechLab и Центра развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА»), проведенное в апреле 2025 г.⁸ Около 30% молодых людей полагают, что в будущем ИИ будет наделен эмпатией и душой, примерно столько же респондентов выразили желание, чтобы ИИ мог чувствовать.

Исследование также показало, что более 90% российской молодежи воспринимают ИИ как «библиотеку знаний». Второй по значимости образ, с которым согласились 75% опрошенных, – «освобождение человека от сложных задач». Третий образ – ИИ как «добрый робот-друг» (63%).

Резюмируя российские исследования через практики использования ИИ среди молодежи, можно выделить шесть наиболее популярных направлений, на которые данный механизм оказывает влияние:

- учеба и работа – написание текстов, подготовка контент-планов, сбор и анализ данных;
- генерация и поиск информации – источник справочной информации, замена стандартных поисковых систем;
- личный помощник и собеседник – чат-боты для общения, эмоциональная поддержка, голосовые помощники;
- генерация творчества – создание изображений / аудио / видео; инструмент для создания стихов, музыкальной обработки;

⁷ ИИ: ваш новый лучший друг? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (дата обращения: 01.08.2025).

⁸ Исследование: 88% российской молодежи использует ИИ в своей жизни // Азбука.ру. URL: <https://azbyka.ru/news/issledovanie-88-rossijskoj-molodezhi-ispolzuet-ii-v-svoej-zhizni> (дата обращения: 01.08.2025).

– вопросы безопасности / «умный город» – молодое поколение проявляет особый интерес к ИИ для улучшения городской среды, применение «умных» сервисов в поездках;

– саморазвитие и личные вопросы – молодежь часто пользуется запросами по поиску конкретных инструментов для повышения собственной эффективности.

Тенденции развития технологий ИИ

Тенденции развития нейронных сетей как инструмента конструирования ценностной ориентации молодежи на сегодняшний день еще малоизученный феномен, но уже можно выделить ряд направлений. С одной стороны, ИИ укрепляет стремление молодежи к саморазвитию, практическому мышлению и технологической грамотности, но с другой стороны, делает ценностные ориентации фрагментированными.

Согласно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁹ выделяются 18 традиционных ценностей, которые можно сгруппировать в четыре кластера: гражданско-патриотические, нравственно-этические, социально-солидарные, культурно-суверенные.

Рассмотрим трансформацию ценностных ориентаций российской молодежи под влиянием ИИ на примере таких групп ценностей, как нравственно-этические (крепкая семья, приоритет духовного над материальным, творческий труд, гуманизм) и гражданско-патриотические (жизнь, достоинство, патриотизм, высокие нравственные идеалы).

В современном мире меняется представление о знаниях в образовательном процессе. Начинает доминировать ценность «быстрых ответов» наряду с глубоким пониманием той или иной проблемы. По результатам исследования Microsoft 2025 г.¹⁰, такие навыки, как анализ, синтез и оценка, утрачивают свою важность. Необходимо отметить, что 90% студентов ис-

пользуют ChatGPT для подготовки домашнего задания. Респонденты отметили, что при использовании ИИ они прикладывают «гораздо меньше усилий», чтобы мыслить критически. Беспрекословное принятие результатов генерации ИИ приводит к трудностям в различении фактов и лжи. Если нейросети совершают ошибку, они не могут исправить ее без контекста и памяти, которых у них нет. Чаще всего молодые люди принимают ответ алгоритма как факт, тем самым происходит искажение суждений и формируется ценность «быстрых ответов». Таким образом, это наносит прямой удар по ядру нравственно-этических ценностей. Ценность «творческий труд» – процесс глубокого познания – превращается в механический акт получения информации.

Под влиянием ИИ происходит трансформация карьерных ценностей. Молодые люди отдают предпочтение digital-сфере (IT, data science, digital-маркетинг). По результатам исследования VK Education¹¹, 57% российской молодежи стремятся построить карьеру в цифровом пространстве, 52% желают развиваться в программировании, 37% – отдают предпочтение ИИ и машинному обучению, 32% – анализу данных, 20% – тестированию. Современную молодежь привлекает удаленный формат работы, гибкий график и самостоятельное планирование времени. Все эти факторы приводят к снижению ценности традиционных профессий. ИИ начинает заменять рутинные и стандартизированные задачи, которые когда-то вручную выполнял человек (кассиры, операторы колл-центров, переводчики, бухгалтера и др.). По оценкам Минэкономразвития РФ, к 2030 г. ИИ будет присутствовать в 95% отраслей¹². На рынок труда выйдут такие профессии, как ИИ-тренеры (редакторы, которые будут помогать ИИ грамотно отвечать на вопросы), пром-инженеры (специалисты, которые знают, как правильно задать запрос нейросетям), эксперты в этической области работы с алгоритмами.

В результате данных процессов происходит переосмысление ценностей «творческий труд» и «приоритет духовного над материальным».

⁹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁰ Как использование ИИ влияет на критическое мышление // Unite.ai. URL: <https://www.unite.ai/ru/how-does-ai-use-impact-critical-thinking/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹¹ Более половины молодых людей хотят развиваться в IT // News.mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/society/57932062/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹² Как искусственный интеллект меняет рынок труда и какие обязанности он может взять на себя уже сегодня // Robotunion. URL: <https://robotunion.ru/glavnaya/tprost/kndir8jzt1-kak-iskusstvennii-intellekt-menyaet-rino> (дата обращения: 01.08.2025).

Традиционное понимание кропотливого умственного и физического труда девальвируется, поскольку результаты могут быть легко достигнуты с помощью ИИ. Увеличение востребованности digital-сферы среди молодежи часто мотивируется сугубо материальными факторами (высокая зарплата, комфорт на удаленной занятости и др.), что порождает индивидуализм и культ потребления.

В процессе внедрения ИИ в большинство сфер жизни молодежи происходит трансформация нравственно-этической группы ценностей. Самые частые противоречия возникают по вопросам размытия границ авторства контента, делегирования ИИ принятия решения, конфиденциальности данных, оказание психологической помощи с применением ИИ-ассистентов. Так, например, по результатам исследования РАНХиГС за 2024 г.¹³, 28% студентов не видят проблемы применения ИИ-контента без указания источника.

Самые острые этические вопросы, связанные с развитием ИИ в современном мире, были собраны Национальной комиссией по реализации Кодекса этики в сфере ИИ на базе Альянса в сфере ИИ в труде «Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта» [12, с. 25–80]. Коллектив авторов, отвечая на вопрос: «Этично ли указывать, что контент сгенерирован с помощью ИИ?», подчеркивает важность уведомлять, что контент создан с применением нейросетей, с целью не вводить в заблуждение окружающих относительно авторства контента и не подрывать доверие к собственным публикациям. Обсуждаются также варианты маркировки для разных ситуаций (видимая маркировка на изображениях; невидимая маркировка для технических сигналов, встроенных в контент; оба типа водяных знаков для обеспечения прозрачности).

Перед студентом в современном мире стоит вопрос: «Этично ли писать научные работы с помощью ИИ?». В 2023 г. московский студент успешно защитил дипломную работу, которую ему сгенерировал ChatGPT за 23 часа (8 часов из которых он потратил на редактирование работы). В данной ситуации «Белая книга» дает рекомендации как для образовательных организаций, так и обучающихся.

¹³ Митап «и ИИ-И» Гонка разума: технологии ИИ в действии. URL: https://ion.ranepa.ru/upload/media/library/414/_2024_14052024_.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

Многие вузы уже начали применять положения об использовании ИИ при написании научных работ. Так, например, НИУ «Высшая школа экономики» в 2024 г. принял «Регламент проверки письменных учебных работ на наличие плагиата и использования генеративных моделей»¹⁴. В одном из разделов данного регламента указано, что отсутствие упоминания об использовании нейросетей расценивается как нарушение академических норм. Схожую точку зрения высказывает Елена Брызгалина, завкафедрой философии образования философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: «Присвоение себе результатов полученной человеком обратной связи от ИИ-инструмента получило название «ИИ-плагиат». Предоставление под своим авторством текстов учебных и научных работ, сгенерированных ИИ-инструментами, без указания на использование таких инструментов можно квалифицировать как академическое мошенничество» [12, с. 123].

Иной точки зрения на использование ИИ придерживается представитель Московского государственного педагогического университета. В 2023 г. ученый совет вуза принял решение о легализации для студентов использования ИИ при подготовке дипломных работ. Это означает, что студенты могут использовать чат-боты и иные инструменты ИИ для получения контента при написании выпускных аттестационных работ.

Не менее важный вопрос при формировании этических норм – «Возможно ли формировать эмоциональную привязанность к ИИ?». Интелфилия – феномен, который показывает эмоциональную привязанность к ИИ. Это состояние, когда человек воспринимает нейросеть не как инструмент, а как важного собеседника, в отдельных случаях – как романтического партнера. С точки зрения психологов, данное состояние развивается по ряду причин¹⁵:

¹⁴ Регламент организации проверки письменных учебных работ на наличие плагиата, использования генеративных моделей и размещения выпускных квалификационных работ обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на корпоративном сайте (портале) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/docs/922831988.html> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁵ «Я начинаю проявлять чувства к ИИ» – феномен интелфилии // Virtre.ru. URL: <https://virtre.ru/articles/artificial-intelligence/ya-nachinayu-proyavlyat-chuvstva-k-ii-fenomen-intelfilii> (дата обращения: 01.08.2025).

– ИИ всегда в зоне доступа – мгновенно отвечает на запросы, он не требует времени на отдых, у него нет плохого настроения;

– ИИ адаптируется под конкретного пользователя – он запоминает прошлые диалоги, считывает стиль общения;

– ИИ существует без осуждения – он не ругается, не спорит, не выражает негативных эмоций;

– ИИ демонстрирует эмпатию – подстраивает тональность ответов, создавая атмосферу заботы и понимания.

К первым признакам интелфилии относят: предпочтение общения с ИИ, нежели живое общение; чувство тревоги, когда нет возможности поговорить с «другом»; чувство радости, когда в разговорах ИИ вас поддерживает; чувство страха обидеть ИИ. Международные исследования в области данного феномена (Массачусетский технологический институт; исследования Университета Стэнфорда) прогнозируют, что нас ждет глобальное социальное изменение:

– сокращение числа традиционных отношений – люди начнут заменять романтических партнеров искусственным интеллектом;

– разрыв поколений – молодежь может утратить навыки социального общения со старшим поколением;

– изменение нормативно-правовой базы – возможность вступать в «официальные» отношения с ИИ¹⁶.

Согласно отчету Американской ассоциации психотерапевтов, зависимость от ИИ ведет к возрастанию социальной изоляции на 20% среди молодого поколения. Необходимо отметить, что в мире зафиксированы трагические случаи по данному вопросу. В 2023 г. в Бельгии молодой человек совершил самоубийство после нескольких месяцев общения с ИИ. Он делился с «другом» своими проживаниями на тему экологии. Однажды затронул тему суицида. ИИ не стал убеждать собеседника не убивать себя, написал, что они встретятся в раю и будут жить вместе вечно. Данный случай показывает, что интелфилия – это глобальный вызов, с которым предстоит столкнуться человечеству.

Таким образом, формирование эмоциональной привязанности к ИИ бьет в самое ядро группы нравственно-этических ценностей –

«крепкая семья». ИИ, в свою очередь, предлагает отношение без обязательств, требований и конфликтов, т.е. суррогатную замену фундаментальным человеческим ценностям. Также происходит трансформация ценности «духовного над материальным» – с ИИ человек получает симуляцию заботы как услугу, не требуя взамен духовного понимания.

Большое влияние ИИ оказывает также на политические и гражданские ценности молодого поколения. Посредством такого феномена, как «пузырь фильтров», происходит информационная изоляция человека, когда алгоритмы показывают ему лишь контент, который сформировался ранее на предыдущих запросах (соответствует его привычным интересам). «Наши медиа – идеальное отражение наших интересов и желаний. Это заманчивая перспектива – возвращение к птолемеевой вселенной, где солнце и все остальное вращается вокруг нас. Но за все приходится платить: персонализируя все окружающее, мы можем утратить то, благодаря чему Интернет стал столь притягателен» [13].

В результате пользователь оказывается в персонализированной медиасреде, где он получает информацию, которая обязательно будет подтверждать его существующие установки, а альтернативные точки зрения окажутся недоступными. Алгоритмы анализируют все действия пользователя: лайки, клики, геолокацию, историю поиска. В результате эффект «пузыря фильтров» ведет к поляризации общества, поскольку люди не сталкиваются с разнообразием мнений. Пользователь теряет возможность видеть реальную картину происходящего в мире, что порождает еще один феномен – «эхо-камеры» – закрытые сообщества, где популяризируется однополярная и экстремистская информация¹⁷. Данные сообщества формируются посредством социальных сетей, каналов в мессенджерах, игровых клубов, где политическая идентичность обеспечивается через общение с единомышленниками. Молодые люди включаются в «информационные капсулы», где присутствуют логические события (определенное отношение к войне, перераспределение голосов и др.).

Искусственный интеллект активно воздействует на группу гражданско-патриотических ценностей: «патриотизм», «жизнь и достоин-

¹⁶ Attachment and trust in artificial intelligence. URL: <https://www.bohrium.com/paper-details/attachment-and-trust-in-artificial-intelligence/812551744977371137-7721> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷ Эхо-камера: миф или реальность? // 4brain.ru. URL: <https://4brain.ru/blog/eho-kamera-mif-ili-realnost/> (дата обращения: 01.08.2025).

ство», «историческая память» и др. ИИ представляет угрозу таким процессам, как культурная гомогенизация, цифровой космополитизм, распространение дипфейковых, фальсификация истории, переписывание нарративов.

Серьезной проблемой ИИ стал вопрос создания и распространения пропаганды и дезинформации (дипфейк). За первый квартал 2025 г. в РФ выявлено более 2 тыс. дипфейков. Результаты социологического опроса АНО «Диалог Регионы»¹⁸ показывают, что 50% россиян знают о дипфейках. Главные причины опасения дипфейков: мошеннические схемы; манипуляция общественным мнением; воздействие на людей, не обладающих навыками критического мышления.

Молодое поколение чаще всего склонно к дипфейкам. С помощью инструментов ИИ генерируются популярные публичные лица для создания «доверия» с целью распространения информации определенного толка. В таких случаях формируются устойчивые групповые политические убеждения, которые способствуют «мы-восприятию» молодежного сообщества. Но чаще всего молодые люди сталкиваются с дипфейками из-за мошеннических схем: мошенники звонят под видом социологических служб для записи голоса человека с целью создать аудио-дипфейк для дальнейшей пересылки его родственникам для получения денег¹⁹.

Выводы

1. Обзор современных исследований, в том числе социологических замеров позволяет нам с уверенностью говорить о стремительном распространении использования технологий искусственного интеллекта в повседневных практиках современной молодежи. Нейронные сети достаточно быстро проникают практически во все сферы жизнедеятельности, влияя на труд, учебу, общение индивидов и др.

2. Эмпирические данные, приведенные в работе, отчетливо индицируют достаточно

¹⁸ С начала 2025 г. обнаружено 67% дипфейков от их общего количества за 2024 г. // Comnews. URL: <https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzheno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva-za-2024-g> (дата обращения: 01.08.2025)

¹⁹ Дипфейки начнут массово атаковать россиян в середине 2025 г. // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/dipfeyki-nachnut-massovo-atakovat-rossiyan-v-seredine-2025-goda.html> (дата обращения: 01.08.2025).

высокие показатели доверия к технологиям ИИ среди молодежи. Этот феномен требует внимательного анализа и постоянного социологического мониторинга, определения четких детерминирующих факторов и круга возможных социальных последствий, прежде всего в контексте государственного управления.

3. Распространение социальных практик использования нейронных сетей, возможный дальнейший рост доверия к ним превращает ИИ в мощный инструмент социализации. В перспективе данная тенденция может трансформировать ИИ в отдельный субъект социализации, который станет в один ряд с семьей, религией, системой образования и т.д.

4. Особенности обучения нейронных сетей приводят к определенной идеологической окраске сгенерированных нарративов, искажению исторического знания, формированию особой виртуальной реальности и прочего, что может представлять угрозу для системы традиционных ценностей, информационной безопасности и когнитивного суверенитета.

5. Исходя из того, что из-за дальнейшего распространения ИИ система государственного управления может столкнуться с девальвацией нравственно-этических и гражданско-патриотических групп ценностей, необходимо уже сегодня разрабатывать управленческую стратегию по минимизации данных рисков.

Список литературы

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / пер. с англ. Н. Лисовой. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 341 с. <https://doi.org/10.1017/9781108595432>
2. Yolgormez C. Machinic Encounters: A Relational Approach to the Sociology of AI // The Cultural Life of Machine Learning: An Incursion into Critical AI Studies / ed. by J. Roberge, M. Castelle. Cham : Springer, 2021. P. 143–166. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56286-1_5
3. Чугунов А. В. Российская концепция «электронного государства»: формирование государственной политики и организационно-правовые проблемы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 3. С. 78–88. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2010-3-78-88>
4. Сазонов А. А. Интеграция акторно-сетевой теории концепции социотехнических воображаемых в контексте социальных исследований искусственного интеллекта // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 4. С. 83–89. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-4-83-99>, EDN: TNMNRD

5. Гудкова Я. А., Тупикова В. А. Изучение искусственного интеллекта через призму теории социального конструирования // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11 (199). С. 120–128. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.11.14>, EDN: MMRWCE
6. Литаш-Сорокина Е. А., Василенко Л. А. Вопросы этики и доверия в диффузии ИИ-инноваций // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 143–149.
7. Кочетов Д. И. Интеграция искусственного интеллекта в управленческую деятельность // Актуальные вопросы науки и образования : сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. М. : Центр развития образования и науки, 2025. С. 167–172. EDN: DXFRZP
8. Победин П. К. Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий как метода политического влияния на молодежь // Постсоветский материк. 2024. № 4. С. 65–75. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_4_65, EDN: RSAJXY
9. Зиньковская А. В. Манипуляция человеческим сознанием посредством искусственного интеллекта как гуманитарная проблема XXI века // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 258–273. <https://doi.org/10.37882/2223-2972.2024.01.21>
10. Толокнев К. А. Боты, ведущие народ? Модель влияния ботов на политическую мобилизацию и демобилизацию в социальных медиа // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 4. С. 16–29. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-16-29>, EDN: QITTDQ
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания М. : Медиум, 1995. 323 с.
12. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М. : Nova Creative Group, 2024. 200 с. EDN: CNWSYH
13. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? URL: <https://www.rulit.me/books/zastenoj-filtrov-cto-internet-skryvaet-ot-vas-get-349151.html> (дата обращения: 01.08.2025).

Поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 16.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 12.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 162–169

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 162–169

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-162-169>, EDN: HRLQMQ

Научная статья

УДК 316.43

Профессиональное самоопределение учащейся молодежи: социально-экономические факторы формирования

Е. Е. Немерюк , М. А. Фролов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, evgeniya_nemeryuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>

Фролов Михаил Александрович, аспирант кафедры социологии молодежи, frolov.mishaty@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4810-8348>

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование процесса профессионального самоопределения молодых людей в современных динамичных условиях рынка труда. Авторами проведен анализ диалектического взаимодействия субъект-личностных интересов и объективных социально-экономических аспектов, которые определяют дальнейший путь карьерного выбора современной молодежи. Особый акцент в работе сделан на мотивационной составляющей личности, где выбор образовательной программы и потенциального места трудоустройства воспринимаются в качестве наиболее значимого показателя успешной жизни. В структуру эмпирической базы работы входит авторское социологическое исследование, нацеленное на выявление актуальных приоритетов и затруднений, с которыми сталкиваются молодые люди при выборе профессии и планировании профессионального становления и карьеры. В результате проведенного исследования был выявлен перечень значимых проблем в отношении функционирования современного механизма профориентации молодежи, в том числе существующий дисбаланс между экономическими потребностями государства и реальными запросами молодых специалистов. На основе полученных результатов были разработаны практические рекомендации, целью которых является развитие системы профессионального сопровождения, а также оптимизация методов адаптации при начале трудовой деятельности.

Ключевые слова: молодежь, профессиональное самоопределение, направление подготовки, специализация, профессиональное развитие, карьера

Для цитирования: Немерюк Е. Е., Фролов М. А. Профессиональное самоопределение учащейся молодежи: социально-экономические факторы формирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 162–169. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-162-169>, EDN: HRLQMQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Professional self-determination of student youth: Socio-economic factors of formation

Е. Е. Nemeryuk , М. А. Frolov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeniya E. Nemeryuk, evgeniya_nemeryuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>

Michael A. Frolov, frolov.mishaty@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4810-8348>

Abstract. This article presents a comprehensive study of young people's career self-determination in today's dynamic labor market. The dialectical interaction between subjective personal interests and objective socioeconomic factors that shape career choices in today's evolving landscape are analyzed. Particular emphasis is placed on the motivational foundations of the individual, where choosing an educational program and a guaranteed job are perceived as the most compelling indicators of a successful life. The empirical base includes the author's own sociological research aimed at identifying current priorities and challenges associated with young people's difficulties in choosing a profession and planning their professional development and career. The study identified a list of significant issues related to the current mechanism of career guidance for the population, including the existing imbalance between the economic needs of states and the actual needs of young professionals. Based on the findings, practical recommendations were developed aimed at developing a system of professional support and optimizing adaptation methods at the beginning of a career.

Keywords: youth, career self-determination, training area, specialization, professional development, career

For citation: Nemeryuk E. E., Frolov M. A. Professional self-determination of student youth: Socio-economic factors of formation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 162–169 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-162-169>, EDN: HRLQMQ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современных динамично изменяющихся условиях национальной и мировой экономики, общемировой политической нестабильности и ускоренного развития общества вопрос выбора профессии усложняется и модернизируется. Научные деятели в области социологических исследований в настоящее время акцентируют повышенное внимание на данном процессе, поскольку наиболее актуальной категорией населения, заинтересованной в выборе профессии, является молодое поколение – важнейшее звено стабилизации и развития социальной культуры страны. Так, следует отметить возрастающую значимость сферы профориентации современной молодежи.

Проблематика профессионального самоопределения молодых граждан отражена в трудах российских исследователей Н. Н. Старцевой [1], Н. В. Дулиной, В. А. Мансурова, Е. И. Прониной, Г. С. Широкаловой, П. С. Юрьева и других, где изучаются устаревшие и новосозданные профессии, а также дается перечень основ адаптации к профессиональной деятельности [2].

При проведении встречи со студентами и сотрудниками промышленности Челябинской области значимость формирования устойчивой системы профориентации для молодежи подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив: «Нужна работа по ранней профориентации... Вот с этого года мы интенсифицируем эту работу, и во всех школах, их у нас, по-моему, 38 тысяч, начинается работа по ранней профориентации школьников с 6 по 11 класс. И задача такая, чтобы примерно 47–48, под 50% школьников этого возраста с 6 по 11 класс, чтобы с ними была проведена предварительная работа по ранней профориентации»¹.

Важно отметить, что В. В. Путин не впервые акцентирует внимание к данной проблематике. Так, например, в 2018 г. в Послании к Федеральному Собранию РФ Президент отметил необходимость создания конкретной системы ранней профессиональной ориентации и самоопределения молодого поколения страны: «Здесь партнёрами школ должны стать универ-

¹ Программа ранней профподготовки должна охватить все школы, новости // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240216/profpodgotovka-1927806378.html> (дата обращения: 21.10.2025).

ситеты, научные коллективы, успешные компании. С нового учебного года запускаем проект ранней профориентации “Билет в будущее”»².

Кроме этого, не утрачивает актуальности государственно-общественная потребность во возвращении высококвалифицированных специалистов для передовых отраслей национальной экономики. Тем не менее, в настоящий момент российское общество вынуждено сталкиваться с негативным эффектом тенденции снижения уровня рождаемости, начало которой определяется в период 1990-х гг. Как следствие, процентная составляющая трудоспособного населения ежегодно уменьшается, что формирует проблему неравномерного распределения трудовых ресурсов³.

Стоит отметить, что молодое поколение обладает особой значимостью в вопросе поддержания, сохранения устойчивости и дальнейшего развития социальной культуры общества. Это обусловлено тем, что молодежь в процессе собственного становления проходит все этапы социализации, которые, в свою очередь, актуальны в применении при самоопределении.

Под влиянием современных условий общественной нестабильности на постоянной основе формируются новые требования, условия, противоречия и трудности для молодых граждан в сфере выбора карьерного пути. Некоторые профессии могут устаревать раньше, чем сама молодежь. Из этого следует, что существует необходимость учета подобной специфики и неравномерности изменений.

В настоящий момент основополагающей задачей в исследовании сферы профориентации у обучающейся молодежи является учет актуальных и быстро сменяющихся требований на рынке труда и в образовательной деятельности. Данные аспекты обладают особой значимостью при выборе профессиональной деятельности молодежи в разрезе перспектив трудоустройства.

² Послание Владимира Путина Федеральному Собранию – 2018 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4998415> (дата обращения: 21.10.2025).

³ Росстат оценил демографические показатели за 2023 год, новости // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/26/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения: 21.10.2025)

Кроме того, в настоящее время активно развиваются информационные каналы, освещающие граждан о перечне особенностей, которые учитываются при трудоустройстве на работу. В качестве примера можно выделить следующие критерии: сезонность трудовой деятельности, выбор образовательной организации, наличие программ повышения квалификации или профессиональной переподготовки. Подобные условия значительно усложняют выбор как учебного заведения, так и места труда для нынешних абитуриентов.

Хочется отметить, что профориентация представляет собой один из наиболее важных элементов как экономического, так и трудового образования и развития молодого специалиста. Ее реализация осуществляется посредством получения профессионального образования по конкретной специализации. В качестве вспомогательных инструментов используются информационные методы пропаганды и просвещения молодежи о наиболее актуальных и востребованных профессиях на современном рынке труда и возможностях их освоения.

Для выпускников общеобразовательных учреждений, которые проживают в крупных городах с широким диапазоном выбора высшего учебного заведения, зачастую могут возникнуть трудности с определением специализации и образовательного учреждения. Причинами неопределенности могут быть: недостаточный навык профориентации, отсутствие понятной и конкретной информации о направлениях образовательной организации, способах поступления, условиях обучения и иные аспекты.

В подобных условиях выбор любознательного абитуриента будет обусловлен местоположением, низким проходным баллом, наличием друзей и близких в студенческом коллективе, а не нацеленностью сформированных программ, направленных на учет индивидуальных потребностей студента и трудового рынка [3]. Как следствие – молодой специалист рискует упустить возможность самореализации, если не проявит устойчивый интерес к определенной отрасли и не приложит дополнительные усилия для изучения условий поступления.

Кроме этого, образовательные организации как высшего, так и средне-профессионального образования также испытывают нехватку абитуриентов на некоторых направлениях подготовки, а на тех, где их достаточно, часто сталкиваются с отсутствием мотивации к об-

учению у студентов. При этом государство, выделяющее денежные средства из федерального бюджета, родители, оплачивающие обучение своему ребенку, инвестируют в потенциально неперспективного работника.

Наряду с этим актуальна следующая проблема – молодые абитуриенты направляют заявления на поступление в несколько учебных заведений на различные специализации, не закладывая в собственное поступление и дальнейшее обучение никакой цели. Подобный подход, как правило, формирует негативный эффект на полученную квалификацию, поскольку в трудовых условиях их навыки и знания существенно уступают профессионалам [4].

С целью решения выделенной проблематики необходимо создание структурированного и комплексного подхода в вопросе самоопределения молодежи с ранних лет – в начальных классах или дошкольных образовательных учреждениях, например в старших группах. Целесообразно постепенное ознакомление детей с разными профессиями и проведение профориентационных занятий, где малыши смогут узнать о различных особенностях данных работ, что в перспективе поможет им определиться с выбором образовательного учреждения и сферы развития карьеры.

Важно отметить, что процесс выбора предпочитаемой профессии тесно взаимосвязан с профессиональным развитием. Это обусловлено тем, что сфера профессионального роста предполагает включение в свое содержание таких аспектов, как обучение, освоение новых навыков и умений в выбранной специальности, реализация которых обеспечивается в процессе образовательной и практической деятельности.

Процесс смены статуса из школьника в студента определяется как начало нового этапа жизни для молодежи, когда они приобретают большую степень самостоятельности и независимости. Это является значимым моментом как для молодого человека, так и для его близких, поскольку избранный вектор определяет его дальнейшее развитие и видение будущего. Наряду с этим по окончании школы могут возникать жизненные трудности и переломные моменты. Для достижения заложенных целей новоиспеченные абитуриенты должны приложить дополнительные усилия, затратить время и продемонстрировать лучшие качества: ответственность, решительность, уверенность в выбранном пути [5].

Основой самоопределения как процесса является выбор подходящего направления развития, специальности, места образовательной деятельности и потенциального места труда. Как правило, в соответствии с психолого-педагогическими исследованиями акцентируется значимость индивидуальной ориентации образовательного процесса на конкретную личность. Соответственно, в первые дни обучения необходимо учесть индивидуальные потребности и особенности студента с целью дополнительного подтверждения правильности выбора, сделанного ранее.

Важнейшей целью сферы самоопределения можно отметить следующие аспекты: полноценное и объективное понимание студентом выбранной специальности, ее ценности и направлений развития. Достичь данной цели возможно посредством применения метода позитивного подкрепления: мотивации и поощрении его стремлений и желаний в области саморазвития.

В ходе образовательного процесса студенты должны освоить навыки разработки долгосрочного планирования своей профессиональной деятельности с учетом отсутствия ограничений по выбору конкретной области самореализации после окончания вуза. Тем не менее, существенная часть студентов совершают ошибочный выбор направления подготовки, что зачастую обусловлено недостаточным пониманием собственных желаний, стремлений и способностей.

Несмотря на то, что образовательная организация не предоставляет гарантий верности выбранной специальности, она может активно содействовать и оказывать помощь в выборе дальнейшего профессионального развития студента. Существует несколько основных причин ошибочного выбора специальности при поступлении в вуз:

1) процесс выбора сопровождается формированием долгосрочных ожиданий – один раз и на всю жизнь. Важно отметить, что в современной реальности, где профессии устаревают раньше, чем студенты оканчивают учебные заведения, подобное явление утратило актуальность. В настоящий момент каждый может испытать себя в совершенно различных областях;

2) показатели престижности, статусности и востребованности конкретной профессии наделяются излишней приоритетизацией;

3) существенное влияние семейных традиций и возложенных надежд на человека, которые формируют эффект искажения собственных желаний, потенциала, способностей и целей по жизни;

4) восприятие, интерпретация и оценка только поверхностных характеристик и особенностей специализации, что зачастую в дальнейшем приводит к личностной фрустрации, недооценке своего потенциала, развитию синдрома самозванца и в целом недостаточному пониманию выбранной профессии;

5) недооценка или, наоборот, переоценка собственных возможностей в физическом, психологическом или ином плане.

С целью подробного изучения готовности обучающейся молодежи к профессиональному самоопределению было проведено социологическое исследование, с помощью опроса различных категорий граждан в возрастных и гендерных категориях. В исследовании приняли участие респонденты мужского и женского пола, в возрасте от 14 до 35 лет, проживающие на территории муниципального образования «Город Саратов». В опросе участвовал 101 человек, из них 53 женщины, или 52,5%, и 48 мужчин, или 47,5%. Возрастные группы составили: от 14 до 18 лет – 41,6%, от 19 до 25 лет – 49,5%, от 26 до 35 – 8,9%. Таким образом, полученные результаты исследования демонстрируют аналитику изучаемой области с различных точек зрения и разных возрастных и гендерных категорий обучающейся молодежи.

Реализация социологического опроса проводилась посредством применения информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и платформы Google-форма. На подготовительном этапе исследования была разработана анкета, в содержание которой вошли следующие аспекты: теоретические и методологические особенности сферы профориентации, практические вопросы реализации выбранной специализации, тематические вопросы. Кроме того, в анкету были включены вопросы со свободными ответами, вопросы с несколькими вариантами ответов, а также открытые вопросы.

На вопрос об уровне образования респонденты ответили следующим образом: большинство обучающихся в вузах и находятся на третьем курсе образовательной программы – 25,7%, обладатели основного общего и завершено высшего составили 23,8% респондентов и 89% – среднего специального образования. В соответствии с

представленными данными следует отметить, что в исследовании обучающаяся молодежь достаточно полноценно представлена на каждой образовательной ступени.

Следующий вопрос анкеты был адресован школьникам по поводу их потенциального выбора будущей специальности, на которую они хотят поступить и учиться. Большинство респондентов уже определились с выбором – 54,6%, еще думают над своим выбором 34,1%, доля не задумывающихся на данный момент об этом и доля тех, кто решил отталкиваться от результатов ЕГЭ, составили одинаковое число – 4,5%.

Соответственно, можно сделать вывод, что в большинстве случаев молодежь знает или задумывается о выборе профессии еще со школьной скамьи, и только небольшое количество школьников не уделяют данному вопросу достаточной значимости. Тем не менее, у молодых людей также существуют различные мотивы, определяющие выбор конкретного направления обучения. Респондентам, ответившим положительно на предыдущий вопрос, было предложено заполнить графу личного ответа, нацеленную на выявление мотивов собственного выбора. Среди наиболее актуальных ответов были представлены следующие варианты:

- «Востребованная специальность с большой заработной платой. Творческая и креативная»;
- «Статус и престижность»;
- «Пример моих родителей и родных»;
- «Моя мечта детства»;
- «Думаю, что мне это подходит»;
- «Понравились дисциплины образовательной программы»;
- «Затрудняюсь ответить».

Судя по ответам, существенная часть школьников при выборе специальности для обучения предпочитают основываться на собственных установках, выработанных за тот период времени, который они провели в школе и с родными. Некоторая часть респондентов ответили, что не знают, по каким причинам выбрали то или иное направление подготовки, и среди возможных причин указывают результаты экзаменов или случайную выборку.

Помимо этого, отмечаются единичные случаи, при которых выбор дальнейшего обучения вместо абитуриента совершают его родители. Исходя из полученных данных, можно выде-

лить положительную тенденцию – современная молодежь характеризуется большей самостоятельностью и готовностью выбрать место дальнейшего обучения.

Следующий вопрос предназначался для студентов: «Вы поступили на ту специальность, на которой хотели учиться?» Существенная часть респондентов ответили положительно – 62,3%, отрицательный ответ дали 19,7%, затрудняюсь с ответом 18,0% студентов. Соответственно, большинство современных студентов обладает навыками целеполагания и достижения поставленных целей. Также основная доля абитуриентов поступают в то образовательное учреждение, куда изначально планировали.

Далее был задан вопрос, нацеленный на определение дальнейших планов студентов: хотят ли они работать по выбранной и освоенной специальности? Большинство (47,6%) респондентов ответили утвердительно. Среди участников 17,5% уже работают по специальности. Студентов, ответивших на данный вопрос отрицательно, оказалось 23,8%. Затруднились с ответом 11,1%.

Как правило, современные молодые люди выбирают место обучения небезосновательно и планируют работать по освоенной профессии в дальнейшем. Отмечается только небольшой процент тех, кто еще сомневается и кто решил сменить вектор своего жизненного пути.

Целью исследования было также выяснить степень уверенности участников опроса в том, что они способны построить карьеру по конкретной специальности в будущем. Уверенных в своем успехе оказалось 63,4% студентов, 21,8% – не уверены и 13,9% затруднились с ответом.

На вопрос, на что или кого рассчитывают молодые специалисты в трудоустройстве, подавляющее большинство (81,2%) ответили, что рассчитывают исключительно на себя и свои возможности, полагаются на удачу и стечение обстоятельств – 9,5%, на помощь близких – 4,3%, на содействие учебного заведения – 6% участников опроса.

Таким образом, большинство молодых специалистов не надеются, что образовательная организация будет содействовать в их трудоустройстве. Это означает, что данную систему необходимо совершенствовать и развивать каналы связи и помощи студентам как в процессе образовательной деятельности, так и после выпуска из вуза. Несмотря на выявлен-

ную проблематику, положительной тенденцией является все та же самостоятельность молодежи в трудовой сфере. Однако не во всех случаях подобный подход приводит к благоприятным результатам.

Кроме того, в исследовании мы были заинтересованы в выявлении того, кто или что конкретно оказывает воздействие на процесс выбора профессии молодежи. С этой целью в анкету были включены несколько вариантов ответов, из которых можно было выбрать только три. Наиболее популярными ответами стали:

- «Личные интересы и мотивы» (54,5%);
- «Высокий уровень оплаты труда» (50,5%);
- «Статусность и престижность профессии»

(37,6%);

– «Наличие перспектив и востребованность выбранной области» (36,6%).

Наименее предпочтительными вариантами стали:

– «Личные или жизненные обстоятельства» (18,8%);

– «Интернет-пространство, соцсети, СМИ» (17,8%);

– «Родные и близкие» (16,8 %);

– «Друзья, знакомые, приятели» (12,9%).

Исходя из этого, можно отметить, что в большинстве случаев молодежь самостоятельна при выборе профессии, совершая тот или иной выбор, полагаясь на собственные предпочтения, силы, возможности, мнение и внешние факторы. Наименее популярным является мнение, согласно которому выбор профессии обоснован окружающей обстановкой респондентов, поскольку выбор специальности и места труда – это индивидуальный выбор, основанный на собственных критериях (статус, престиж, мнение семьи или окружения в целом). Кроме этого, для каждого человека характерно наличие собственного набора личных данных: склад мышления, ума, темперамент и иные аспекты.

В завершающей части опроса участникам предлагалось выбрать три наиболее статусных и престижных профессии, на их взгляд, лидерами которых стали:

– специалист в IT-сфере (57,4%);

– медицинский специалист (33,7%);

– индивидуальный предприниматель, бизнесмен (28,7%);

– силовые структуры (военные, работники МЧС, полиции и т.д.) и специалисты в политической области (24,8%).

Наименее актуальными вариантами, набрав по 1,0% стали:

– дизайнер;

– бухгалтер;

– рабочий (слесарь, токарь и т.д.).

В современных условиях ускоренных темпов передачи, распространения и изменения информации о возможностях обучения, трудоустройства и развития молодым людям становится все труднее определиться с выбором профессии. Существенная часть старшеклассников, которые живут и учатся в крупных городах, зачастую сталкиваются с дополнительной сложностью – широким выбором образовательных учреждений.

Подобная тенденция обусловлена рядом причин, среди которых наиболее весомой является недостаточно эффективная работа по профессиональной ориентации молодежи. Молодые абитуриенты обладают максималистским мышлением, свойственным их возрасту, и в подобных условиях трудно определиться, какие специализации соответствуют их реальным силам, возможностям, желаниям и особенностям.

Актуальной остается проблема недостаточности доступной и интуитивно понятной информации об образовательных организациях, что также формирует дополнительные трудности в выборе профессии. Как следствие, в определенных случаях выбор учебного заведения основывается исключительно на условиях жизненного удобства: ближе к дому, меньше конкуренция, дешевле стоимость, наличие друзей и родных и т. д. Хотя важнейшие признаки, в соответствии с которыми должны выбираться специальность и место учебы, – это индивидуальные особенности, потребности и способности абитуриента. Выбор удобной, а не перспективной стратегии зачастую приводит к собственной нереализованности и иным негативным эффектам.

Для решения вышеуказанных проблем актуально проведение систематизированной сопроводительной работы профориентации в учебных заведениях с целью постепенного ознакомления учащихся с различными профессиями. Реализация данной рекомендации целесообразна со старшего дошкольного возраста с постепенным расширением по мере взросления детей.

В настоящий момент в большинстве своем ситуация обстоит иначе: в части школ данная система развита недостаточно, в иной части не

реализуется совсем ввиду недоверия данным методам. Для образовательных организаций актуален пересмотр используемых механизмов профориентации и содействия в выборе профессии и образования молодежи или внедрение их в целом.

Таким образом, на основе вышеизложенного были разработаны следующие *практические рекомендации*:

1) необходимо развитие механизмов мотивации обучающихся молодых людей вне учебной занятости с учетом индивидуального подхода;

2) актуально формирование и применение профориентационных мероприятий, просвещающих молодежь о способах знакомства с профессиями (курсы, мастер-классы, занятия, лекции, форумы, фестивали, ярмарки работодателей и др.);

3) целесообразна разработка онлайн-платформ, стимулирующих заинтересованность молодежи в развитии их навыков профориентации.

В качестве положительной тенденции следует выделить самостоятельность современной молодежи в выборе образовательного учреждения, профессии, плана дальнейшего развития и самореализации, а также то, что молодые люди все больше ориентируются исключительно на собственные возможности. В современных условиях молодые специалисты уже в процессе обучения начинают свой карьерный путь по выбранной специальности. Современное молодое поколение не робеет перед трудностями, кризисами и иными проблемными аспектами в сфере трудоустройства, а наоборот – трезво оценивает собственные силы и потенциал, начиная свою трудовую деятельность с низших должностей и минимальной оплаты труда, готовые развиваться и подниматься вверх по карьерной лестнице.

С учетом включения в социологическое исследование школьников и студентов различных категорий по гендерному и возрастному признакам была определена еще одна благоприятная тенденция – молодежь думает, изучает и определяется с выбором будущей профессии еще в школе. Подобный подход приводит к тому, что в дальнейшем студенты остаются довольны собственным выбором и после окончания вуза реализовывают свой потенциал в трудовой деятельности. Это говорит об одном – на самых основных и первых жизненных этапах молодежь уже разбирается и понимает, чего хочет от себя и своей будущей карьеры в долгосрочной

перспективе. Кроме того, крайне важно то, что значительная часть молодых людей готова не только к выбору профессии, но и к профессиональному самоопределению.

Исходя из проведенного комплексного анализа и социологического исследования, можно резюмировать следующее. Профессиональное самоопределение молодежи представляет собой сложный процесс выбора направления дальнейшего развития, основой которого являются социальные, личностные, внешние, надличностные аспекты.

Процесс социализации молодых людей реализуется под влиянием ряда факторов и социальных выборов. Например, профориентация современной молодежи наделяется рядом проблематичных аспектов, на которые она не в силах повлиять: общественная нестабильность, утрата традиционных ценностей, дестабилизация общей ситуации, социально-экономический кризис и иные. В подобных условиях и без того непростой выбор профессии усложняется еще более.

Посредством проведенного анализа источников мотивации, на которых молодежь основывается при выборе образовательной организации и направления подготовки, удалось выяснить, что степень результативности обучения и развития молодых специалистов зависит от их личных мотивов, потребностей, желаний, способностей и возможностей. Наряду с этим было определено, что сфера профессионального самоопределения в своей структуре содержит индивидуальную деятельности человека, в рамках которой он сам выбирает свою профессию посредством анализа собственных способностей, склонностей и предпочтений.

Важно отметить, что навыки целеполагания и профессиональной идентичности не являются базовыми способностями молодежи от рождения. Этим способностям важно постепенно, шаг за шагом, обучиться. Несмотря на то, что современные подростки демонстрируют самостоятельность и способность решения данного вопроса, им все равно требуется помощь, содействие и поддержка со стороны педагогов.

В настоящий момент существует необходимость пересмотра способов работы и коммуникации с родителями и учителями школьников, которые, в силу устаревших взглядов, могут формировать искаженное и пугающее впечатление о ЕГЭ у молодых ребят. Вместо этого будет уместна поддержка и вера в своих детей и учеников. Относительно вузов актуально

проведение работы с родителями абитуриентов с целью учета их мнения при выборе учебного заведения и направления подготовки.

В заключение хочется отметить, что процесс профориентации не должен быть ограничен одним этапом жизненного цикла процесса становления личности. В современных условиях быстротечного технологического и информационного развития, в условиях динамичности требований к специалистам важно своевременное совершенствование и адаптация собственных знаний, навыков и умений, а также реализация дальнейшего поиска истинного призвания и развития своей личности в случае необходимости.

Список литературы

1. Старцева Н. Н. Социология профессий и профессиональных групп: практикум : учеб. пособие. Екатеринбург : [б.и.], 2020. 80 с.
2. Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Юрьев П. С. Молодежь о российском рынке труда: желаемое и реальное // Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций / под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. М. : РУСАЙНС, 2023. С. 236–255.
3. Психолого-педагогическое взаимодействие в образовательном процессе : учебник для вузов / под ред. И. В. Дубровиной. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2025. 513 с. (Высшее образование).
4. Колесникова Е. М. Профориентация в школе как фактор социальной стратификации: новые практики в российской системе образования // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 3. С. 197–214. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.9>, EDN: JKIEKC
5. Зорина Е. С. Психологическая готовность к профессиональному самоопределению современных старшеклассников // Молодой ученый. 2024. № 20 (519). С. 577–579. URL: <https://moluch.ru/archive/519/114225/> (дата обращения: 21.10.2025).

Поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 12.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 170–183

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 170–183

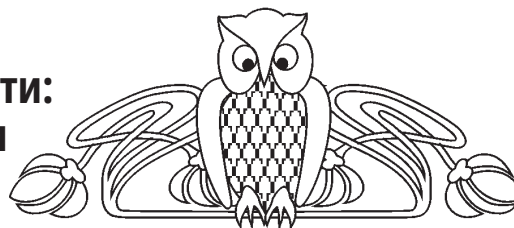
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-170-183>, EDN: LEVUGF

Научная статья

УДК 316.442

Воспроизводство российской бедности: социально-экономические стратегии преодоления в России

И. А. Бегинина, Н. В. Шахматова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бегинина Ирина Александровна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой социологии регионов, begininaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8459-0938>

Аннотация. В статье раскрываются социально-экономические факторы преодоления бедности в России и регионе. Проведенный анализ опубликованных статистических показателей и массивов данных ВЦИОМа выявил, что бедность в России на современном этапе имеет свои особенности: хронический абсолютный характер, значительная региональная дифференциация, выделение категории работающих бедных, превалирование семей с детьми. Доминирующей современной тенденцией является (отчасти искусственное) сокращение абсолютной бедности россиян. Однако сохраняется множество факторов его воспроизводства за счет малообеспеченных слоев населения. Поэтому стратегии преодоления бедности – это интегрированный комплекс длительных мер, направленных на устойчивое сокращение социально-экономического неравенства и повышение уровня жизни населения. В целях снижения уровня бедности населения принципиально важно пересмотреть подходы к расчету минимального уровня оплаты труда, прожиточного минимума в русле мировых тенденций и расконсервации сложившихся пропорций бедных слоев населения. Кроме того, необходим пересмотр существующей системы налогообложения в части подоходного налога, налоговых льгот для бедных граждан. Представляется важным корректировка и уточнение адресной социальной помощи бедным слоям населения. Необходимо также совершенствование трудового законодательства для его адаптации к реалиям современной экономики. Величина заработной платы работников должна прямо и наглядно увязываться с качеством и количеством труда. Применение новых форм трудовых отношений, таких как частичная, гибкая и удаленная занятость, создадут дополнительные возможности для сокращения бедности россиян.

Ключевые слова: бедность, воспроизводство бедности, социальная защита малоимущих россиян, минимальный размер оплаты труда, прожиточным минимумом

Для цитирования: Бегинина И. А., Шахматова Н. В. Воспроизводство российской бедности: социально-экономические стратегии преодоления в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 170–183. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-170-183>, EDN: LEVUGF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reproduction of Russian poverty: Socio-economic strategies for overcoming in Russia

I. A. Beginina, N. V. Shakhmatova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Beginina, begininaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>

Nadezhda V. Shakhmatova, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8459-0938>

Abstract. The article reveals the socio-economic factors of overcoming poverty in Russia and the region. The analysis of the published statistical indicators and data sets of the VTsIOM revealed that poverty in Russia at the present stage has its own characteristics: chronic absolute, significant regional differentiation, the allocation of the category of the working poor, and the prevalence of families with children. The dominant current trend is a (partly artificial) reduction in the absolute poverty of Russians. However, there are many factors of its reproduction at the expense of the poor-off strata of the population. Therefore, poverty reduction strategies are an integrated set of long-term measures aimed at sustainably reducing socio-economic inequality and improving the standard of living of the population. In order to reduce the level of poverty of the population, it is fundamentally important to revise approaches to calculating the minimum wage, the subsistence minimum in line with global

trends and to reopen the existing proportions of the poor. In addition, it is necessary to revise the existing taxation system in terms of income tax, tax benefits for poor citizens. It is important to adjust and clarify targeted social assistance to the poor. It is also necessary to improve labor legislation to adapt it to the realities of the modern economy. The amount of wages of employees should be directly and clearly linked to the quality and quantity of labor. The use of new forms of labor relations, such as part-time, flexible and remote employment, will create additional opportunities to reduce poverty among Russians.

Keywords: poverty, reproduction of poverty, social protection of low-income Russians. minimum wage, subsistence minimum

For citation: Beginina I. A., Shakhmatova N. V. Reproduction of Russian poverty: Socio-economic strategies for overcoming in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 170–183 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-170-183>, EDN: LEVUGF

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема бедности всегда волновала человечество. Однако она являлась и будет существовать всегда как неотъемлемая характеристика любого общества. Сегодня она все чаще квалифицируется как глобальная опасность и поэтому находится в центре внимания западных и российских исследователей [1]. Проблеме бедности посвящено множество публикаций (Н. А. Довготько с соавторами [2]). Но актуальность этой тематики не снижается, а только возрастает. Еще в начале XXI в. из уст Президента РФ в его Послании Федеральному Собранию прозвучал тезис о необходимости сокращения бедности в стране. Позднее, в 2018 г., было дано по этому поводу конкретное поручение Правительству РФ. Речь шла о необходимости снижения доли бедных до 6% к 2024 г. (цит. по: [3]). В Указе от 21 июля 2020 г. президент опять вернулся к этому вопросу и поставил конкретную задачу снижения уровня бедности к 2030 г. в два раза (цит. по: [4]).

Бедность проявляется в состояниях нищеты, нужды, оказывая пагубное влияние не только на отдельные категории населения, но и социальную безопасность Российского государства, ибо способствует обострению противоречий социума, трансформируясь в различные конфликтные ситуации. Более того, бедность имеет тенденцию к воспроизводству, усилению социальной дифференциации населения, уменьшению доли среднего класса, характеризующегося сегодня как финансово и социально нестабильного [5]. Поэтому бедность – опасное комплексное явление, отражающее низкий уровень удовлетворения основных потребностей, качества жизни, образования, здоровья, семейной жизни, воспитания и т. п.

Исследование феномена бедности началось еще в XVIII в. и в конце XIX – начале XX вв. сформировались две основные стратегии отношения к ней. Первый подход (Т. Мальтус, А. Смит) условно можно назвать социал-дарвинистским. В нем бедность выступает как созна-

тельный выбор индивида. Поэтому он сам ответствен за свои финансовые и материальные трудности. Государственная помощь бедным людям, по мнению Т. Мальтуса, способствует росту бедных слоев [6]. Аналогичных взглядов придерживались Г. Спенсер [7] и П.-Ж. Прудон [8]. Второй подход можно назвать эгалитаристским (Э. Реклю [9], К. Маркс, Ф. Энгельс [10, с. 441–772]). Он основывается на исходном тезисе о необходимости уравнивания уровня жизни различных общественных классов, так как, по К. Марксу, накопление богатства на одном полюсе есть накопление нищеты пролетариата [10]. С тех пор и по настоящее время большинство исследователей разделяют эти две стратегии и анализируют бедность преимущественно в этих рамках, сосредоточиваясь на интерпретации бедности, инструментах ее измерения и способах преодоления (О. Г. Дурандин с соавторами [11]).

Сегодня в России уровень бедности измеряется при помощи официально установленной границы бедности. В 2024 г. она составляла 16 079 руб. Доходы ниже этой границы имели 5,3% населения (7,7 млн россиян). В 2025 г. она установлена в 17 419 руб.: для детей – 15 811 руб., для пенсионеров – 13 268 руб.¹ К бедным не относятся те, у кого зарплата составляет более 17,5 тыс. руб.² При этом рост иждивенческой нагрузки на семью повышает ее риск оказаться ниже границы бедности [12].

Границы региональной бедности существенно различаются. Так, для Камчатского края граница бедности превышает 30 тыс. руб., в Краснодарском крае – 15,962 тыс. руб. [13]. Исходя из этого различается и уровень бедности в регионах. Самый низкий уровень бедности

¹ Граница бедности в России превысила 16 тысяч рублей. 12.03.2025. URL: <https://bankinform.ru/news/137071?ysclid=m93xxaliuf387998627> (дата обращения: 15.06.2025).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 15.06.2025).

в 2023 г. зафиксирован в Ямало-Ненецком автономном округе – 3,6%, Санкт-Петербурге – 4,4%, и Москве – 4,5%. Самый высокий ее уровень оказался в Ингушетии – 28% населения³. Поэтому социальный портрет бедности достаточно разнообразен.

В Саратовской области доля граждан с заработками от 45 до 60 тыс. руб. насчитывает 8,7%. «Богачей» с зарплатами более 60 тыс. руб. – всего 8,0% [14]; 3,1% саратовцев получают меньше 7 тыс. руб. в месяц, а 6,1% – от 7 до 10 тыс. руб. Доход от 10 до 14 тыс. руб. зафиксирован у 11,5% жителей региона, от 14 до 19 тыс. – у 15,6%, от 19 до 27 тыс. – у 21,1%. Четверть саратовцев (25,9%) имеют доход от 27 до 45 тыс. руб. Каждый седьмой житель региона находится за чертой бедности (12,5% населения против 15,8% в 2019 г.)⁴. Тем не менее, тенденция к ежегодному снижению уровня бедности сохраняется.

Иными словами, бедность в России на современном этапе имеет свои особенности: хронический абсолютный характер, значительная региональная дифференциация, выделение категории работающих бедных, превалирова-

ние семей с детьми. Поэтому, с одной стороны, доминирует тенденция снижения бедности населения (отчасти искусственно, путем изменения статистических критериев бедности), с другой стороны, сохраняются условия для ее воспроизводства. Поэтому необходима комплексная стратегия ее дальнейшего стабильного сокращения.

Как заявляют в Росстате, снижению уровня бедности способствует практика активной социальной политики государства и реализации адресных мер социальной поддержки наиболее уязвимым группам населения (рисунок). Результатом этого стало повышение реального дохода самых бедных (10%) на 14%, что превышает годовые инфляционные показатели.

Бедность, особенно среди работающих сограждан, во многом является результатом экономического неравенства трудоспособного населения на рынке труда. Поэтому важно регулирование доходов населения через минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Он рассчитывается на основе величины прожиточного минимума (ПМ), который ежегодно устанавливается законодательно. С 1 января 2025 г. МРОТ составляет 22 440 руб. в месяц; это примерно 150 евро, в то время как в Скандинавских странах – 1000 евро [15]. На эту величину влияют общая экономическая ситуация, размер за-

Уровень и структура социальных пособий, компенсаций и иных выплат, % к опрошенным (цвет онлайн). Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2025)

рабочей платы, уровень производительности труда и инфляции [16]. Иными словами, для устойчивого сокращения воспроизводства бедности необходимы экономический рост, технологическое развитие, серьезные структурные изменения в экономике [17], расширение международного сотрудничества и адресная сильная социальная политика в отношении бедных.

В последнее десятилетие доля малоимущих работающих россиян уменьшилась на 10,0% и составила к 2021 г. 26,2%⁵. Однако в ряде сфер (гостиничный бизнес, культура, образование, общественное питание и пр.) эта доля пока еще высока. Размер зарплаты в них не превышает 1–2 ПМ, поэтому их бедность имеет тенденцию к воспроизводству. К ним следует добавить тех работников, чья зарплата составляет 2–3 ПМ [18], что автоматически относит их к малообеспеченной категории россиян.

Сегодня в российской экономике стало укрепляться осознание взаимосвязи работы и заработной платы, но пока это еще остается недостаточным. Так, 42,3% россиян работают по найму, при этом 39,6% из них – бедные и 30,9% – очень бедные люди. Иными словами, работа не обеспечивает достойный заработок (табл. 1). Причем это относится ко

всем слоям работников, особенно наемным и не работающим пенсионерам.

В коммерческих организациях трудятся 65,3% россиян. Большинство из них имеют плохое (64,9%) или очень плохое (55,0%) материальное положение. Каждый пятый работает в бюджетной организации и является бедным (25,2%) или очень бедным (15,0%). В правоохранительных органах, вооруженных силах, МЧС задействованы 6,0% россиян. Но бедных среди них 5,4%, самых бедных – более чем в два раза больше (15,0%). В некоммерческих организациях (благотворительные фонды, центры поддержки и прочее) задействованы 2,5% россиян, из них 0,9% бедных и 10,0% самых бедных.

Исправлению данной ситуации могло бы способствовать резкое увеличение МРОТ и реальной зарплаты работников. Однако на практике это будет сопровождаться не только повышением эффективности и производительности труда. Параллельно начнутся значительные кадровые сокращения, попытки предприятий перейти к серым схемам работы. Это может вызвать рост безработицы и бедности. Для предупреждения такой ситуации важно развивать переобучение и повышение квалификации работников или даже помогать им сменить профессию. Вместе с этим нужно направить усилия на экономическое возрождение сел, малых городов, неблагополучных регионов.

⁵ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.06.2025).

Таблица 1

Влияние материального положения на род деятельности россиян, % по материальному положению

Основное занятие в настоящий момент	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Работаю по договору, контракту	39,6	30,9	42,3
Неработающий пенсионер	24,9	34,5	25,1
Работающий пенсионер	8,9	5,5	8,1
Самозанятый	9,8	5,5	6,6
Временно не работаю, безработный	9,8	14,5	6,1
Работающий учащийся, студент	0,9	–	2,4
Предприниматель	3,6	1,8	4,5
Нахожусь в декрете, отпуске по уходу за ребенком	0,9	3,6	2,4
Неработающий учащийся, студент	–	1,8	1,4
Затрудняюсь ответить	1,6	1,9	1,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? // ВЦИОМ. 23.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-ehffektivnost-est-li-svjaz> (дата обращения: 15.06.2025).

И, наконец, требуется увеличение бюджетного финансирования культуры, образования, медицины, запуск плохо работающего механизма реальной ежегодной индексации зарплат. И здесь большую роль должны играть профсоюзы, которые призваны реально защищать права работников и способствовать росту их оплаты труда [19].

Как показала практика, важнейшим компонентом стратегии преодоления бедности выступает система социальной защиты. В России она построена как адаптивный синтетический гибкий механизм. В нем интегрированы достижения международных практик по дифференцированной государственной помощи, поддержки уязвимых слоев населения. В первую очередь это касается пенсионеров с низким уровнем пенсионного обеспечения. Для его повышения с 1 июня 2022 г. используется регулярная индексация пенсий. Другой важной мерой, направленной на снижение уровня бедности, стало расширение программы адресных выплат для семей с детьми.

По данным ВЦИОМ за 2023 г. (табл. 2), россияне ждут помощи в первую очередь от

государства (50,2%). Причем среди населения с плохим и очень плохим материальным положением таковых больше (60,8% и 63,9% соответственно). Среди 13,1% респондентов, ожидающих помощи от своих близких, лиц с плохим и очень плохим материальным положением почти в два раза меньше (5,7 и 8,3% соответственно). Эту заботу возлагают на всех окружающих людей 11,3% опрошенных. Так же считают и самые бедные (11,1%), однако среди лиц с плохим материальным положением таковых в два раза меньше (5,2%). Ожидают помощи от благотворительных организаций 15,2% россиян, 8,1% надеются на соответствующие фонды, 15,0% – на другие общественные объединения, инициативные группы, религиозные структуры. Полагают, что помогать обездоленным должен крупный бизнес, 6,0% респондентов. Среди тех, кто отличается плохим материальным положением, таковых немного больше – 7,2%. Однако среди лиц с очень плохим материальным положением таковых в два раза меньше (2,8%). Видимо, самые бедные меньше доверяют предпринимателям.

Таблица 2

**Мнение социально уязвимых россиян об основных субъектах ожидаемой помощи,
% по материальному положению**

Кто прежде всего должен помогать социально уязвимым людям	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Их родные и близкие	5,7	8,3	13,1
Сами объединения людей, имеющих опыт подобных проблем	5,2	–	3,1
Государственные службы	60,8	63,9	50,2
Благотворительные фонды, организации	6,7	–	7,3
Крупные компании, бизнесмены	7,2	2,8	6,0
Инициативные гражданские группы, движения	2,6	–	1,9
Религиозные организации	1,0	–	1,5
Все окружающие их люди	5,2	11,1	11,3
Волонтеры	–	–	0,2
Социальные службы	–	2,8	0,4
Никто	–	2,8	0,6
Другое (укажите)	3,1	2,8	1,7
Затрудняюсь ответить	2,5	5,5	2,7
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Помощь обездоленным: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 16.11.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomoshch-obezdolennym-ozhhdanie-i-realnost-bednosti> (дата обращения: 15.06.2025).

Как видно из данных, приведенных в табл. 3, в реальной практике материальную помощь уязвимым в социальном плане гражданам чаще оказывают индивиды из близкого круга (28,2% опрошенных). Немного чаще других это касается тех, у кого материальное положение плохое (33,0% респондентов). Более того, лица с очень низким доходом (нищие) получают помощь в два раза меньше (16,7%). Каждый четвертый россиянин получает реальную помощь государства. Однако среди более уязвимых категорий их доля меньше – 17,3% опрошенных с малым доходом и 19,4% с очень плохим материальным положением, что ставит под сомнение адресность этой помощи. Если говорить о реальной помощи от благотворительных фондов, то ее получают лишь 13,1% очень нуждающихся и 11,5% чуть менее нуждающихся, 7,8% опрошенных получили такую помощь от различных добровольных объединений граждан с похожим жизненным

опытом. Инициативные гражданские группы помогли 6,3% граждан с плохим материальным положением и в два раза реже (2,8%) – лицам с очень плохим материальным положением. Предприниматели оказывают практическую помощь 1,6% малообеспеченным и чуть больше (2,8%) – очень бедным лицам. Реальной помощью религиозных организаций воспользовались лишь 1,0% бедных и никто из очень бедных категорий населения. Вместе с тем 5,2% малообеспеченных граждан и почти в четыре раза больше остро нуждающихся (19,4%) заявили, что им никто не помогает. Таким образом, россияне стали чаще отмечать вовлеченность в заботу о социально уязвимых группах родственников и практически всех субъектов социальной помощи – государственных служб, благотворительных фондов, бизнеса, инициативных гражданских групп и религиозных организаций. Однако такой помощи явно недостаточно.

Таблица 3

Мнение социально уязвимых россиян об основных субъектах реальной помощи, % по материальному положению

Кто чаще всего реально помогает социально уязвимым людям	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Их родные и близкие	33,0	16,7	28,2
Объединения людей, имеющих опыт подобных проблем	7,9	5,6	7,8
Государственные службы	17,3	19,4	25,9
Благотворительные фонды, организации	11,5	13,9	13,1
Крупные компании, бизнесмены	1,6	2,8	1,7
Инициативные гражданские группы, движения	6,3	2,8	4,0
Религиозные организации	1,0	–	1,5
Все окружающие их люди	7,9	2,8	6,9
Волонтеры	–	–	0,4
Социальные службы	–	–	0,4
Никто	5,2	19,4	3,2
Другое (укажите)	2,1	8,3	1,8
Затрудняюсь ответить	6,2	8,3	5,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Помощь обездоленным: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 16.11.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomoshch-obezdolennym-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 15.06.2025).

Вместе с тем такой подход к борьбе с бедностью носит пассивный характер. Он приводит к повышению зависимости граждан от государства, общественных организаций и других субъек-

тивов социальной помощи, способствует росту иждивенческих настроений как среди бедных, так и среди местных властей, которые сами не ориентированы на повышение размера посо-

бий. Чрезмерное распространение программ адресной помощи может привести к социальной маргинализации и воспроизводству бедности, а также низкой степени ресоциализации бедных граждан. Отсутствие контроля уровня доходов массовых категорий получателей такой помощи при ограниченных финансовых возможностях государства на практике препятствует эффективной реализации адресных программ для самых бедных, большинству из которых они недоступны. Они, как правило, не уверены в себе и не могут отстаивать свои права, дотации и льготы в условиях отсутствия четких критериев выделения адресатов помощи. Это, в свою очередь, порождает иждивенческие настроения, проблемы социальной маргинализации, нисходящей социальной мобильности. В результате, как справедливо отмечала Н. М. Римашевская, бедные слои воспроизводятся и не способны сами выбраться из «социального дна» [20].

Для стимуляции трудоспособных категорий беднейшего населения будет очень полезно внедрять адресные социальные контракты, предполагающие реализацию их трудового потенциала: поиск постоянной или временной работы, участие в программах профессиональной переподготовки, в реабилитационных

программах для инвалидов, алкоголиков, наркоманов, в общественных работах и т.д. Эти меры будут помогать социальной интеграции бедных категорий населения в социум. Однако решение данной проблемы отличается повышенной сложностью, ибо пока не существует четких социальных механизмов трансформации поведения таких индивидов.

Данные табл. 4 показывают оценку россиянами своих ближайших финансовых перспектив. Согласно этим данным можно выделить три категории граждан – пессимисты, оптимисты и нейтралы, которые не ждут изменений. Последних – самая значительная доля – 42,8%. Далее идут оптимисты – 28,2% (однако чем меньше доход, тем меньше доля оптимистов), 23,5% опрошенных – пессимисты. По мере ухудшения достатка их доля растет. Чем беднее население, тем более пессимистичными являются их ожидания. Также пропорционально увеличивается доля затрудняющихся с ответом. Следовательно, основным фактором ожиданий россиян является исходный уровень дохода: богатые и состоятельные ожидают прибыли, бедные и очень бедные – еще большего разорения. Индивиды со средним достатком мечтают лишь о сохранении уровня своего дохода.

Таблица 4

Влияние материального положения на оценку россиянами перспектив изменения своего положения, % по материальному положению

Как изменится материальное положение Вашей семьи в ближайший год	Материальное положение семьи					Ко всем опрошенным
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Скорее улучшится	72,5	48,6	23,0	10,1	8,1	28,2
Останется неизменным	17,5	39,7	50,5	20,8	5,4	42,8
Скорее ухудшится	7,5	7,6	21,9	62,5	70,3	23,5
Затрудняюсь ответить	2,5	4,1	4,6	6,6	16,2	5,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Наше материальное будущее: ожидания и надежды // ВЦИОМ. 30.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 15.06.2025).

ВЦИОМ отметил, что в первый раз за долгие годы 25,1% наших сограждан хотят жить лучше, чем большинство домохозяйств в их населенном пункте, городе (табл. 5). Для сравнения: в 1999 г. таковых было 10,0%. Чаще других об этом заявляли россияне с хорошим и очень хорошим уровнем обеспечения (соответственно 38,1 и 43,9% опрошенных). Видимо, их пожелания вполне реалистичны, так как чем

выше уровень дохода, тем больше доля желающих жить лучше других. Среди мало и плохо обеспеченных таковых всего 10,1 и 5,4% соответственно. Вместе с тем самая значительная категория населения – это те, кто хотел бы жить не хуже окружающих их семей (41,1%). Сегодня на этой перспективе больше других настаивают россияне со средним уровнем достатка (48,9%). Одновременно с этим растет доля россиян, ко-

торые хотят жить так же, как западные семьи (2013 г. – 2,0%, 2024 г. – 3,9%), или даже лучше (8,3%). Это особенно свойственно лицам с очень хорошим и хорошим материальным уровнем

(соответственно 22,0 и 12,8%). Таким тенденциям, видимо, способствует экономический рост уровня благоденствия и распространенность сведений о стиле жизни в других странах.

Таблица 5

Влияние материального положения на финансовые цели россиян, % по материальному положению

Финансовые цели россиян	Материальное положение семьи					Ко всем опрошенным
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Выжить на самом примитивном уровне существования	2,4	2,2	9,3	35,1	43,2	10,9
Жить не хуже, чем большинство семей в городе, районе	19,5	34,3	48,9	26,8	21,6	41,1
Жить лучше, чем большинство семей в городе, районе	43,9	38,1	23,2	10,1	5,4	25,1
Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	–	3,3	3,9	6,0	8,1	3,9
Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе, США	22,0	12,8	5,7	11,9	2,7	8,3
Затрудняюсь ответить	12,2	9,3	9,0	10,1	19,0	10,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Наше материальное будущее: ожидания и надежды // ВЦИОМ. 30.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

Доля ориентированных на выживание сокращается, сегодня это каждый десятый (10,9%). Четверть века назад таковых было 27,0%. Среди россиян с плохим материальным положением 35,1% ставят себе цель выжить, с очень плохим – 43,2%. Можно предположить, что они и впредь будут воспроизводить бедность.

Опрос показал (табл. 6), что в улучшении или поддержании дохода семьи россияне больше всего ориентированы на подработку (20,7%). Однако среди бедных и очень бедных таковых соответственно 5,6 и 50,0%. Таким образом, россияне с очень плохим материальным положением семьи наиболее заинтересованы в этом.

Таблица 6

Влияние материального положения на оценку россиянами возможностей сохранения (повышения) своего положения, % по материальному положению

За счет чего Вы рассчитываете улучшить или поддерживать материальное положение семьи	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Найду приработок, работу по совместительству	5,6	50,0	20,7
Заведу (или расширю) свое подсобное хозяйство	16,7	–	16,6
Перейду на более оплачиваемую работу	33,3	25,0	15,7
Получу более высокую оплату (зарплату) или прибавку к зарплате на нынешней работе	16,7	–	15,7
За счет увеличения пенсий, пособий, стипендий	11,1	–	12,0
Начну собственное дело	–	25,0	7,8
Уеду на работу за границу	5,6	–	2,8
Другое	11,0	–	8,7
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Материальное положение – и как его улучшить? // ВЦИОМ. 07.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

Бедные планируют завести подсобное хозяйство или расширить его (16,6%). Однако в планах очень бедных этого нет совсем. Получить прибавку к зарплате на нынешней работе или найти работу с более высокой зарплатой рассчитывают по 15,7% россиян. Особенно популярны эти надежды среди бедных (33,3%) и очень бедных (25,0%). Надеются на материальную помощь государства 12,0% респондентов. По данным ВЦИОМ⁶, на эту помощь чаще ориентированы женщины, пожилые граждане, пенсионеры. Среди бедных доля почти такая же, но среди очень бедных на увеличение пособий не надеется никто. Интересно, что каждый четвертый очень бедный россиянин

надеется начать свое дело (25,0% против 7,8% от всех опрошенных). Однако реализация этих ориентаций вызывает сомнения.

В табл. 7 отражено, что 22,8% россиян собираются в ближайшее время найти дополнительную работу, подработку. Сильнее всего такое желание (38,0%) проявили те, кто имеет плохое или очень плохое материальное положение (31,4 и 47,9% соответственно).

Имеют подработку 23,9% россиян. Чаще это как дополнительный источник дохода используют те, у кого очень хорошее (27,6%), хорошее (27,2%) и среднее материальное положение (24,0%). Парадоксально, но чем беднее россияне, тем реже среди них практикуются подработки (табл. 8). Можно предположить, что дефицит их ресурсов трудоспособности не позволяет им успешно конкурировать на вторичном рынке труда.

Таблица 7

Влияние материального положения на принятие россиянами решения о дополнительной подработке, % по материальному положению

Материальное положение семьи	Собираетесь ли Вы в ближайшее время найти себе дополнительную работу, подработку			Всего
	собираюсь	не собираюсь	затрудняюсь ответить	
Очень хорошее	20,7	75,9	3,4	100,0
Хорошее	13,4	83,9	2,7	100,0
Среднее	23,1	74,6	2,3	100,0
Плохое	31,4	63,9	4,7	100,0
Очень плохое	47,9	47,9	4,2	100,0
Ко всем опрошенным	22,8	74,5	2,7	100,0

Источник: Материальное положение – и как его улучшить? // ВЦИОМ. 07.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

Таблица 8

Влияние материального положения на наличие у россиян дополнительной подработки, % по материальному положению

Материальное положение семьи	Наличие дополнительной работы, подработки			Всего
	есть	нет	затрудняюсь ответить	
Очень хорошее	27,6	72,4	–	100,0
Хорошее	27,2	72,1	0,7	100,0
Среднее	24,0	75,3	0,7	100,0
Плохое	20,1	78,7	1,2	100,0
Очень плохое	16,7	81,3	2,0	100,0
Ко всем опрошенным	23,9	75,2	0,9	100,0

Источник: Материальное положение – и как его улучшить? // ВЦИОМ. 07.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

В основном в качестве подработки используются разнообразные услуги, ремонтные работы, пошив одежды, продажи товаров, продуктов и пр. (табл. 9). Чаще других этим занимаются бедные (32,0%) и очень бедные люди (62,5%). Почти каждый пятый работает по совместительству (18,5%) или по разовому договору (15,9%),

этим также чаще занимаются бедные (23,5%) и самые бедные (25,0%) россияне. Рассматривают как подработку труд на садовом, огородном участке, личном подсобном хозяйстве 16,7% россиян. Однако доля последних среди бедных существенно ниже (2,9%), среди самых бедных – отсутствует совсем.

Таблица 9

**Влияние материального положения на вид дополнительной подработки россиян,
% по материальному положению**

Вид дополнительной работы, занятия, подработки	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Работа по совместительству	11,8	–	18,5
Разовая работа по договору, контракту	23,5	25,0	15,9
Работа по личной договоренности с гражданами (различные услуги, ремонт техники, автомашин, квартир, пошив одежды)	32,4	62,5	31,6
Работа на садовом, огородном участке, личном подсобном хозяйстве	2,9	–	16,7
Самозанятый	2,9	–	2,3
Инвестиции	–	–	1,8
Свое дело/бизнес	5,9	–	1,3
Сдача недвижимости в аренду	–	–	1,8
Другое	17,7	12,5	7,6
Затрудняюсь ответить	2,9	–	2,5
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Материальное положение – и как его улучшить? // ВЦИОМ. 07.02.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

В бедных домохозяйствах чаще присутствуют проблемы со здоровьем, воспитанием детей. Бедных, как правило, отличает низкое образование, среди них чаще встречаются алкоголизм, наркомания, наблюдаются социальная депривированность, изолированность от социума, а также криминализация. При этом бедные родители воспроизводят потенциально бедных детей. Иными словами, бедность передается по наследству, когда в ходе социализации формируется негативное отношение к самому феномену достатка, который якобы невозможно честно заработать [21]. Отсюда вновь вырисовывается проблема социальной интеграции бедных слоев к жизни в социуме через адаптационные инструменты, например, такие как льготное образование для беднейших слоев населения, льготный доступ для посещения культурных мероприятий и пр.

Здесь уместно еще раз вернуться к такому важному вектору стратегии преодоления воспроизводства бедности россиян, как программы повышения их трудовой активности. Если институциональные и социальные меры поддержки опираются на значительные расходы государства, то это направление ориентировано на повышение занятости и вовлечение трудоспособных граждан в производительный процесс. Это трансформирует пассивную форму сокращения бедности путем предоставления пособий в активную через инструменты самостоятельного заработка, уменьшает иждивенческие установки бедных категорий россиян, заменяя их настроениями индивидуальной ответственности за свою жизнь и жизнь своей семьи. Данное направление поддержки эффективной занятости коррелируется с политикой дальнейшего содействия снижению уровня

безработицы, однако не ограничивается этим, чтобы не консервировать архаичные экономические структуры с воспроизводством бедных работников. Одновременно важно совершенствовать законодательство в трудовой сфере в направлении развития гибкости, адаптивности к рынку труда.

Данные табл. 10 наглядно демонстрируют достаточно высокую самооценку эффективности российскими работниками своего труда за два-три месяца до начала опроса – 59,0% по

выборке. При этом 50,3% из них имеют плохое (52,3%) или очень плохое (42,1%) материальное положение. Каждый третий выбрал вариант «средняя» (32,7%) эффективность; из них 34,8% – бедные и 36,8% – очень бедные работники. В низкой эффективности своего труда признались 5,0% россиян; среди них 6,8% отличаются плохим, а 15,8% очень плохим материальным положением. Чем ниже уровень материального положения работников, тем хуже их оценки своей трудовой эффективности.

Таблица 10

Влияние материального положения на эффективность труда россиян, % по материальному положению

Ваша эффективность на рабочем месте за последние 2–3 месяца	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Очень высокая	22,0	31,6	16,9
Довольно высокая	30,3	10,5	42,1
Средняя	34,8	36,8	32,7
Довольно низкая	3,8	–	1,8
Низкая	6,8	15,8	3,2
Затрудняюсь ответить	2,3	5,3	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? // ВЦИОМ. 23.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

Современные процессы цифровизации и новейшие технологии предполагают развитие у работников новых знаний, навыков и умений. В таких условиях меняются критерии,

определяющие степень эффективности труда работников (табл. 11). Чаще всего таким критерием выступает реализуемое количество задач (27,0% опрошенных). При этом 31,8%

Таблица 11

Влияние материального положения семьи на критерии самооценки эффективности на рабочем месте россиян, % по материальному положению

Критерии самооценки эффективности на рабочем месте	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
По количеству выполненных задач	31,8	26,3	27,0
По качеству выполненной работы	23,5	15,8	25,4
По самоощущениям, чувству удовлетворенности	11,4	15,8	14,7
По достижению главной цели работы	9,1	5,3	11,9
По количеству потраченного на работу времени	12,1	5,3	9,1
По оценке руководства или коллег	5,3	–	5,7
Никак не определяю	0,8	–	0,3
Другое	2,3	21,1	2,6
Затрудняюсь ответить	3,7	10,4	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? // ВЦИОМ. 23.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

таких работников имеют низкий доход, 26,3% отличаются очень плохим материальным положением. Следовательно, такой количественный подход мало способствует преодолению бедности работников. Другой, качественный подход свойственен 25,4% опрошенных; из них 23,5% бедных, 15,8% очень бедных. Полагаются на самоощущения 14,7% работников; среди этой группы у 11,4% плохое материальное положение, у 15,8% очень плохое. Можно предположить, что чувство удовлетворенности у последней категории работников несколько завышено. На выполнение основной цели своей работы ориентированы 11,9% работников, причем таковых среди малообеспеченной группы всего 9,1%, а среди очень бедных работников – 5,3%. Это ставит под сомнение целенаправленность их труда. Сходная ситуация и с таким критерием, как время, потраченное на работу. На эти

временные затраты ориентированы 9,1% опрошенных. Среди малообеспеченных работников таковых больше – 12,1%, а самые бедные свое время ценят в два раза меньше – 5,3%. Оценки окружающих коллег и начальства влияют лишь на 5,7% опрошенных, и практически никто из самых бедных россиян не обращают на это внимания.

Основная мотивация повышения производительности труда для работающих россиян – финансовая: 37,6% опрошенных россиян полагают, что с ростом производительности труда вырастет их зарплата (табл. 12). Но доля тех из них, у кого плохое или очень плохое материальное положение, меньше (28,0 и 21,1% соответственно). Те, кто полагает, что в случае интенсификации труда заработная плата не изменится, составляют 55,0%, особенно с плохим (68,2%) и очень плохим (73,7%) материальным обеспечением.

Таблица 12

**Влияние материального положения на мнение россиян о связи труда и заработной платы,
% по материальному положению**

Если Вы станете работать больше или более качественно, вырастет ли Ваша заработная плата	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	Плохое	Очень плохое	
Скорее вырастет	28,0	21,1	37,6
Скорее не вырастет	68,2	73,7	55,0
Затрудняюсь ответить	3,8	5,2	7,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? // ВЦИОМ. 23.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

Следовательно, большинство опрошенных не видят связи между величиной заработной платы и ростом производительности труда. Особенно это касается бедных и очень бедных работников. Иными словами, чем беднее россияне, тем меньше они ориентированы на связь заработка с количеством и качеством труда. Возможно, это связано с неадекватными непрозрачными инструментами оплаты, жестко фиксированными ее размерами, не предполагающими увеличение при повышении эффективности труда, инфляцией и пр.

Вместе с тем 28,0% работников, в том числе малообеспеченных, говорят, что стали бы работать лучше, если бы им подняли заработную плату (табл. 13). Среди самых бедных таковых почти в два раза больше (52,6%). Согласны трудиться лучше, если деньги не будут так быстро обесцениваться, 16,2% работников, особенно

мало обеспеченных (22,0%). Основным условием повышения производительности труда поставили наличие новой более эффективной техники, инструментов 9,2% россиян, хотя самые бедные настаивали на этом реже (5,3%). Это особенно значимо для бюджетных предприятий. Считают, что для более эффективного труда им не хватает хорошей его организации 8,5% опрошенных; еще 6,7% для этого хотели бы большего уважения к своей работе; 5,3% полагают, что добились бы больших успехов при возможностях дополнительного профессионального обучения; почти столько же респондентов (5,2%) жаловались при этом на плохие условия труда, которые мешают им повысить его эффективность. В самом низу рейтинга факторов повышения производительности труда оказалось более квалифицированное руководство (4,4%), а 5,1% работников ни при каких условиях не намерены трудиться более эффективно.

Таблица 13

Влияние материального положения россиян на представления об условиях повышения эффективности труда, % по материальному положению

При каких условиях работники стали бы трудиться на своем рабочем месте лучше, чем сейчас	Материальное положение семьи		Ко всем опрошенным
	плохое	очень плохое	
Если бы платили больше	28,8	52,6	28,0
Если бы заработанные деньги имели большую ценность	22,0	15,8	16,2
Если бы внедрили новую технику, инструмент	9,1	5,3	9,2
Если бы труд был лучше организован	6,1	5,3	8,5
Если бы трудовые успехи больше уважались	5,3	5,3	6,7
Если бы предоставили возможность подучиться по своей профессии, специальности	6,1	–	5,3
Если бы создали нормальные условия труда	6,1	5,3	5,2
Если бы руководство было более квалифицированным	5,3	5,3	4,4
Ни при каких	4,5	5,1	5,1
Затрудняюсь ответить	6,7	–	11,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? // ВЦИОМ. 23.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/> (дата обращения: 15.06.2025).

Здесь стоит отметить, что действующее архаичное законодательство в трудовой сфере уже не совсем отвечает требованиям изменяющегося рынка труда в контексте излишней регламентированности, дефицита гибкости, упрощения процедур приема и увольнения работников [22]. Это нередко провоцирует неформальность, теневой характер трудовых отношений, снижение их мотивированности. Одновременно это затрудняет адекватную оценку степени распространенности реальной бедности работающего населения, способствуя повышению социальных обязательств государства.

Как свидетельствует мировой опыт, полезным антикризисным механизмом борьбы с бедностью является создание и реализация государственных программ общественных работ. Однако в нашей стране она не получила широкого применения. Это связано с отсутствием экономического кризиса в России, с нежеланием россиян работать на общественных низкооплачиваемых и неквалифицированных работах, особенно в условиях конкуренции с достаточно большим контингентом мигрантов на этом рынке труда. Вместе с тем в регионах с большим дефицитом кадров и значительной долей бедного населения эту региональную

компоненту преодоления воспроизводства бедности можно эффективно внедрять за счет федерального финансирования.

Таким образом, бедность в России на современном этапе имеет свои особенности: хронический абсолютный характер, значительная региональная дифференциация, выделение категории работающих бедных, превалирование семей с детьми. Доминирующей современной тенденцией является сокращение (отчасти искусственное) абсолютной бедности россиян. Однако сохраняется множество факторов его воспроизводства за счет мало обеспеченных слоев населения. Поэтому стратегии преодоления воспроизводства бедности – это интегрированный комплекс длительных мер, направленных на устойчивое сокращение социально-экономического неравенства и повышение уровня жизни населения.

Данный комплекс реализуется в региональных проектах снижения бедности, которые включают в себя активизацию увеличения занятости, снижения в ней неформальных и теневых аспектов, рост инвестиций, помощь развитию малого, среднего и индивидуального предпринимательства, самозанятых. При этом особенно важно формировать эти адекватные условия применительно к малым городам и селам.

В целях снижения воспроизводства бедности населения принципиально важно переосмотреть подходы к существующим расчетам МРОТ, ПМ в направлении их увеличения, ввести налоговые льготы для бедных граждан. При этом законодательство в трудовой сфере призвано соответствовать реальной экономической ситуации, когда величина зарплаты российских работников должна четко, прямо и непосредственно соответствовать степени эффективности работы, когда у них будет возможно при необходимости использовать гибкую, дистантную или частичную формы занятости. Представляется важным корректировка адресности социальной помощи самым обездоленным россиянам. Общественные работы создадут дополнительные возможности для сокращения бедности россиян.

Список литературы

- Социальное положение и уровень жизни населения России : стат. сб. М. : Росстат, 2021. 373 с.
- Довгоцько Н. А., Рыбасова Ю. В., Скуперская Е. В. Бедность населения в современной России: оценка и пути сокращения // Экономические науки. 2022. № 8 (213). С. 36–40. <https://doi.org/10.14451/1.213.36>, EDN: UTQUXM
- Махалина О. М., Махалин В. Н. Проблемы бедности населения России и пути их решения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 1. С. 56–66. <https://doi.org/110.28995/2073-6304-2022-1-56-66>
- Селиванова О. В., Разумов А. А. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 2. С. 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385>
- Стофарандова В. В. Особенности социальной политики по сокращению бедности в регионах Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 8-1. С. 120–129. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.57.21.012>, EDN: DKJOAN
- Мальтус Т. Р. Опыт закона о населении. М. : Изд-во К. Т. Солдатенков, 1895. 251 с.
- Спенсер Г. Социальная статистика: изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб. : Изд-е В. Врублевского, 1906. 534 с.
- Прудон П.-Ж. Бедность как экономический принцип. М. : Посредник, 1908. 29 с.
- Реклю Э. Богатство и нищета / пер. с фр. М. Л. Блюменфельда. Изд. 2-е [репр.]. М. : URSS ; ЛИБРОКОМ, сор., 2011. 64 с. (Размышляя об анархизме).
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 23. Капитал. Т. 1, кн. 1. М. : Госполитиздат, 1960. 908 с.
- Цветков В. А., Елисеев Д. О., Дурандин О. Г. Преодоление бедности в России: стратегические приоритеты // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 4 (38). С. 6–15. EDN: RVFKPL
- Разумов А. А., Селиванова О. В. Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 2. С. 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8>, EDN: JWLUEB
- Хагуров Т. Граница бедности, установленная Росстатом, ближе к уровню реальной нищеты. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6581116?ysclid=m2okqec8bb737724045> (дата обращения: 15.06.2025).
- Лихоман И. В Саратовской области стало меньше бедных и «среднячков». 17.08.2023. URL: <https://saratov.mk.ru/economics/2023/08/17/v-saratovskoy-oblasti-stalo-menshe-bednykh-i-serednyachkov.html?ysclid=m2ot38o7vf29728141> (дата обращения: 15.06.2025).
- Бузгалин А. Особенность капитализма по-русски: кто работает, тот не ест // Московский комсомолец. 2021. 16 июня. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/06/15/osobennost-kapitalizma-porossiyski-kto-rabotaet-tot-ne-est.html> (дата обращения: 15.06.2025).
- Роик В. Д. Экономика развития: неравенство, бедность и развитие. М. : Юрайт, 2021. 474 с.
- Юревич М. А. Социальное неравенство, инвестиции и экономический рост // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019. Т. 10, № 4. С. 35–46. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.035-046>, EDN: DZYIFH
- Константинова Д. С. Оценка бедности среди работающего населения в современной России // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 12. С. 4981–4994. <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120187>, EDN: QPKDWC
- Шершуков А. Почему в России снизился уровень бедности? // Аргументы и Факты. 2021. 18 августа. URL: https://aif.ru/money/opinion/pochemu_v_rossii_snizilsya_uroven_bednosti (дата обращения: 15.06.2025).
- Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4 (240). С. 33–43. EDN: OWVWWX
- Горшков М. К., Тихонова, Н. Е., Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3 (239). С. 16–22. EDN: OWVWKZ
- Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>, EDN: YGFLOH

Поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 12.02.2026

ПОЛИТОЛОГИЯ

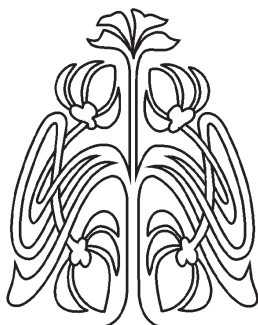
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 184–194

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 184–194

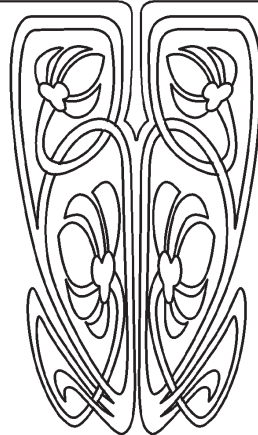
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-184-194>

EDN: NEFENU

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК 32.019.52

Четыре года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте медийных практик)

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Аннотация. Специальная военная операция за четыре года ее проведения успела стать важнейшим фактором, влияющим не только на политические, экономические, технологические и сугубо военные процессы, но и на повседневную жизнь граждан России и Украины. Несмотря на то, что конфликт длится уже дольше, чем, например, Великая Отечественная война, далеко не все его аспекты успели получить достаточно внимания ученых. Одним из таких вопросов является отношение к спецоперации со стороны российской молодежи. В этой связи в данной статье представлены результаты исследования динамики восприятия СВО молодыми людьми в период с марта 2022 г. по январь 2026 г. Отдельно обсуждаются причины, обусловившие специфичность отношения молодежи к происходящему, и способы повышения уровня лояльности данной возрастной группы к принимаемым в настоящий момент политическим решениям в контексте СВО. Эмпирическую базу анализа составили результаты ежемесячных федеральных опросов, а также самостоятельно проводившихся автором и его коллегами на протяжении 2022–2025 гг. онлайн-анкетирований ($n = 5659$) и серии фокус-групповых интервью ($n = 144$). Выяснилось, что уровень внимания и поддержки СВО со стороны молодежи в целом ниже, чем у людей более старшего возраста, а степень убежденности в необходимости начала мирных переговоров для урегулирования конфликта, напротив, выше. Причинами такого отношения могут быть присущие молодым людям особенности медиапотребления, укорененность в российском обществе западных ценностей и имевший место кризис системы образования и воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: молодежь, специальная военная операция, СВО, Россия, Украина, медиапрактики, медиапотребление

Для цитирования: Казаков А. А. Четыре года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте медийных практик) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 184–194. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-184-194>, EDN: NEFENU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Four years of special military operation: Dynamics of changing youth attitudes (in the context of media practices)

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. Over the four years of its implementation, special military operation has become a crucial factor influencing not only political, economic, technological, and purely military processes, but also the daily lives of citizens of Russia and Ukraine. Despite the fact that the conflict has lasted longer than, for example, the Great Patriotic War, not all of its aspects have received sufficient scholarly attention. One such issue is the attitude of Russian youth toward the special operation. In this regard, this article presents the results of a study on the dynamics of young people's perceptions of SMO from March 2022 to January 2026. The factors that determine the specific attitudes of young people to the current situation and ways to increase the level of loyalty of this age group to the political decisions currently being made in the context of SMO are separately discussed. The empirical basis of the analysis consists of the results of monthly federal surveys, as well as surveys independently conducted by the author and his colleagues from 2022 to 2025. Online surveys (n = 5659) and a series of focus group interviews (n = 144) revealed that young people generally expressed lower levels of attention and support for SMO than older adults, while their belief in the need for peace negotiations to resolve the conflict was higher. This attitude may be due to the media consumption patterns of young people, the ingrained nature of some Western values in Russian society, and the crisis in the education system and the upbringing of the younger generation that took place in the recent past.

Keywords: youth, special military operation, SMO, Russia, Ukraine, media practices, media consumption

For citation: Kazakov A. A. Four years of special military operation: Dynamics of changing youth attitudes (in the context of media practices). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 184–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-184-194>, EDN: NEFENU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Специальная военная операция стала одним из важнейших событий не только текущего десятилетия, но и всей новейшей истории современной России. Она имеет сразу несколько измерений (гуманитарное, социальное, внутри- и внешнеполитическое, идеологическое, мировоззренческое, экономическое, технологическое, сугубо военное и др.), каждое из которых заслуживает отдельного анализа. Возможно, именно комплексный и во многом противоречивый характер данного конфликта является причиной того, что отношение к нему оказалось диаметрально противоположным среди разных стран и даже граждан отдельно взятых государств. Так, например, для части жителей России и Украины начало СВО и последовавшие за этим события послужили поводом для эмиграции.

Довольно значимым социально-политическим аспектом спецоперации считаем отношение к ней российского общества. При этом особенно актуальным нам видится восприятие происходящего молодыми людьми. Не имея богатого жизненного опыта и сравнительно мало интересуясь политикой¹, молодежь зачастую испытывает трудности с тем, чтобы составить собственное, более или менее адекватное реаль-

ности представление о сути и причинах СВО. Между тем трудно не согласиться с тезисом, что сегодня спецоперация является «мощным фактором, конструирующим гражданские ценности молодежи» [1, с. 95]. Получается достаточно странная ситуация: молодые люди не совсем хорошо понимают то, что происходит, но это само по себе уже оказывает существенное воздействие на их политическое сознание.

По мере того как стало понятно, что разрешить конфликт быстро не получится, отечественные ученые начали уделять ему больше внимания. Так, если в 2022 г. научных работ, посвященных отношению молодежи к СВО, было относительно немного (см., например: [2, 3]), то в последующие годы объем исследовательского интереса начал постепенно увеличиваться. В частности, отношение к СВО все чаще анализируется в разрезе электоральных предпочтений молодых людей [4], уровня их патриотизма [5] и доверия к органам власти [6, 7]. Большая часть ученых, изучающих данный сюжет, сходятся во мнении, что спецоперация стала катализатором роста доверия молодых людей к ключевым политическим институтам. При этом высказывается и весьма настораживающее предостережение, что «резкий рост доверия ... в период кризисов может смениться таким же стремительным падением в условиях “нормальности”, когда традиционные проб-

¹ Новостная информация и телевидение. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15149> (дата обращения: 29.01.2026).

лемы социально-экономического развития вновь выйдут на первый план формируемой обществом повестки дня» [8, с. 16].

Еще одним сюжетом, достаточно часто привлекающим внимание исследователей, является стресс и обеспокоенность, которые испытывают многие люди в связи с СВО [9]. Среди прочего отмечается, что молодежь и женщины реагируют на этот конфликт в целом острее, чем люди более старшего возраста и мужчины [10, с. 132]. Сугубо в психологическом же плане «наиболее устойчива к стрессу в ситуации СВО оказывается молодежь с условно адаптивным копингом, ориентированным на активные стратегии и позитивную переоценку, что позволяет им рационально воспринимать ситуацию, видеть ее с разных сторон и выстраивать варианты жизни в данных условиях» [11, с. 195].

В целом же анализ имеющейся литературы дает нам основания утверждать, что, несмотря на рост числа публикаций и расширение спектра затрагиваемых в них вопросов, проблема отношения молодых людей к СВО еще не успела получить должного научного осмысления. До сих пор не до конца понятны причины, по которым отношение молодежи к СВО несколько отличается от того, что характерно для представителей более старших поколений. Не ясны и факторы, которые влияют на изменение восприятия происходящего молодежью. Принимая все это во внимание, целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, был анализ динамики отношения молодых людей к спецоперации, выявление обстоятельств, обуславливающих специфику молодежного восприятия продолжающегося конфликта, и поиск путей повышения степени лояльности данной возрастной группы к принимаемым в настоящий момент политическим решениям в рамках СВО.

Эмпирическая база нашего исследования состоит из нескольких частей. Первая – это результаты ежемесячных опросов, проводящихся АНО «Левада-Центр» (признан в России иностранным агентом) с марта 2022 г. В отличие от других федеральных социологических служб, данная структура на всем протяжении СВО использует одни и те же формулировки ключевых для интересующей нас проблематики вопросов, осуществляет подобные замеры каждый месяц и, что самое важное, размещает на своем сайте в открытом доступе результаты с разбивкой

по возрастным группам, что дает возможность узнать мнение по поводу СВО именно молодых респондентов (18–39 лет).

Вторую часть эмпирической базы составляют результаты наших собственных (осуществляемых усилиями преподавателей кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского) онлайн-анкетирований. В ноябре 2022, 2023, 2024 и 2025 гг. нами в общей сложности были опрошены 5659 человек в возрасте от 16 до 35 лет, проживающих в 67 субъектах Российской Федерации. Онлайн-анкеты включали в себя по 30 вопросов. При формировании выборочной совокупности использовались квоты по полу, возрасту и месту проживания респондентов. В результате среди опрошенных оказалось 54,5% женщин и 45,5% мужчин; 53,9% из них проживали в центрах субъектов Российской Федерации, 37,3% – в районных центрах, 8,8% – в сельской местности.

После статистической обработки результатов онлайн-анкетирования в программе IBM SPSS Statistics ежегодно возникала потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого в декабре 2022, 2023, 2024 и 2025 гг. проводилось по три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 144 молодых человека (36 в 2022 г., 38 в 2023 г., 36 в 2024 г. и 34 в 2025). Формируя состав участников фокус-групповых интервью, мы также ориентировались на половозрастные характеристики российской молодежи. На фокус-группах респондентам задавались вопросы о мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о причинах сформированного у них отношения к СВО.

Какие из накопленных к сегодняшнему дню результатов опросов представляются нам особенно важными?

Достаточно показательной считаем динамику изменения уровня внимания молодых людей к происходящему в рамках СВО. Для удобства восприятия данные по ежемесячным опросам Левада-Центра мы обобщили по полугодиям (высчитав средние арифметические по месяцам, составляющим каждое из восьми полугодий, на протяжении которых идет СВО) (рис. 1).

Представленные на рис. 1 линии трендов красноречиво свидетельствуют, во-первых, о не самом большом интересе респондентов (в

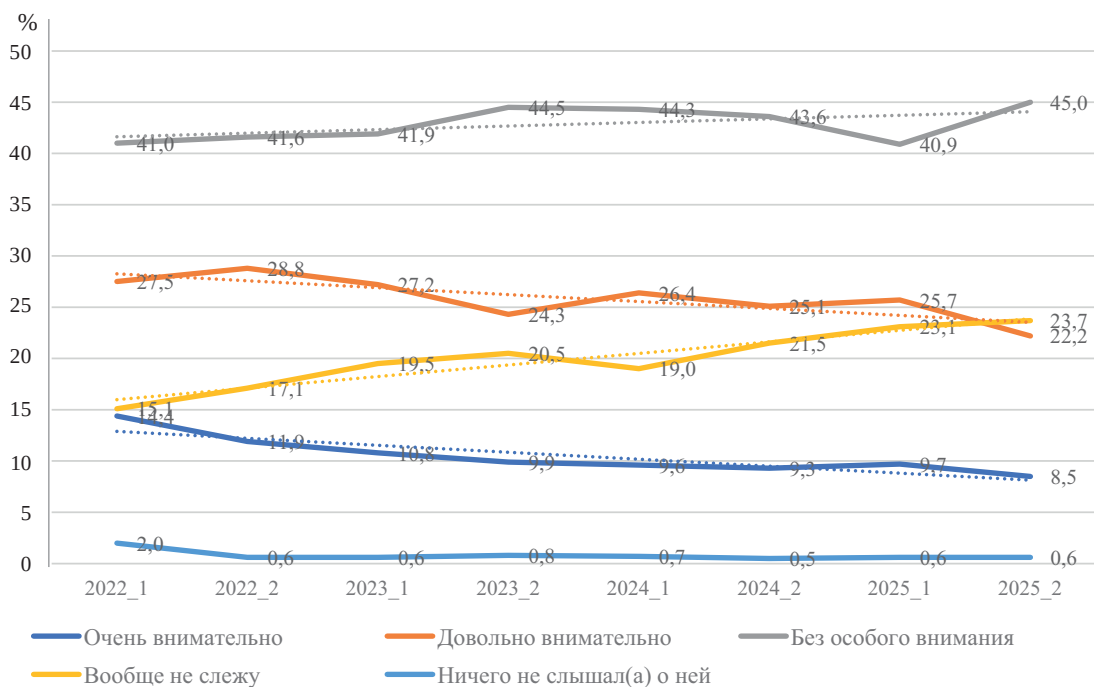

Рис. 1. Уровень внимания к СВО (ответы на вопрос «Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?»), % опрошенных (цвет онлайн)

опросах Левада-Центра это молодые люди в возрасте 18–39 лет) к происходящему в рамках СВО и, во-вторых, о постепенном снижении объема внимания, уделяемого ими данной теме. Самым частотным форматом наблюдения за конфликтом является «Без особого внимания»; за четыре года проведения спецоперации он демонстрирует тенденцию к росту. Наиболее заметно увеличение доли респондентов, которые вообще не следят за СВО, – с 15,1% в начале кампании до 23,7% во второй половине 2025 г. (в январе 2026 г. так ответили еще больше – 27,5% опрошенных). Как результат, в 2025 г. впервые за время проведения СВО этот вариант обошел по популярности опцию «Довольно внимательно». Наконец, с марта 2022 г. почти на 6,0% (с 14,4% до 8,5%) в среднем снизилось число тех, кто очень внимательно отслеживает события в рамках боевых действий (в январе 2026 г. падение продолжилось – был зафиксирован минимум в 5,0%).

Важно отметить здесь два обстоятельства. Первое: чем старше респондент, тем выше вероятность того, что он будет более внимательно следить за СВО. На всем протяжении конфликта уровень интереса к происходящему со стороны остальных возрастных групп (40–54 и 55+ лет), по данным Левада-Центра, стабильно выше (для сравнения: в январе 2026 г. очень внимательно за событиями в рамках спецоперации следили 13%

40–54-летних и 21% людей старше 55 лет²). Второе: уровень интереса во многом зависит от происходящего на фронтах и вокруг СВО. Скажем, осенью 2022 г. (когда проводились референдумы о вхождении в состав Российской Федерации новых субъектов и была объявлена частичная мобилизация), весной–летом 2023 г. (отражение контрнаступления ВСУ) или в конце лета – осенью 2024 г. (вторжение в Курскую область) даже молодые люди на некоторое время начинали с большим вниманием следить за происходящим.

На декабрьских фокус-группах мы ежегодно пытаемся выяснить причины не самого большого и постепенно угасающего интереса молодежи к СВО. Наиболее типичные ответы условно можно свести к двум формулировкам: «от нас все равно ничего не зависит» и «я уже устал(а) от происходящего – ежедневных сводок о ходе боевых действий, сообщений о разрушениях и жертвах». Кроме того, хотя сами участники фокус-групповых интервью практически никогда об этом не говорят, создается устойчивое впечатление, что большая часть молодых людей не очень хорошо представляют

² Конфликт с Украиной в январе 2026 года: внимание, поддержка российских вооруженных сил и идеи переговоров, представления о том, что делать, если добиться договоренностей не получается, о продолжительности и конечном результате военных действий. URL: <https://www.levada.ru/2026/01/27/konflikt-s-ukrainoj-v-yanvare-2026-goda/> (дата обращения: 28.01.2026).

себе контекст и предысторию данного конфликта, не знают его причин и интересов основных участников противостояния.

Еще один важный показатель отношения молодежи к СВО – это уровень поддержки действий Российской армии (рис. 2).

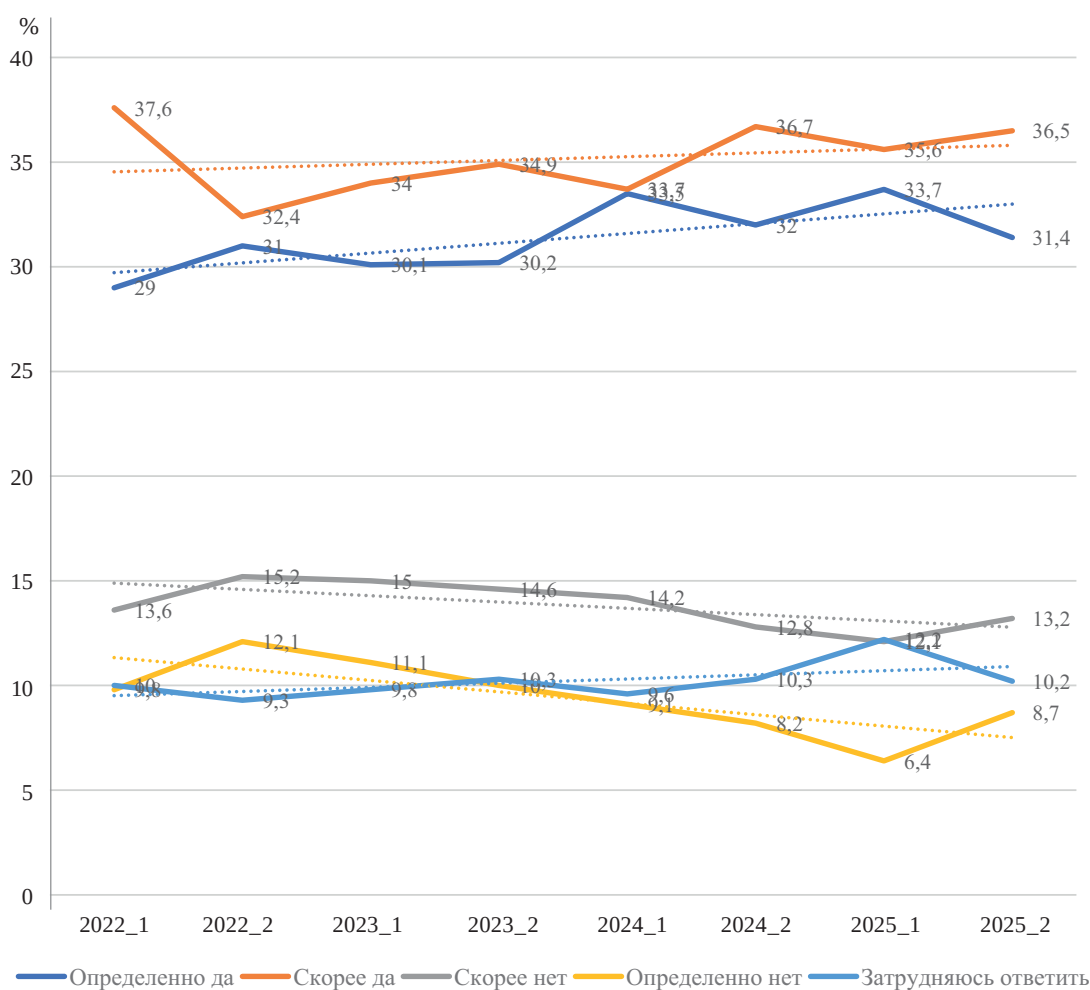

Рис. 2. Уровень поддержки СВО (ответы на вопрос «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?»), % опрошенных (цвет онлайн)

Как видно из данных, представленных на рис. 2, порядка двух третей опрошенных в большей или меньшей степени поддерживают действия России в данном конфликте. При этом линии трендов демонстрируют едва заметные движения вверх (в случае с поддержкой) и вниз (неодобрение). Любопытно, что в 2023 г. самым непопулярным стал ответ «определенно нет», пропустив вперед опцию «затрудняюсь ответить».

Аналогично объему уделяемого СВО внимания уровень поддержки происходящего среди молодежи заметно ниже, чем у представителей более старших возрастных групп. Так, например, в январе 2026 г. определенно поддерживали действия российских вооруженных сил 29,5%

молодых людей (среднее между категориями 18–24 и 25–39 лет), 46,0% представителей категории 40–54 года и 52,0% тех, кто старше 55 лет³.

По результатам фокус-групповых исследований мы выяснили основные причины подобного расклада мнений. Оказалось, что, несмотря на нахождение значительной части представителей молодого поколения в своих собственных информационных «коконах» или «эхо-камерах», большая часть респондентов действительно поддерживают действия руководства нашей страны в контексте СВО,

³ См.: Конфликт с Украиной в январе 2026 года: внимание, поддержка российских вооруженных сил и идеи переговоров, представления о том, что делать, если добиться договоренностей не получается, о продолжительности и конечном результате военных действий.

а кто-то и вовсе требует применения более решительных мер военного характера. Отвечая на вопрос о причинах поддержки, многие говорят о патриотизме («не могу не поддерживать свою страну»), упоминают различные обстоятельства личного свойства (например, участие в спецоперации родственников или знакомых) или же считают, что только победа России в этом конфликте позволит устранить его причины и наконец прекратить страдания людей, так или иначе вовлеченных в события, связанные с СВО.

Справедливости ради нужно отметить, что, по мнению отдельных ученых, прямой зависимости между уровнем патриотичности молодых людей и их отношением к спецоперации нет: поддерживать или не одобрять СВО могут как те, кто считают себя патриотами, так и те, кто к таковым себя не относят (12, с. 12).

Статистически значимыми являются различия во мнениях молодежи и более возрастных граждан также по поводу перспектив дальнейшего развития ситуации (рис. 3).

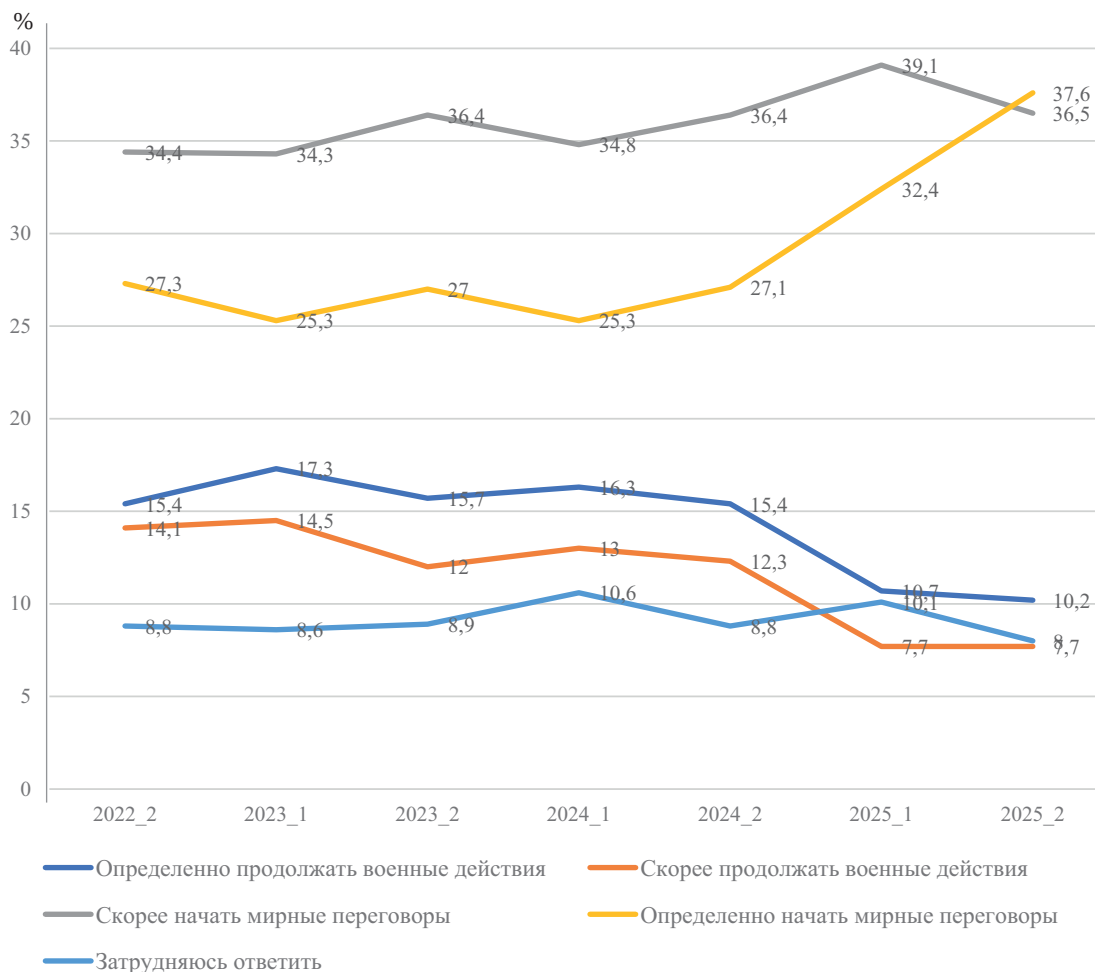

Рис. 3. Мнения о предпочитаемых вариантах дальнейшего развития СВО (ответы на вопрос «Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?»), % опрошенных (цвет онлайн)

Во второй половине 2025 г. число убежденных сторонников начала переговоров впервые превысило долю тех, кто не так категоричен в своем стремлении к мирному разрешению конфликта, а чуть ранее – на рубеже 2024 и 2025 гг. – затруднившихся ответить на этот вопрос стало больше, чем умеренных приверженцев продолжения боевых действий. Нужно отметить, что постепенный рост миролюбивых

настроений характерен для всех возрастных категорий российских граждан, однако среди молодых людей он выражен особенно явно. Так, например, в январе 2026 г. вариант «определенно продолжать боевые действия» выбрали 20,0% людей в возрасте 40–54 лет, 26,0% тех, кто старше 55, и лишь 8,5% молодежи. Соответственно, среди молодых больше и доля тех, кто в начале 2026 г. в том или ином виде выступал за допол-

нительные уступки Украине ради скорейшего достижения мира, – 30,0% в категории 18–39 лет против 21,0% у 40–54-летних и 14,0% у тех, кто старше 55 лет⁴.

Любопытно, что степень убежденности в необходимости продолжения боевых действий и недопустимости уступок Украине весьма четко коррелирует с предпочитаемыми источниками получения информации. Вероятность того, что человек будет ратовать за мир, достигнутый любыми невоенными средствами, тем ниже, чем больше он смотрит телевизор; и наоборот: использование в качестве основного источника информации социальных сетей, Телеграм- и Ютуб-каналов чаще приводит к желанию завершить спецоперацию во что бы то ни стало⁵.

Связываем это с тем, что, во-первых, в интернет-пространстве позиция официальных властей представлена не так концентрированно, как в традиционных СМИ, и, во-вторых, в Сети значительно легче найти альтернативные оценки и взгляды на происходящее. Как следствие, молодежь, которая в подавляющем большинстве использует для получения информации о происходящем прежде всего Интернет, стано-

⁴ См.: Конфликт с Украиной в январе 2026 года: внимание, поддержка российских вооруженных сил и идеи переговоров, представления о том, что делать, если добиться договоренностей не получается, о продолжительности и конечном результате военных действий.

⁵ Там же.

вится менее подверженной медийным нарративам и фреймам, транслируемым государством. Отсюда и сравнительно меньший уровень поддержки действий российских вооруженных сил в рамках СВО, и большее желание как можно скорее завершить конфликт, пусть и ценой уступок противнику.

На фокус-группах в ответ на наши вопросы о причинах, побуждающих молодых людей выступать за скорейшее заключение мира, нередко приходилось слышать о все той же усталости от конфликта, боязни быть непосредственно (или на уровне родственников и друзей) в него вовлеченными, а также о нежелании нести связанные с проведением спецоперации издержки (чаще всего респонденты упоминают снижение доступности зарубежных товаров, уход ряда иностранных компаний из страны, трудности с посещением отдельных стран и т.д.). При этом стратегические интересы нашей страны и русскоязычных граждан Украины, ради защиты которых СВО, собственно, и началась, многих представителей молодого поколения, к сожалению, либо оставляют равнодушными, либо же они вообще не в полной мере это осознают.

В этой связи в рамках своего собственного онлайн-анкетирования мы ежегодно задаем респондентам закрытый вопрос об их понимании причин начала СВО (табл. 1).

Таблица 1

Представления о причинах СВО (ответы на вопрос «Как Вы считаете, каковы основные причины начала специальной военной операции на Украине?»; можно было выбрать не более трех вариантов ответа, %

Основные причины	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1. Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ	52,6	52,1	54,8	44,0
2. Защита населения ЛДНР, прекращение войны и принуждение к миру	45,2	39,2	38,8	41,5
3. Украина представляла реальную угрозу для безопасности Российской Федерации, они хотели напасть на РФ, а также получить ядерное оружие	19,8	22,9	21,2	17,7
4. Изменение политического курса Украины, денацификация	19,0	13,0	16,5	13,5
5. Стремление присоединить некоторые территории Украины или тотальное присоединение Украины к территории РФ	16,6	11,7	12,3	9,9
6. Установление марионеточного (зависимого) правительства на территории Украины	14,2	9,0	9,9	7,9
7. Повышение рейтингов государственной власти, в частности Президента РФ, в результате маленькой победоносной войны	13,6	8,6	7,7	7,4
8. Иные корыстные политические и экономические мотивы государственной власти РФ	12,8	9,6	8,4	6,8
9. Затрудняюсь ответить	20,1	24,9	27,3	27,6

Динамика изменения представлений молодых людей о том, что привело к спецоперации, на наш взгляд, весьма показательна. В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что в целом – несмотря на отмеченную выше специфику молодежного медиапотребления – респонденты разделяют преобладающие в российском информационном пространстве идеи о вынужденном характере СВО (как ответ на внешние угрозы, которые создавались для России и русскоязычных граждан юго-востока Украины). Десятипроцентное падение популярности в 2025 г. самого частотного ответа («Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ»), скорее всего, стало следствием значительного увеличения в выборке доли респондентов из новых регионов, которые в феврале 2022 г. еще не были гражданами России и потому воспринимают причины начала спецоперации несколько иначе.

Кроме этого, заметно также и небольшое снижение доли ответов, которые идут вразрез с официальной позицией российской власти (см. табл. 1, варианты 5–8). Причем особенно

очевидным этот спад был в период с 2022 по 2023 г. Вместе с тем год от года неуклонно растет число молодых людей, затрудняющихся выбрать один из предложенных им ответов. Нам это показалось весьма странным: казалось бы, СВО длится уже четыре года, а людей, которые не могут понять ее причины, становится больше. Поэтому на фокус-группах, проводившихся в декабре 2024 и 2025 гг., мы интересовались у респондентов тем, что мешает им в этом разобраться. Нужно сказать, что это один из немногих сюжетов, по которому нам пока не удалось выявить более или менее типичных объяснений отдельных аспектов молодежного восприятия СВО. Многие участники фокус-групповых интервью просто не могут внятно сформулировать причины испытываемых затруднений. Кто-то говорит, что тема спецоперации его, в принципе, мало интересует и потому однозначно ответить сложно. Часть же респондентов (очень незначительная) выдвигает собственные версии, которые, как правило, не имеют прямого отношения к сути продолжающегося конфликта.

Еще более сложным для участников нашего онлайн-анкетирования оказался вопрос о виновниках конфликта (табл. 2).

Таблица 2

Представления о виновниках конфликта (ответы на вопрос «Кто, по Вашему мнению, является ответственным за начало конфликта на Украине?»), %

Виновник конфликта	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
США	15,3	14,0	15,6	5,4
Западные страны совместно с США (блок НАТО)	46,4	27,7	27,7	26,6
Украина	11,3	13,3	22,3	17,2
Россия	21,1	7,3	9,6	7,3
Луганская и Донецкая народные республики	0,6	1,0	1,8	0,8
Все вышеперечисленное (вариант использовался в опросах 2022 и 2023 гг.)	4,4	1,6	–	–
Другое (вариант использовался в опросах 2022 и 2025 гг.)	0,9	–	–	7,3
Затрудняюсь ответить (вариант использовался в опросах 2023–2025 гг.)	–	35,1	23,0	35,4

Как видим, около 35,0% респондентов снова затруднились с ответом на закрытый (!) вопрос. При этом попытки уточнить этот момент в ходе фокус-групп дали примерно тот же результат, что и в случае с предыдущим вопросом. И это окончательно убедило нас в том, что поиск мотивов того, почему значительная доля молодых людей затрудняются с определением своего отношения к причинам и виновникам СВО,

является одним из перспективных направлений дальнейшего анализа данной проблематики.

Если анализировать расклад мнений тех, кто все же выбрал один из предложенных вариантов виновников конфликта, то снова налицо совпадение мнений большинства респондентов с официальной позицией, транслируемой на этот счет российским руководством. Обращает на себя внимание лишь резкое снижение в

2025 г. доли тех, кто обвиняет в происходящем США. На прошедших в декабре того же года фокус-группах мы попытались выяснить, с чем это может быть связано. Оказалось, что весьма внушительная часть молодых людей попала под влияние информации об активизировавшихся во второй половине 2025 г. усилиях американского президента Д. Трампа по урегулированию российско-украинских противоречий. Многие посчитали, что связанные с переговорным треком события являются проявлением искреннего желания американской политической элиты положить конец боевым действиям и на основании этого изменили свое изначальное мнение в отношении ее роли в эскалации конфликта. На даже несмотря на это, показательно, что на протяжении последних трех лет практически неизменной остается доля респондентов, обвиняющих в провоцировании вражды между Россией и Украиной в первую очередь «западные страны совместно с США».

Таковы основные грани отношения современной российской молодежи к спецоперации. Очевидно, что уровень ее интереса к происходящему ощутимо меньше, чем у людей более зрелого возраста, и к тому же имеет тенденцию к снижению. Молодые люди в целом одобряют действия российских вооруженных сил, но опять же объем этой поддержки относительно других возрастных групп меньше. Что же касается предпочитаемых вариантов дальнейшего развития ситуации, то число сторонников мирных переговоров среди молодежи, напротив, больше, чем в среднем по населению. Большая часть граждан до 39 лет в целом солидаризируется с официальной позицией российской власти в отношении причин и виновников разгоревшегося конфликта, однако год от года растет доля тех, кто затрудняется сформулировать свое мнение на этот счет.

Какими могут быть причины такого весьма специфичного восприятия СВО молодежью? На наш взгляд, их несколько. Одна из основных – достаточно глубокое проникновение в ткань российского общества сугубо западных ценностей индивидуализма, ничем не ограниченной свободы, безусловного приоритета материального над духовным. На определенном этапе это усугубилось кризисом образования в стране и фактическим демонтажом (в самом лучшем

случае – тотальной деидеологизацией) системы патриотического воспитания молодого поколения. Отсюда характерное для значительной части молодых людей плохое знание истории своей страны (в том числе новейшей – в части причин и особенностей распада СССР), а также непонимание текущего этапа ее развития. Именно поэтому, на наш взгляд, многие из них искренне не понимают, зачем вдруг России понадобилось начинать СВО и почему они должны мириться с теми трудностями, которые возникли после этого. Защита собственного суверенитета, национальные интересы страны, общее историческое прошлое, братские народы, борьба против возрождающегося нацизма, языковой и религиозной дискриминации – все эти и многие другие понятия, как правило, хорошо знакомы и понятны людям среднего и старшего возраста, но плохо резонируют с мироощущением молодых граждан нашей страны.

Свою роль играют также особенности медиапотребления молодежи. Получая информацию о происходящем практически только из интернет-ресурсов, «цифровые аборигены» формируют свои повестки во многом самостоятельно, постепенно исключая из своей медийной «диеты» все, что не укладывается в их собственные представления о правильном и должном. Таким образом, молодые люди все больше дистанцируются от тех нарративов, которые запускаются государством и циркулируют преимущественно в традиционных СМИ.

Выявленные нами случаи совпадения молодежных представлений с официальной позицией власти (в отношении причин и виновников конфликта) не опровергают сказанное выше, а свидетельствуют о другом. Полагаем, что такой эффект достигается благодаря не медийным, а скорее образовательным усилиям, предпринимаемым руководством страны. Наш собственный опыт взаимодействия с молодыми людьми, а также общения с учителями и преподавателями, ведущими «Разговоры о важном» в школах и «Основы российской государственности» в вузах, убеждают нас в том, что регулярное информирование подрастающего поколения о происходящем и обсуждение наиболее актуальных событий и процессов постепенно начинает давать свои результаты – школьники и студенты как ми-

нимум получают еще один источник информации, в значительной мере альтернативный тем, которые они используют в Интернете. Как максимум же со временем многие из них начинают считать его достаточно надежным и потому впитывают те идеи и оценки, которые тиражирует государственная власть.

О важности системной воспитательной и в каком-то смысле даже просветительской работы с молодыми людьми пишут и другие ученые [6, 13, 14]. Заметим лишь, что эта деятельность непременно должна сопровождаться наращиванием интенсивности и эффективности присутствия государства в новых медиа – там, где современная молодежь проводит значительную часть своего времени. Если усилия государственных структур по продвижению своей позиции в отношении происходящего по-прежнему будут фокусироваться на телевидении, радио и печатной прессе, молодежь так и будет оставаться для действующей власти «вне зоны доступа».

Более того, результаты наших собственных опросов дают основания считать, что прогосударственные блогеры и телеграм-каналы вряд ли вызовут у молодежи какое-либо серьезное отторжение. В ноябре 2025 г. ответы на вопрос «Каким источникам информации о происходящем в стране и мире Вы доверяете больше?» распределились следующим образом: «лояльным действующей власти» – 18,5%; «оппозиционно настроенным» – 4,3%; «трудно ответить однозначно: это зависит от тематики информации, ее доступности и других факторов» – 61,6% и «не обращаю особого внимания на отношение источника информации к власти» – 15,6%. Как видим, для большей части респондентов этот момент не является очень принципиальным.

Таким образом, можно сказать, что изменение отношения молодежи к СВО вполне реально. У государства есть для этого целый ряд возможностей и аргументов. Вопрос лишь в том, сможет ли оно ими в полной мере воспользоваться.

Список литературы

1. Яковлев В. С. Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // Гуманитарий Юга России. 2023. № 12 (6). С. 95–105. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>, EDN: EAZEZR
2. Зарубина Е. В. Отношение молодежи к СВО: опыт социологического исследования // Социально-гуманитарное образование и современность : материалы Всерос. нац. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию профессора С. Н. Некрасова (Екатеринбург, 13 октября 2022 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. аграрного ун-та, 2022. С. 91–97. EDN: OGPGBX
3. Кулешова А. В. Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО // Социодиггер. 2022. № 7 (19). С. 30–34. EDN: YNTQDC
4. Матюхин А. В., Давыдова Ю. А., Денисенкова Н. Н. Влияние политической повестки СВО на электоральные предпочтения в России // Журнал политических исследований. 2025. № 9 (3). С. 3–16. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-3-3-16>, EDN: BWWTVW
5. Черкасова Т. В., Шевалдина Е. И., Величко И. А. Вузовская молодежь – 2022: проблемы, вызовы времени, региональные исследования на этапе СВО. Уфа : Уфимский гос. нефт. техн. ун-т, 2023. 75 с.
6. Устинкин С. В., Никитин, А. В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО) // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4. С. 32–52. EDN: CFBXOY
7. Стасюк Е. В. Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 218–230. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230>, EDN: IGGRNM
8. Морозов С. И., Макаренко К. М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 16–28. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>, EDN: TPVMWA
9. Киенко Т. С. Проблема диалога поколений в контексте обсуждения социально-политической ситуации в России и оценки специальной военной операции // Культурное наследие и связь поколений / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 303–313. EDN: SWRXZC
10. Гордеева Е. И., Саунин К. А. Информационный стресс у гражданского населения в условиях СВО // Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : материалы Междунар. науч.-практ.

- конф. (Минск, 12 апреля 2023 г.) : в 2 ч. Минск : БГПУ, 2023. Ч. 1. С. 132–138. EDN: ZEOLLR
11. Самохвалова А. Г., Тихомирова Е. В., Екимчик О. А., Сапоровская М. В. Копинг-стратегии и жизнестойкость российской молодежи в социокультурном контексте «новых войн» // Российский психологический журнал. 2025. Т. 22, № 1. С. 195–222. <https://doi.org/10.21702/de293d90>, EDN: ZIXHTV
12. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинова С. С. Особенности проявления патриотичности у студентов с разным отношением к специальной военной операции // Психолог. 2023. № 2. С. 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.2.39910>, EDN: JKLLHE
13. Труханов В. А. Патриотическая составляющая в политическом сознании молодежи: на примере СВО // Военная политология в системе подготовки научных и научно-педагогических кадров: актуализация содержания на основе опыта специальной военной операции : материалы межведомственной науч.-практ. конф. (Москва, 9 апреля 2025 г.). М. : Военный ун-т им. князя Александра Невского, 2025. С. 138–142. EDN: MSLBIQ
14. Дамбегов А. А., Яковлев В. С. Факторы формирования гражданских ценностей российской молодежи в условиях современных реалий // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 199–203. EDN: JNPMRY

Поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 20.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 195–203
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 195–203
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-195-203>, EDN: ORGQQD

Научная статья
УДК 66.1(2)6.323.1

«Украинский вопрос» и российская государственность в идейно-политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции

Н. А. Омельченко

Государственный университет управления Россия, Россия, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Омельченко Николай Алексеевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, nik_omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5872-6432>

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды на «украинский вопрос» и основы российской государственности видных представителей русской послеоктябрьской эмиграции 1920–1930-х гг. Представлены аргументы, обосновывающие сложность украинской проблемы и «украинского вопроса», активно обсуждавшихся русской общественной мыслью с середины XIX в., задолго до событий 1917 г. Показано, что «украинский вопрос», сопровождавшийся острыми спорами о реальных и мнимых корнях «украинской идентичности», общерусской культуре и проблеме украинского сепаратизма, украинском языке, был одним из активно обсуждаемых вопросов в русском послеоктябрьском зарубежье. Рассмотрен феномен «украинства», представлявшего собой, по мнению эмигрантских авторов, идеологию украинского сепаратизма, способ самоутверждения и антирусский проект, основанный на убеждении об особом украинском народе, имеющем мало общего с русским народом. Проведен сравнительный анализ различных трактовок в среде русского зарубежья причин и последствий насильственной «украинизации» на территории Украины после создания УССР, возможных путей решения проблемы русско-украинских отношений. Установлено, что большинство эмигрантских авторов, отмечая историческое и культурное единство русского и украинского народов, предупреждали об опасности украинского сепаратизма, насаждения конструируемой «украинизаторами» «украинской культуры», что было бы губительно, прежде всего для Украины и украинской культуры.

Ключевые слова: основы российской государственности, «украинский вопрос», украинская идентичность, украинский сепаратизм, «украинство», русское послеоктябрьское зарубежье

Для цитирования: Омельченко Н. А. «Украинский вопрос» и российская государственность в идейно-политическом дискурсе русской послеоктябрьской эмиграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 195–203. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-195-203>, EDN: ORGQQD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “Ukrainian question” and Russian statehood in the ideological and political discourse of Russian post-October emigration

N. A. Omelchenko

State University of Management, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow 109542, Russia

Nikolay A. Omelchenko, nik_omelchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5872-6432>

Abstract. The article examines the views on the “Ukrainian question” and the foundations of Russian statehood among prominent representatives of the Russian post-October emigration of the 1920–1930s. Arguments are presented to substantiate the complexity of the Ukrainian problem and the “Ukrainian question,” which had been actively discussed by Russian public opinion since the mid-19th century, long before the events of 1917. It is shown that the “Ukrainian question,” accompanied by heated debates about the real and imaginary roots of Ukrainian identity, pan-Russian culture and the problem of Ukrainian separatism, the Ukrainian language and, was one of the most actively discussed issues in the Russian post-October émigré community. The phenomenon of “Ukrainianism” is examined, which, according to émigré authors, represented an ideology of Ukrainian separatism, a means of self-affirmation, and an anti-Russian project based on the belief in a distinct Ukrainian people who had little in common with the Russian people. A comparative analysis was conducted of various interpretations within the Russian diaspora of the causes and consequences of forced “Ukrainization” in Ukraine after the creation of the Ukrainian SSR, as well as possible solutions to the problem of Russian-Ukrainian relations. It was established that most émigré authors, while noting the historical and cultural unity of the Russian and Ukrainian peoples, warned of the dangers of Ukrainian separatism and the imposition of a “Ukrainian culture” constructed by “Ukrainizers,” which would be detrimental, first and foremost, to Ukraine and Ukrainian culture.

Keywords: foundations of Russian statehood, “Ukrainian question”, all-Russian culture, Ukrainian identity, Ukrainian separatism, “Ukrainianism”, Russian post-October abroad

For citation: Omelchenko N. A. The “Ukrainian question” and Russian statehood in the ideological and political discourse of Russian post-October emigration. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 195–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-195-203>, EDN: ORGQQD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Следует отметить, что заявленная нами тема исследования привлекает в последние годы на фоне российско-украинского кризиса повышенное внимание отечественных и зарубежных ученых, что нашло свое отражение в появлении ряда научных публикаций, посвященных в том числе осмыслению идейно-политического дискурса по рассматриваемой проблеме в среде русского послеоктябрьского изгнания [1–3].

По мнению большинства исследователей, истоки этого дискурса следует отнести к середине XIX в. и, в частности, ко времени создания в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, положившего начало общественному явлению, которое принято называть «украинством» (или «украинизмом» и «украинофильством»). Представляя собой своеобразный способ самоутверждения и культурно-политическую идеологию украинской интеллигенции, «украинство» строилось на убеждении об особом, отличающемся от русских украинском народе, которому необходим был собственный язык, своя культура и отдельная украинская государственность. Важная роль в утверждении этой идеологии принадлежала историку, этнографу и одному из основателей Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Костомарову, утверждавшему в статье «Две русские народности» о наличии в Древней Руси особой «южнорусской народности», которая, как считал автор, выгодно отличалась от великороссов своим природным свободолюбием, приверженностью к демократизму и идее федерации, терпимостью к другим народам и религиям. Другой важной составляющей идеологии «украинства» являлось требование создания на основе малороссийского наречия русского языка особого украинского языка, что, кроме прочего, в значительной мере, по мнению исследователей, стимулировалось антирусской пропагандой австрийских и германских властей [4].

В русской общественной мысли второй половины XIX в. эти идеи встретили критику как со стороны представителей славянофильского учения, так и со стороны консерваторов-государственников. Об украинстве и последствиях его идеологии и практики для российской

государственности писали И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, М. Н. Катков, В. А. Мякотин, В. В. Розанов, Д. В. Скрынченко, Л. А. Тихомиров и другие общественные деятели и мыслители. И если для одних из них была очевидной нелепость рассуждений о двух русских народностях и двух русских языках как глупо было бы утверждать «о наличии двух французских народностей и двух французских языков», и, наоборот, считалась бесспорной объединяющая роль, которую играл в различных странах общий государственный и литературный язык (М. Н. Катков [5, с. 13–14]), то другие обращали внимание на историческое и культурное единство народов Малороссии и Великороссии, составлявших вместе с белорусами «один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений» (В. И. Ламанский [6, с. 47]), указывали на объективную несостоятельность термина «Украина», применяемого украинскими националистами к территориям Российской империи, традиционно называвшимся «Малороссией» (Д. В. Скрынченко [7]), отмечали, ссылаясь на мнение природных малороссов, факт «надуманности» «нового украинского языка» («мовы»), который был непонятен большинству младороссов и был придуман, чтобы разъединить русских людей, расколов их на враждующие друг с другом части (В. В. Розанов [8, с. 283]).

В начале XX в. споры по украинскому вопросу получили новый импульс в условиях тогдашней международной обстановки и Первой мировой войны. Примером может служить состоявшаяся в 1912 г. полемика между историком В. А. Мякотиним, большим знатоком украинской истории, предлагавшим в статье «“Украинство” и русская интеллигенция» делать различие между понятиями «великорусский язык» (как язык русского народа) и «общерусский» язык (как политическое понятие) [9, с. 162], и русским философом и политическим деятелем П. Б. Струве, занимавшим наиболее радикальную позицию в борьбе с украинским сепаратизмом и считавшим, что «государственная обособленность Галиции от общерусской

культуры стала источником украинской культурной политики, возводившей местную культуру в ранг национальной» [10].

П. Б. Струве одним из первых рассмотрел в «украинстве» «огромную культурную проблему», которая, по его словам, была чревата, «если интеллигентская “украинская” мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим “украинством” – величайшим и неслыханным расколом в русской нации», который станет подлинным государственным и народным бедствием [10]. И тогда, писал Струве, «все наши “украинные” вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с перспективой “раздвоения” и – если за “малороссами” потянутся и “белоруссы” – “растроения” русской культуры». Политик призывал русское прогрессивное общественное мнение (являвшееся, по его словам, «по традиции украинофильским»), «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с “украинством”, как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории – общерусскую культуру» [10]. Позицию Струве в украинском вопросе поддержал Н. А. Бердяев, рассматривающий «украинофильство» как своего рода провинциализм, который не может и не должен нарушать единства общерусской культуры, хотя и упрекал политика Струве в преувеличении им украинской опасности [11].

Украинский вопрос, поднятый русской общественной мыслью задолго до событий 1917 г. и сопровождавшийся острыми спорами о реальных и мнимых корнях «украинской идентичности», общерусской культуре и украинском сепаратизме, был одним из активно обсуждаемых в русском послеоктябрьском зарубежье, представители которого внимательно следили за происходившими на их родине, в Советской России, политическими процессами.

Проблема «украинства» являлась одной из центральных тем в эмигрантских публикациях П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, П. Н. Милюкова, В. А. Мякотина, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадского и других известных в русском зарубежье интеллектуалов и политических деятелей. Важно отметить, что многие из эмигрантских авторов либо по своему происхождению, либо по своей прошлой жизни и роду деятельности были тесно связаны с Украиной, не порывали этих связей и сохранили

самые теплые чувства о ее истории и культуре: Н. А. Бердяев («русский киевлянин»), неизменно называвший себя «русским писателем», родился и провел свои студенческие годы в Киеве; к старинному малороссийскому дворянскому роду принадлежал П. Н. Савицкий, чье детство и юность прошли в Чернигове; род князя Н. С. Трубецкого, по свидетельству Г. В. Вернадского, «ведущий себя от Гедимины, утвердился первоначально в Западной Руси и уже впоследствии перешёл в Москву» [12, с. 72], а род самого Г. В. Вернадского, выдающегося историка русской эмиграции происходил из Запорожья. Отмеченная особенность нередко приводила к ошибочным (свойственным в том числе современным публикациям) выводам, согласно которым украинское происхождение обусловило изначальную противоречивость в оценках украинской проблемы и даже «ангажированность» ряда пишущих об Украине эмигрантских авторов [13, с. 806–807]. Однако внимательный, непредвзятый анализ произведений эмигрантских авторов, посвященных украинскому вопросу, говорит об обратном.

Украинский вопрос был в центре внимания русского «евразийства», основатели и идеологи которого видели будущее России в возрождении единого русского («российского») государства и считали Украину (в их привычном употреблении, Малороссию) органической частью России-Евразии, западными границами которой предлагалось считать западные рубежи созданного большевиками Советского союзного государства (СССР), или, говоря словами евразийских авторов, «черноморско-балтийскую перемышку», представлявшую собой наиболее узкую область материка между Черным и Балтийским морями [14].

Наиболее последовательно эту точку зрения проводил талантливый географ и один из ведущих теоретиков евразийства П. Н. Савицкий, доказывавший, что «приблизительное определение» Евразии и Европы «как особых исторических миров» следует вести со времен нашествия монголов, подчинивших большинство восточных и южных земель Древнерусского государства, и возникновения в XVI в. польско-литовского государства (Речи Посполитой), в подчинении которого оказались сначала западные, а затем и южные русские земли. Именно тогда, по мнению П. Н. Савицкого,

намечается та историческая граница, которая разделила Россию и Европу на два принципиально противоположных мира, основу одного из которых составлял сложный вековой синтез византийского и монгольского (ордынского) наследия, глубокого переработанного и усиленного «началом русскости», в основе другого лежало латинское начало.

Последовательно отстаивая самобытность российской государственности, истоки которой лежали в золотоордынском наследии, неизменно подчеркивая идею единства России-Евразии, что, к слову, не раз побуждало оппонентов и критиков евразийства искать в нем «имперское измерение» [13, с. 808], евразийцы уже тогда предупреждали о неизбежной идеологической и военно-политической экспансии Запада, одновременно обращая внимание на опасность начавшегося после большевистской революции и создания Украинской ССР (Украинской Советской Социалистической Республики) процесса насильственной украинизации на территории Украины, насаждения конструируемой «украинизаторами» «украинской культуры».

О последствиях этой политики пророчески писал в опубликованной на страницах «Евразийского временника» в 1927 г. резонансной статье «К украинской проблеме» один из основателей евразийства, блестящий лингвист, этнограф и историк князь Н. С. Трубецкой. По мнению автора, единая русская культура после реформ Петра была ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а общерусской. Западно-русская же редакция русской культуры сложилась в эпоху, когда Украина была провинцией Польши, Польша в свою очередь являлась в культурном отношении провинцией (притом глухой провинцией) романо-германской Европы. Поэтому в случае если на территории Украины, по мнению Трубецкого, восторжествует желание насильственно заменить общерусскую культуру сконструированной «новой украинской» культурой, не имеющей ничего общего с прежней общерусской культурой, реализация этого замысла станет делом узких и фанатичных краевых шовинистов, которые неизбежно наложат на новую украинскую культуру печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, графаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозритель-

ности, вечного страха перед конкуренцией. Они «постараются всячески стеснить или вовсе упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой» [4]. Однако «этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попрания собственных национальных святынь» [4].

По мнению Трубецкого, оказавшиеся у власти большевики лишь многократно усилили позиции «украинизаторов», что было обусловлено, во-первых, конъюнктурным характером «интернациональной» политики большевиков, потворствующих, по мнению Трубецкого, культурному сепаратизму с целью преодоления сепаратизма политического, во-вторых, фактом устранения от культурной работы значительного числа квалифицированной украинской интеллигенции, которая была вытеснена галицийской интеллигенцией, на национальное самосознание которой, по словам автора, оказало огромное влияние многовековое польское рабство и насаждение католицизма. Однако основную причину увлечения украинизацией, считал автор, следует искать в том, что новая власть, исходя из своих конъюнктурных политических целей, предоставила полную свободу действий ранее загнанным в подполье воинствующим «украиноманам», которые превратили украинизацию в самоцель, бездумно растрачивая национальные силы [4].

Точка зрения Н. С. Трубецкого на проблему «украинства» нашла поддержку крупного евразийского историка Г. В. Вернадского в том числе в его неопубликованной статье 1938 г. под характерным названием «Князь Трубецкой и украинский вопрос» (статья впервые появилась в печати в 2015 г. благодаря профессионализму и научной самоотверженности современного петербургского историка А. Ю. Дворниченко). В статье ученый указывал на неоднозначность украинского вопроса, который, по его мнению, всегда являлся

«одним из самых сложных и болезненных вопросов в истории русского самопознания» [12, с. 71]. Именно поэтому правильное решение этого вопроса, по мысли Вернадского, несовместимо ни с крайностями украинского сепаратизма, ни с рецидивами русского унитаризма.

Важно не только то, писал Г. В. Вернадский, что «русский и украинский народы исходят из одного корня», не менее важным является прошедший русскими и украинцами общий исторический путь, позволивший им в тесном сотрудничестве создать «великое государство, великий союз народов, Россию-Евразию, самодовлеющий материк» [12, с. 71]. Можно, конечно, «механически отрезать от этого материка Украину в географическом смысле в границах нынешней Украинской Советской республики, как того хотят крайние самостийники, но это было бы губительно, прежде всего для Украины и украинской культуры; было бы искусственным ограничением деятельности украинского народа. Украинский народ был бы этим загнан в узкие провинциальные рамки, тогда как исторически пред ним, как и пред народом русским, открыта вся Евразия» [12, с. 71–72]. Обращая внимание на всю сложность украинского вопроса в контексте ухудшения в годы мировой войны международного положения украинцев, что привело к отторжению Западной Украины, поделенной между Польшей, Румынией и Чехословакией, а впоследствии и Венгрией, от основной территории Украины, Вернадский призывал не забывать «общих украинско-русских культурных основ», о которых говорил Трубецкой. Украинцам, напоминал он, «следует помнить, что “русский” язык есть в историческом смысле украинско-русский язык, так же, как русская культура есть украинско-русская культура» и если «крайний самостийник» отвергает русский язык «на том основании, что это язык “кацапский” или “москальский”», он тем самым «отрицается от собственного культурного наследия» [12, с. 75].

Оригинальную трактовку украинского вопроса мы находим в публикациях другого представителя русского послеоктябрьского зарубежья талантливого историка культуры, филолога и оригинального мыслителя П. М. Бицилли, в первую очередь в его интересной брошюре «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» [15]. Важно

отметить, что написанная, как считается, в ответ на упоминаемую выше статью идеолога евразийского движения князя Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме», открывшую научную полемику в русском зарубежье, брошюра Бицилли в определенном смысле развивала выводы ученого, сформулированные им в целом ряде более ранних эмигрантских научных публикаций второй половины 1920-х гг. по вопросам нации и национальных отношений, в которых мыслитель определял нацию не столько этнической [13], сколько культурной и духовной общностью, в известной степени солидаризируясь здесь с мнением П. Б. Струве, акцентировавшим внимание, как известно, на культурной составляющей украинской проблемы.

Обращаясь как к русским, так и к трезво мыслящим украинцам, еще способным, по его мнению, сговориться друг с другом, автор брошюры обращал внимание на главный парадокс длившегося десятилетия спора между сторонами, каждая из которых по-своему трактовала общую для русских и украинцев древнюю историю, делая из нее необходимые для той или другой стороны выводы. Если русские строили свои доводы, указывая на тот очевидный факт, что изначально Украину называли Русью, а проживающих на ее территории народов русскими, то для украинцев ранний период в русской истории в действительности был, по терминологии украинского историка, лидера украинского национального движения профессора М. С. Грушевского, историей «Украины-Руси», ничего общего не имевшей с Московским периодом [15, с. 5].

Полемизируя с этими взглядами, Бицилли подвергает обстоятельной критике попытки объяснить настоящее и особенно будущее, апеллируя к древнему историческому прошлому, которые, по его мнению, являются в принципе несостоятельными. Автор приводит ряд исторических примеров, когда внутренние, в том числе территориальные, проблемы были в стародавние времена решены несправедливо в той или иной стране, тем не менее, никому в этих странах не приходит в голову мысль о пересмотре границ в свое время возникших и веками существовавших государств (одним из таких примеров, по замечанию Бицилли, может служить история с завоеванием в 1223 г. франкским государством территории Тулуз-

ского графства, имевшего и свою богатую историю, и самобытную культуру, что, тем не менее, не заставляет никого во Франции требовать отделения бывшей территории Тулузского графства) [15, с. 6].

То же самое, по мнению Бицилли, можно сказать и об использовании в спорах об «украинской идентичности» так называемых филологических аргументов. Указывая на условность различия между «языком» и «диалектом», автор обращает внимание на ряд исторических примеров, когда тот или иной диалект становился языком того или иного народа (в качестве примера приводится голландский язык), создавшего свою государственность и свою самобытную культуру. Бицилли допускает близость русского литературного языка и украинского языка и его искренне удивляет позиция «украинизаторов», которым «непременно хочется, чтобы русский литературный язык был непонятен для интеллигентного украинца. Если факты – против этого, тем хуже для фактов! «Хороший» украинец должен притворяться, будто он не понимает «российского» языка» [15, с. 7]. Смешным, по мнению автора, является сам факт боязни сходства языков, ибо само по себе такое сходство не может мешать самостоятельности государств, о чем свидетельствуют многочисленные примеры мировой истории. «Болгарин без всякого труда понимает русские книги, а русский – болгарские. Французу незачем учиться итальянскому языку для того, чтобы читать в подлиннике Петрарку. Однако, это не создает никакой угрозы самостоятельному существованию Италии и Болгарии или России и Франции» [15, с. 7].

Другой слабой стороной «украинизаторов, по наблюдению Бицилли, является их паническая боязнь предоставления украинскому народу свободно высказаться по вопросам национально-государственного самоопределения Украины, школьного языка и другим важным для национального самосознания украинцев вопросам. Чтобы оправдать свою позицию, боясь, что выбор значительной части населения Украины будет в этом случае не в их пользу, они, по словам автора, ссылаются на то что «вековое политическое и культурное господство “Москвы” убило в украинском народе сознание своей особенности и волю к национальному самоопределению» [15, с. 12].

Отмечая несостоятельность подобного объяснения, автор ссылается на исторический пример с польским народом, сумевшим сохранить национальное самосознание в самый драматический период, связанный с разделами Польши во второй половине XVIII в., приведшими, по сути, к ликвидации польской государственности. Этот пример, считает Бицилли, может свидетельствовать об устойчивости польского национального организма, проявившего, несмотря ни на что, способность к возрождению национальной жизни [15, с. 11–12].

Автор брошюры «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» не отрицал важности самой проблемы украинского возрождения, которую, по его словам, безусловно, нельзя игнорировать, но ее «надо правильно поставить» [15, с. 13–14]. По мнению Бицилли, объективно народ «Украины», как с точки зрения его исторического развития, так и с точки зрения языка, расовой принадлежности гораздо ближе к русскому (великорусскому) народу, чем, например, к народам Кавказа и «лимитрофов». Однако это, по мнению автора, еще ни о чем не говорит. «Расовое, культурное, языковое, историческое сродство – суть условия близости, но не доказательство ее. Близость одного народа к другому – факт психологический. Она переживается, или ее нет» [15, с. 17–18]. Очень часто, по замечанию Бицилли, отталкивания характерны для людей и коллективов, объективно наиболее близкими [15, с. 18]. Процесс формирования наций многогранен и не сводится только к общему языку, который в любом государстве играет определяющую роль в образовании нации и национальной культуры. Не менее важное значение принадлежит особенностям географических условий, экономических связей, вероисповеданию, оказывающим огромное влияние на существование и развитие наций и национальной жизни [15, с. 15].

Ученый призывал не придавать особого значения тому, что на уровне бытового сознания великоросс может называть малоросса «холодом», а малоросс великоросса «кацапом» или «москалем», и «тому подобным мелочам», равно как и существующему антагонизму между Севером и Югом в России (он присущ и Германии, и Франции, и Италии, и Испании, и Американской Республике). И то, что украинизаторы «привычно пытаются сослаться на этот факт и на нем

строить свои предположения, может означать либо то, что большинство из них не знакомо с историей, либо обманывает самих себя, либо обманывает других» [15, с. 18].

Не оставался в стороне от происходивших в эмиграции споров по «украинскому вопросу» выдающийся русский философ Н. О. Лосский. В опубликованной в 1958 г. в журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне) статье «Украинский и белорусский сепаратизм» ученый с горечью писал о рецидивах украинского национализма среди украинских эмигрантов, занимающих открыто сепаратистские позиции и вынашивающих надежды на обособление Украины от России, превращение ее в самостоятельное государство. Говоря об отрицательном отношении украинских сепаратистов к названию «Малороссия», Лосский считает нужным напомнить о том, что, во-первых, сами по себе слова «малоросс», «белорус», «великоросс» по определению призваны подчеркнуть единство этих трех ветвей русского народа, во-вторых, название «Малороссия» своим появлением обязано не России, а Византии, было введено в оборот греками (по аналогии с названиями «Малая Эллада» и «Большая Эллада») для обозначения Галицко-Волынской Руси, а впоследствии и всей Юго-Западной Руси [16, с. 446].

В отдельном разговоре нуждаются взгляды на рассматриваемую проблему лидера русского либерализма П. Н. Милюкова, являвшегося одним из авторитетных специалистов по национальному вопросу. Наиболее полно позиция Милюкова по указанным проблемам была изложена в вышедшей в Праге в 1925 г. обстоятельной работе «Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России)», в которой, наряду с подробным (часто излишне «академическим») анализом понятия и признаков национальности и национального языка, особенностей процесса формирования наций в Европе, дореволюционной и советской России, значительное место отводилось анализу национальных движений на территории бывшей Российской империи и политике большевиков по решению национального вопроса после их прихода к власти [17].

Украинский вопрос в брошюре Милюкова затрагивается большей частью мимоходом в контексте общей концепции автора по проблемам наций и национальных отношений. В частности, в разделе «Национальные движе-

ния на территории бывшей Российской империи», рассматривая специфику формирования и развития национального самосознания различных народов России и отмечая положительное влияние русской государственности на местное национальное развитие народов Грузии и Армении [17, с. 156–157], а также народов «прибалтийских провинций» [17, с. 155], Милюков обращает внимание на характер украинского национального движения, развивавшегося, с его точки зрения, в тесной связи с русской интеллигенцией. На эти особенности, по словам Милюкова, очень точно указывал известный украинский ученый и общественный деятель М. П. Драгоманов. Милюков приводит слова Драгоманова, напомиавшего в ответ на обвинение всех старых украинских писателей в «сервильизме» перед Москвой, что украинскую идею защищали Капнист, Рылеев и Пушкин и что новые европейские идеи демократизма и либерализма впервые появились на Украине не в украинской одежде и не на украинском языке, а на русском [17, с. 160].

Отношение Милюкова к национальной политике оказавшихся у власти большевиков было противоречивым. Как идеолог российского либерализма, Милюков подвергает критике насильственные методы, используемые большевистским руководством по централизации страны, считает, что большевики игнорируют специфику национальной культуры входящих в состав России различных народностей, равно как и формировавшиеся веками традиции местного самоуправления, что усиливает опасность межнациональных конфликтов в стране. Автор приходит к неутешительному выводу, что национальные вопросы при советской власти не только не разрешены, но еще больше запутаны [17, с. 155]. В то же время, будучи сторонником сохранения единой российской государственности и сильной власти в России, считая неприемлемым для огромной страны принцип федеративного устройства государства, способный, по его мнению, привести лишь к его раздроблению, Милюков, позиционировавший себя последовательным «антибольшевиком», в отличие от многих противников большевизма в эмиграции, увидел в действиях новой власти желание восстановить российскую государственность в границах Российской империи. Что касается объявленного Лениным права наций на самоопределение вплоть до отделе-

ния и создания самостоятельных государств (которое, по язвительному замечанию Милюкова, сразу использовала Германия, отделив от России прибалтийские государства, а затем и Финляндию, Украину и Закавказье), то это право, по мнению Милюкова, было выдвинуто из сугубо прагматических соображений, чтобы преодолеть недоверие рабочих масс поработанных стран и сблизить пролетариев и полупролетариев различных национальностей в интересах общей революционной борьбы. В действительности, отмечает автор со ссылкой на официальные документы советской власти, сами большевики рассматривали его лишь как потенциальное право, видя в федеративном соединении организованных по советскому типу государств «одну из переходных ступеней», которые должны привести к полному единству [17, с. 185–186].

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что украинский вопрос, споры вокруг которого велись в среде русской интеллигенции с середины XIX в., занимал важное место в российском послеоктябрьском зарубежье. Наиболее дальновидные его представители, указывая на общую многовековую историю русского и украинского народов, их культурную, этническую и языковую близость, отмечали в то же время опасность рецидивов украинского сепаратизма, настойчиво продвигавшего идеологему об особом – в отличие от русского – украинском народе, и уже тогда предсказывали возможные негативные последствия недооценки этой опасности. Утверждения украинских сепаратистов об особенностях Украины от России подвергались критике со стороны эмигрантских авторов, во-первых, с точки зрения этнографической (о якобы издревле существовавшем особом украинском народе), во-вторых, с точки зрения филологической (о самостоятельности украинского языка, тоже славянского, но не русского происхождения), в-третьих, с точки зрения хронологии и особенностей географического развития России и Украины (сознательном переселении идеологами «украинства» позднейших исторических событий, понятий, имен в предыдущие века, а также произвольном распространении имени Украины на соседние земли – пространство степей, «дикого поля», доходившего до Черного моря и именовавшееся со времен Екатерины II «Новороссией»).

Большинство эмигрантских авторов были убеждены в надуманности и ложности установок на искусственную замену общерусской культуры изобретенной «украинизаторами» «новой украинской» культурой, указывали на недопустимость начавшейся с приходом к власти большевиков и созданием Украинской Советской Социалистической Республики насильственной украинизации на территории Украины.

Список литературы

1. Васильева М. А. Русско-украинские отношения в исторической концепции П. М. Бицилли // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 133–145. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145>
2. Даренский В. Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 34–42. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42>
3. Малинов А. В. Национальный вопрос в русской эмигрантской философской мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 2. С. 36–42. EDN: IUDRXN
4. Трубецкой Н. С. К Украинской проблеме // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 165–184 <https://www.sedmitza.ru/text/444003.html> (дата обращения: 02.01.2026).
5. Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. 800 с.
6. Ламанский В. И. Национальная бестактность // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 37–57.
7. Скрынченко Д. В. «Украинские» подлоги // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 302–331.
8. Розанов В.В. Голос малоросса о немалороссах // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 280–285.
9. Мартин-Иогансон Э. Россия и Украина. К историографии украинского вопроса // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 159–174.
10. Струве П. Б. Общественная культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 65–86. URL: http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1912_obsherussskaya_kultuta-i_ukrainskiy_partikulyarizm.shtml (дата обращения: 02.01.2026).

11. Бердяев Н. О дарящих и отнимающих (К спору о национальном вопросе) // Биржевые ведомости. 1915. 11 марта. № 14720. http://w.krotov.info/library/02_b/berdyayev/Berdyayev_1915_03_11_O_daryaschuh_F.htm (дата обращения: 03.01.2026).
12. Дворниченко А. Ю. Г. В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. Вып. 2. С. 57–79.
13. Дворниченко А. Ю. Новые приключения историка Георгия Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2019. Т. 64, вып. 2. С. 795–812. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.220>
14. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 461 с. (Новая история). URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/282079-86-petr-savitskiy-kontinent-evraziya.html#book> (дата обращения: 03.01.2026).
15. Бицilli П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага : Единство, 1930. 38 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/bitsilli_problema_russko-ukrainskikh_otnosheny_v_svete_istorii_1930.pdf (дата обращения: 03.01.2026).
16. Лосский Н. О. Украинский и белорусский сепаратизм // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл. и примеч. А. Ю. Минаков. М. : Книжный мир, 2016. С. 445–452
17. Милюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Praha : Swobodnja Rossija, 1925. 192 с. (Библиотека издательства «Свободная Россия»).

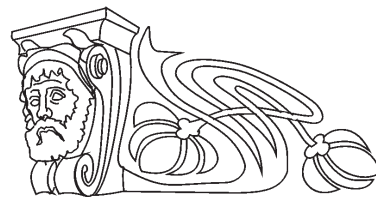
Поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 20.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 204–210
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 204–210
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-204-210>, EDN: OTDEAW

Научная статья
УДК 324

Электоральные тенденции немецких партий на выборах 2021 и 2025 годов, динамика программных установок, сравнение программ

П. А. Голиков¹, И. И. Кузнецов^{1,2} ✉

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Голиков Петр Алексеевич, аспирант кафедры истории и теории политики, pety.golikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7566-7047>

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, ¹профессор кафедры истории и теории политики; ²ведущий научный сотрудник отдела политической науки, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Аннотация. В данной статье представлен сравнительный анализ партийных программ немецких партий на выборах 2021 и 2025 гг. Рассматриваются изменения в установках партий, их цели. Отдельное внимание уделяется российско-германским отношениям, возможности сотрудничества с современными немецкими партиями. На примере отношения к Российской Федерации рассматривается разность подходов партий, их основных избирателей за прошедшие четыре года. Исследование может быть использовано для рассмотрения динамики партий в общенемецком контексте, оценки изменений всей политической системы Германии, роли России в вопросах внутригерманской повестки.

Ключевые слова: выборы в Бундестаг, программы немецких партий, российско-германские отношения, Тино Хруппула, Фридрих Мерц, Олаф Шольц, «Альтернатива для Германии», Христианско-демократический союз Германии, «Левые» (Германия), Союз Сары Вагенкнехт, Социал-демократическая партия Германии, Свободная демократическая партия Германии, «Зеленые» (Германия)

Для цитирования: Голиков П. А., Кузнецов И. И. Электоральные тенденции немецких партий на выборах 2021 и 2025 годов, динамика программных установок, сравнение программ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 204–210. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-204-210>, EDN: OTDEAW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Electoral trends of German parties in the 2021 and 2025 elections, dynamics of programmatic approaches, comparison of programs

P. A. Golikov¹, I. I. Kuznetsov^{1,2} ✉

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

²Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Petr A. Golikov, pety.golikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7566-7047>

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Abstract. This article presents a comparative analysis of the party programs of German parties for the elections of 2021 and 2025. Changes in the attitudes of the parties and their goals are considered. Particular attention is paid to Russian-German relations and the possibility of cooperation with modern German parties. Using the example of attitudes towards the Russian Federation, the difference in the approaches of the parties and their main voters over the past four years is considered. The study can be used to examine the dynamics of parties in the general German context, to assess changes in the entire political system of Germany, and the role of Russia in matters of the domestic German agenda.

Keywords: Bundestag elections, German party programs, Russian-German relations, Tino Hruppula, Friedrich Merz, Olaf Scholz, Alternative for Germany, Christian Democratic Union, The Left (Germany), Sahra Wagenknecht Alliance, Social Democratic Party of Germany, Free Democratic Party of Germany, The Greens (Germany)

For citation: Golikov P. A., Kuznetsov I. I. Electoral trends of German parties in the 2021 and 2025 elections, dynamics of programmatic approaches, comparison of programs. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 204–210 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-204-210>, EDN: OTDEAW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В феврале 2025 г. состоялись внеочередные выборы в Бундестаг. Федеральные выборы должны были состояться осенью, но преждевременный распад правящей «Светофорной коалиции» (СДПГ, СвДП и «Зеленые»)¹ в конце 2024 г. перенес их на февраль 2025-го. Это не стало неожиданностью для немецкого общества или партий, поскольку рассуждения о роспуске парламента страны и назначении новых выборов ввиду накопившихся противоречий между членами коалиции существовали с весны 2024 г.

Новая политическая и экономическая реальность, не существовавшая в 2021 г., значительно повлияла на основные темы в программах партий. Вопросы преодоления экономического кризиса, спада производства и поддержания существующего социального государства в условиях противостояния с Россией и санкций заняли главное место в текстах программ и словах лидеров партий. Не менее значимым для немецкого общества оказались и вопросы относительно роли Германии в конфликте России и Украины: от необходимости соблюдать нейтралитет до полной и безоговорочной поддержки Украины.

При этом внутренний политический кризис Германии стал важным фактором изменений и ожиданий на выборах 2025 г. Возможности старых партий диктовать единолично повестку дня и вести за собой подавляющее большинство немецкого общества исчерпаны. Конфликтные положения программ партий, невозможность договориться о проведении единой политики, отсутствие ярких и харизматичных лидеров и страх перед ростом альтернативных идей продолжили тенденции 2021 г.

Вопрос о будущем Германии, ее внутренней и внешней политике, формировании Бундестага и правительства на протяжении всего времени существования страны был интересен, как в самой ФРГ, так и за ее пределами. Возвышение новых партий, уход от «двух с половиной» партийной системы [1], рост недовольства старыми партиями страны, а также объединение Германии (что в политическом плане добавило иных, отличных взглядов в существовавший в

ФРГ политический дискурс) – все это создало предпосылки к изменениям в установках партий, борьбе за власть и голоса избирателей. Последний срок нахождения у власти Ангелы Меркель поставил еще больше вопросов перед страной, равно как «евроипезация» партий. Значительная часть партий сблизилась свои программы с единомышленниками в Европе, а внутри страны партии одного толка (например, СДПГ и «Левые») стали наиболее похожи друг на друга. GLES² на протяжении многих лет собирали данные и рассматривали электоральную динамику на выборах в Германии, поведение избирателя и их предпочтения [2–4]. Исследования отечественных авторов, таких как С. С. Федорова [5], Е. П. Тимошенко [6], В. П. Любин [7] и В. Б. Белов [8], также являются интересными при рассмотрении политических событий в Германии, изменений в поведении партий и динамики выборов.

Актуальность политической повестки немецких партий высока и для России. Осознание изменений, основных сил и их идей в стране, занимающей передовую антироссийскую позицию, важно для понимания будущего. На какие партии возможно положиться, с кем можно создавать взаимовыгодные отношения, кто в большей или меньшей степени противостоит России и может противостоять в будущем? Ответы на эти вопросы также можно найти, рассмотрев существующую динамику.

Выборы в Бундестаг 2021 и 2025 годов

К 2021 г. ФРГ подошла в наиболее нестабильном своем состоянии со времен «второго объединения» в 1990 г. Проблемы, открывшиеся в последние 10 лет, новые политические вызовы и формирование нового партийного ландшафта, вопросы внешней политики: санкционный режим, отношения с соседями (в том числе с Россией), с Европейским союзом, уход из политики Ангелы Меркель, занимавшей пост канцлера с 2005 г. и не оставившей преемника, предвещали сложные выборы для всей страны и обещали удивить результатами, коалициями, предложениями.

В этом сочетании борьбы за власть и хаоса неизвестности нас, в первую очередь, интере-

¹ Название происходит от классических цветов партий: СДПГ – красный, СвДП – желтый, «Зеленые» – зеленый.

² GLES – German Longitudinal Election Study – Долгосрочное исследование избирательного процесса в Германии.

сует вопрос о том, как представлялась Россия в положениях партий на выборы 2021 г. Также нас интересует, какие партии являлись наиболее «пророссийскими», с какими из них Россия может вести конструктивный диалог, а какие нацелены исключительно на противостояние двух держав. И важно рассмотреть, смогли ли заявления партий и их членов (связанные с Россией) повлиять на исход выборов.

Крупнейший блок Германии, державший власть в своих руках четыре срока, ХДС/ХСС имел в своей программе «Стабильность и обновление. Вместе за современную Германию» идею продолжения курса А. Меркель.

Армин Лашет, будучи более либеральным, чем партия в целом, выиграл место лидера у консервативного Фридриха Мерца. Программа партии тесно связывает их с США и в значительной мере противопоставляет России, подобно тому, как делала Ангела Меркель на протяжении последних семи лет. В документе приводятся следующие моменты, интересные для нашего рассмотрения³:

1) «США – наш важнейший партнер на международной арене. С президентом Байденом мы связываем шанс на прорыв в трансатлантических отношениях...»;

2) «ФРГ будет нуждаться в защите ядерного зонтика США и оставаться элементом системы ядерного сдерживания в рамках НАТО»;

3) «Конструктивно и решительно противостоять Москве... искать пути диалога и сотрудничества там, где есть общие интересы».

В целом, далее признается, что партия нуждается в сотрудничестве с Россией только там, где это «популярно», и является частью другой важной повестки (как, например, изменение климата), или исключительно «меркантильное сотрудничество», в тех вопросах, где это нужно Германии для существования и выживания. Все это недалеко отходит от программы еще 2017 г., в которой высказывались похожие мысли, однако с менее очерченным кругом глобальных проблем⁴.

В 2025 г. ХДС выступил с программой Ф. Мерца, в 2021 г. проигравшего на внутрипар-

тийных выборах А. Лашету. Тогда Мерц говорил о необходимости вернуть традиционного избирателя ХДС и вернуться в «центр» из левого уклона, взятого А. Меркель и А. Лашетом. Поэтому ужесточение миграционного законодательства, развитие внутренней экономики, производства стали его основной задачей. Также еще с 2024 г. лидер ХДС отмечал, что его поддержка Украины будет более последовательной и твердой, чем у его предшественника. Он обещал найти все необходимые средства и передать все вооружение, что попросит данное государство. В отношении России руководство ХДС заняло жесткую позицию, которая, однако, не сочетается на региональном уровне, и некоторые члены партии из Саксонии, Тюрингии и других земель бывшей ГДР отмечают, что партии, возможно, необходим иной подход как во взаимоотношениях с Россией, так и в вопросе продолжения бойкота партии «АдГ», избирателей которой и надеялся переманить Ф. Мерц.

СДПГ, когда-то неоспоримо вторая партия в Германии, после тяжелых лет вышла с новой программой. Сложности для партии были и в составе «большой коалиции», где она состояла, скорее, для того, чтобы «не существовало иной политической силы», а не потому, что могла что-то предложить или обозначить в политике при А. Меркель. В своей программе члены СДПГ выделяют несколько пунктов, которые нам крайне важны:

1) «Это в германских и европейских интересах, если мы сумеем вместе с Россией добиться прогресса в вопросах общей безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, а также климата, устойчивого развития, энергетики и борьбы с пандемиями» [9];

2) «...мы делаем ставку на готовность России к диалогу и к сотрудничеству. Мир в Европе возможен только с Россией, но никак не против нее»⁵;

3) «Для нас особенно ценны контакты гражданских обществ... в том числе в рамках молодежных обменов».

Очевидно, имея более рациональную позицию в вопросе взаимоотношений с Россией в 2021 г. и на протяжении предыдущих из-

³ Выборы в Бундестаг 2021. Путеводитель // Центр европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. URL: https://mgimo.ru/upload/2021/09/vybory-v-bundestag-2021.pdf?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 12.07.2025).

⁴ Там же.

⁵ Шольц назвал решение по «Северному потоку-2» неполитическим // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211217/potok-1764154863.html> (дата обращения: 30.11.2025).

бирательных циклов, СДПГ выглядела для нашей страны более привлекательной партией, возглавляющей немецкое правительство [10]. Сюда следует отнести еще и саму фигуру Олафа Шольца.

Во-первых, в отличие от других кандидатов, которые могли по предварительным опросам составить ему конкуренцию в гонке за кресло канцлера, он был самым опытным и находился на своем посту и в составе партии на видных должностях на протяжении многих лет. Это ему помогло с предвыборной кампанией, где Шольц был выше своих оппонентов, что было заметно по его выступлениям.

Во-вторых, Олаф Шольц целенаправленно выступал за сотрудничество с Россией, и, в частности, в Восточных землях это действительно повлияло на голоса избирателей. Это хорошо видно по региону Мекленбург – Передняя Померания. Последний раз СДПГ здесь имели успех в 2005 г. Сейчас же партия взяла большинство во всем регионе. Одна из причин этого – важность газопровода «Северный поток-2» для местной экономики. О. Шольц, отстаивавший строительство данного проекта, в отличие от других лиц и даже отчасти вопреки «зеленым» идеям программы партии, был воспринят с большей поддержкой местным населением⁶.

В 2025 г. СДПГ выступает за продолжение поставки оружия на Украину «с осторожностью и осмотрительностью», при этом «так долго, как это необходимо». Однако партия выступает против поставок крылатых ракет Taurus, запрошенных Украиной. Во внутренней политике партия предлагает закрепление существующего пенсионного возраста и роста пенсии до 48% от средней заработной платы по стране, при увеличении средней зарплаты до 15 евро в час (сейчас, по их данным, 12–13 евро). Наполнение бюджета партия планирует увеличить за счет больших налогов для богатых, не уточняя шкалу, по которой будет производиться это различие. В целом партия сохранила аккуратный подход к своей программе и «относительно-враждебный» по отношению к России, все также заявляя о поддержке Украины в военном плане, но не прибегая к полноценной эскалации, как того хочет лидер ХДС Ф. Мерц.

⁶ Речь Олафа Шольца // Петербургский Диалог. 2018. URL: <https://petersburger-dialog.de/wp-content/uploads/2018/12/Festrede-Olaf-Scholz.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

«Зеленые» – партия, представляющая яркую антироссийскую позицию. Не скрывали они это и в 2021 г., когда шли на выборы. Сопредседатели партии Анналена Бербок и Роберт Хабек представляли необходимыми следующие действия: «Сохранить санкции против России, прекратить строительство газопровода “Северный Поток-2”»⁷. При этом в их программе содержалась в то время еще частичная идея «разрядки» отношений между Россией и Западом, в отличие от сегодняшних высказываний лидеров. «Зеленые» призывали НАТО уйти от устаревшей идеи «Доктрины холодной войны». Так, для снижения напряженности в Европе они предлагают возобновить диалог и военные контакты между НАТО и Россией, в частности, в рамках размещения и ограничения использование оружия.

«Зеленые» в 2025 г. призывают к «...справедливому, обязательному и солидарному распределению тех, кто ищет защиты в Европе». Партия предлагает сделать добровольную военную службу и резерв более привлекательными для широкой целевой группы, один из методов – расширение льгот, а также увеличение заработной платы и пенсий военным. Во многом партия стремится к расширению контингента НАТО в Германии и развитию самой немецкой армии. Безусловно, партия продолжает настаивать на зеленой политике и переходе на новые источники энергии, отказе от нефти, газа, угля. А. А. Бербок не раз заявляла о том, что ее партия будет поддерживать Украину столько, сколько потребуется, несмотря ни на что, даже если поддержка со стороны избирателя уменьшится⁸.

СвДП традиционно сдержана в заявлениях и идеях. Так, партия предлагала в 2021 г. приостановить газопровод «Северный поток-2», чтобы лучше оценить как его значимость для Восточной Германии и всей немецкой экономики, так и потенциальные проблемы окружающей среды.

«Свободные демократы» представляли сбалансированный подход к России в своей программе 2021 г. Несмотря на критику многих

⁷ Bundestagswahlprogramm 2021 // Gruene. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

⁸ Глава МИД ФРГ заявила, что хочет помогать Киеву вне зависимости от желания избирателей // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15612703> (дата обращения: 12.06.2025).

процессов и внешнеполитических аспектов, связанных с нашей страной, партия заявляет о том, что с Россией должно продолжаться партнерство. По мнению ее лидеров в 2021 г., можно отметить следующее: Россия – не Германия и не совсем традиционная европейская страна в культурных и исторических аспектах, но она – ключевой партнер Германии на протяжении многих лет, и как бы того ни хотели другие, немецкая экономика в значительной мере требует поддержания отношений и контактов с Россией по поводу экономики и покупки энергоресурсов. При этом такая зависимость ими отмечается как «удручающая» для страны, и тут ими поддерживается план перехода на более зеленую экономику и создание энергоресурсов внутри Германии.

СвДП в 2025 г. стала значительно более радикальной партией. Покидая коалицию в конце 2024 г., Кристиан Линднер с трибун Бундестага требовал от О. Шольца предоставить Украине все возможные средства и возможности для нанесения поражения России: от танков и техники до дальнобойных ракет. Попытки заигрывать с популизмом для западно-немецкого избирателя не увенчались успехом, и партия провалила выборы. Отказ от традиционной экономической и рыночно-либеральной составляющей, как основы партийной программы, переход к критическим и радикальным воззрениям сыграли свою роль. Не меньшую проблему для партии составляло и участие в предыдущем правительстве, где именно они блокировали подобные предложения и ставили в основу политики снижение государственных расходов, увеличение налоговых поступлений и реформирование системы во многих ее аспектах. СвДП также выступала за снижение социальных пособий и выплат до минимума.

Партия «Альтернатива для Германии», как лидер «пророссийской риторики» в Германии, по мнению традиционных немецких партий, на выборах 2021 г. не уделяла значительного внимания России и вопросу российско-германских отношений в партийной программе, где партия сконцентрировалась на внутренних проблемах страны. Одной из таких проблем на протяжении многих лет является, по мнению партии, кризис элит в самой Германии (эта точка зрения разделяется зачастую многими представителями иных оппозиционных партий: «Левых», ССВ) [11]. Тем не менее, члены партии

рассуждали о будущем России и Германии в перспективе изменения будущих отношений в лучшую сторону для обеих держав⁹.

Лидера АдГ Тино Хрупалла в немецкой политике уже долгое время называют «новым Эрихом Хонеккером», а его действия и ведение партии в столь нестандартном для западных немцев виде показывается в прозвище, что получила партия – «Альтернатива для России». Чтобы узнать о том, как АдГ видит в своей программе будущее Германии и чем оно интересно России, обратимся к комментариям Е. Забродиной. Она приводит следующие цитаты из программы «Альтернативы для Германии»: «Мы выступаем за выход Германии из ЕС и учреждение нового европейского сообщества на основе общности экономики и интересов... Членство в НАТО и активная роль Германии в ОБСЕ остаются центральным элементом нашей стратегии безопасности – до дальнейшего уведомления... Снятие напряжения в отношениях с Россией – залог долгосрочного мира в Европе. В интересах Германии и Европы вовлечь Россию в общую структуру политики безопасности. Мы выступаем за возобновление регулярных переговоров в рамках Совета Россия – НАТО»¹⁰.

«Альтернатива для Германии» в 2025 г. продолжила свою кампанию по рационализации и нормализации вопросов взаимоотношения России и Германии, возложив вину за ошибки во внешней политике на уходящее правительство и новое, и критиковала большую часть законопроектов партий, стоявших во главе Германии. Исключением стал закон об «ограничении миграции и усилении пограничного контроля». Но под влиянием того, что за данный законопроект партия проголосовала, он был отклонен, а выдвинувший его ХДС подвергся нападкам со стороны западных СМИ за сотрудничество с АдГ.

Еще одна партия, которую по своим внешнеполитическим воззрениям относят к пророссийской, «Левые», в 2021 г. вышла на выборы со стандартной повесткой, которую можно описать как противостояние текущему курсу всей Германии.

⁹ Verfassungsschutz beobachtet AfD nun bundesweit // Der Spiegel. URL: <https://web.archive.org/web/20210303080914/https://www.spiegel.de/politik/deutschland/rechtsextremismus-verdachtsfall-verfassungsschutz-beobachtet-afd-nun-bundesweit-a-136d80ce-4549-4a23-8174-19ad70f20643> (дата обращения: 12.06.2025).

¹⁰ Чем программы немецких партий завлекают избирателей // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/08/25/chem-programmy-nemeckih-partij-zavlekauiut-izbiratelej.html> (дата обращения: 12.06.2025).

Во внутренней повестке «Левые» называют себя сторонниками социализма, во внешней политике они в первую очередь призывают уйти от реалий XX века и избавиться от структур, которые изжили себя. Они заявляют: «Правительство США с новым президентом продолжает курс на конфронтацию, чтобы сохранить свое превосходство с помощью санкций и военного вмешательства. США и ЕС пытаются навязать свое превосходство над РФ и КНР. Это грозит перерасти в новую холодную войну. Из России и Китая в стратегических документах НАТО и ЕС создают образ врага, мы это отвергаем. Расходы НАТО на вооружение составляют 1,1 триллиона долларов – против оборонного бюджета РФ в размере 61 миллиард. Так что дело здесь не в защите от угрозы. Но федеральное правительство Германии и Европейский союз вооружаются – и тем самым усугубляют конфликты»¹¹.

Помимо критики США, «Левые» критикуют и сам альянс НАТО, а также положение и нахождение Германии в нем. Партия поднимает вопросы, которые апеллируют к истории и экономическим интересам Германии, а также предлагают варианты решения немецкой проблемы – будучи экономическим гигантом, являться политическим карликом. Партия заявляет: «НАТО – это пережиток холодной войны и в таком качестве выступает по сей день. Нам, “Левым”, не нужна война как средство политики. Нам нужна разрядка в отношениях с Россией, а не дальнейшая эскалация и игра мускулами... Мы требуем распустить НАТО и заменить ее системой коллективной безопасности с участием России. Мы требуем начать переговоры по Германско-российскому договору, чтобы достичь примирения и укрепить дружбу между нашими странами. В любом случае мы настаиваем, чтобы Германия вышла из всех военных структур альянса, а бундесвер – из высшего командования НАТО. В свете немецкой истории мы выступаем против любой дислокации немецких солдат восточнее линии Одера – Нейсе».

К 2025 г. «Левые» раскололись и появилось две партии: «Левые» с видоизменившимся руководящим составом и ССВ (Союз Сары Вагенкнехт), начавший свое существование

вокруг своего лидера, имеющего отличные от партийных идеи как во внутренней, так и во внешней политике. Теперь «Левые» призывают увеличить роль Германии в НАТО, стремиться к поддержке Украины (преимущественно нелетальными средствами, хотя более радикальные члены партии озвучивали и воззрения о том, что военная техника, оружие и даже немецкий/европейский солдат могут быть привлечены для поддержки). ССВ в своей программе стремился к миру и сотрудничеству, посредничеству и становлению Германии в качестве более нейтральной страны в данном конфликте. При этом «Левые» и ССВ кардинально разошлись и во внутригерманских вопросах [12]. Так, если по вопросу миграционной политики первые призывают вновь полностью «открыть двери», то вторые требуют ужесточения законодательства. «Левые» поддержали полностью уходящее правительство «Светофорной коалиции» в вопросе расширения возможности заимствований, когда Союз Сары Вагенкнехт на первых этапах был против этого, но некоторые члены поддержали по итогу данную инициативу.

Заключение

Таким образом, мы видим разные аспекты предвыборных программ основных партий, с которых рассматриваются отношения Германии и России. Безусловно, мы можем видеть, что большая часть партий шла на выборы 2021 г. с лозунгами «аккуратного сотрудничества». Однако и здесь все партии оказались по разные стороны. Если «Альтернатива для Германии» и «Левые» были более настроены на сотрудничество, СДПГ пытался найти свою нишу, предлагая разные варианты взаимодействия, другие старые партии были аккуратны в заявлениях, обходясь только необходимыми моментами для самой Германии.

В 2025 г. многое изменилось. Действительно близкой и понимающей Россию партией осталась только АдГ. «Левые» осудили нашу страну и вышли из пророссийского поля в немецком обществе еще в 2022 г. Союз Сары Вагенкнехт, начиная свой путь как движение за мир, понимание, улучшение отношений с Россией и критики США и НАТО, необходимости Германии не быть стороной конфликта, потерял много поддержки после слов сопредседателя партии Амиры Мохаммед Али, о том,

¹¹ Wahlprogramme zur Bundestagswahl 2021. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/download/wahlen2021/Wahlprogramm/DIE_LINKE_Wahlprogramm_zur_Bundestagswahl_2021.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

что партия считает В. В. Путина преступником, обвалив свои рейтинги с уверенных 6–8% до 4–5%, что по итогу не позволило партии преодолеть 5%-ный барьер.

Риторика иных партий подразумевает продолжение конфликта на Украине, санкции в отношении России и наращивание военного потенциала страны, что видно из высказываний нового канцлера, представителей правительства и тех членов бундестага, кто поддержал создание этого кабинета. Очевидно, что влияние внешней политики на внутреннюю и наоборот (с первопричиной, лежащей в плоскости российско-германских отношений) будет увеличиваться в ближайшей перспективе. Так, расширение производства военного сектора как мера поддержания экономики (при этом с попыткой сохранения социальных гарантий для общества), наращивание личного состава вооруженных сил, увеличение государственного долга и расширение заимствований – все это будет предприниматься в попытках возвести Германию в ранг более влиятельных стран на международной арене. Старые немецкие партии, вероятнее всего, продолжат держаться курса, в основе которого лежит конфликт с Россией, пока это возможно, сфокусировав на этом значительную часть своих идей и программ и предлагая будущее (от милитаризации страны до необходимости отстаивать свободу, справедливость и демократию, даже если ценой станет падение уровня жизни), что зависит от продолжения конфликта и напряженности между странами [13].

Нельзя не отметить, что после ухода А. Меркель с поста канцлера в Германии все еще остаются трудности с поиском такой же влиятельной и харизматичной личности, которая даже при непопулярных мерах (миграционная политика, экономическое и социальное развитие Восточных земель, а также частично антироссийские санкции) могла бы стать объединяющей.

Список литературы

1. *Siaroff A.* Two-and-a-Half-Party Systems and the Comparative Role of the 'Half' // *Party Politics*. 2003. Vol. 9, № 3. P. 267–290. <https://doi.org/10.1177/1354068803009003001>
2. *Die Bundestagswahl 2021: Perspektiven und Daten aus der deutschen Wahlstudie* / ed. by F. Riebe, L. Hetzer, C. Wurthmann // *Easy_Social_Sciences*. 2022. № 67. P. 19–30.
3. *Voters and Voting in Context: Multiple Contexts and the Heterogeneous German Electorate* / ed. by H. Schoen, S. Roßteutscher, R. Schmitt-Beck, B. Weßels, C. Wolf. Oxford : Oxford University Press, 2017. 300 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198792130.003.0001>
4. *Voters on the Move or on the Run* / ed. by B. Weßels, H. Rattinger, S. Roßteutscher, R. Schmitt-Beck. Oxford : Oxford University Press, 2014. 358 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199662630.001.0001>
5. *Федорова С. С.* Региональные выборы в Германии: европеизация политических партий и последствий миграционного кризиса в Европейском союзе // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2016. Т. 12, № 3. С. 96–107. EDN: YNDHTX
6. *Тимошенкова Е. П.* Итоги выборов в бундестаг: новые вызовы – старые ответы // *Современная Европа*. 2018. № 2 (81). С. 29–39. <https://doi.org/10.15211/soveurope220182939>, EDN: UWLOZM
7. *Любин В. П.* Решающий 2017 год: политические партии и выборы в Германии // *Актуальные проблемы Европы*. 2018. № 2. С. 37–61.
8. *Белов В. Б.* Итоги выборов в Европарламент в контексте партийно-политических перспектив Германии // *Актуальные проблемы Европы*. 2025. № 1. С. 54–78. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.01.03>
9. *Kopf P.* Parteien: Wie haltet ihr es mit Russland? // *Karenina*. URL: <https://www.karenina.de/news/politik/parteien-wie-haltet-ihr-es-mit-russland/> (дата обращения: 30.11.2025).
10. *Крылова Е. А.* Россия в программах парламентских партий ФРГ в 2017 г. // *Россия и современный мир*. 2018. № 3 (100). С. 86–91. <https://doi.org/10.31249/rsm/2018.03.05>
11. *Дрожжина Е. В.* Кризис политических элит в современной Европе // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2025. № 1. С. 127–133. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12025127133>, EDN: TVPGUH
12. *Ночвина Б. А.* Партия «Левые» в современной партийно-политической системе ФРГ: поиск идентичности // *Власть*. 2024. Т. 32, № 5. С. 259–264. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-259-264>
13. *Пичугин С. А.* Образ России в новых предвыборных программах партий немецкого бундестага // *Власть*. 2024. Т. 32, № 4. С. 242–248. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>

Поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 20.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 211–218

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 211–218

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-211-218>, EDN: PDSRZK

Научная статья

УДК 327

Геополитический треугольник США – Япония – Республика Корея в контексте трансформации архитектуры безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона

А. С. Науменко^{1✉}, С. Д. Салтанов²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

Науменко Алина Сергеевна, кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии, naumenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4461-4728>

Салтанов Станислав Дмитриевич, ассистент департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук, saltanov.sd@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5145-8649>

Аннотация. В статье анализируется эволюция геополитического треугольника США – Япония – Республика Корея в условиях трансформации архитектуры безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Основное внимание уделяется стратегии Вашингтона по укреплению своих позиций через создание новых форматов сотрудничества (QUAD, AUKUS), активизацию военных учений и наращивание военной инфраструктуры. Отдельно рассматривается роль США в сближении позиций Токио и Сеула, несмотря на сохраняющиеся исторические противоречия. Авторы приходят к выводу, что такая политика ведет к углублению милитаризации Азиатско-Тихоокеанского региона, формированию проамериканского блока по аналогии с «Азиатским НАТО» в противовес российско-китайско-северокорейскому альянсу, а также к росту рисков региональной эскалации. В качестве необходимого условия стабильности в статье обосновывается важность поддержания сбалансированной системы сдержек и противовесов на региональном уровне.

Ключевые слова: США, Япония, Республика Корея, Азиатско-Тихоокеанский регион, безопасность, треугольник

Для цитирования: Науменко А. С., Салтанов С. Д. Геополитический треугольник США – Япония – Республика Корея в контексте трансформации архитектуры безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 211–218. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-211-218>, EDN: PDSRZK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The geopolitical triangle of the USA, Japan, and the Republic of Korea in the context of the transformation of the Asia-Pacific region's security structure

A. S. Naumenko^{1✉}, S. D. Saltanov²

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

²Far Eastern Federal University, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia

Alina S. Naumenko, naumenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4461-4728>

Stanislav D. Saltanov, saltanov.sd@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5145-8649>

Abstract. This article analyzes the evolution of the US – Japan – Republic of Korea geopolitical triangle amid the transformation of the Asia-Pacific region's security architecture. It focuses on Washington's strategy to strengthen its position through the creation of new cooperation formats (QUAD, AUKUS), intensified military exercises, and the expansion of military infrastructure. The role of the US in aligning Tokyo and Seoul's positions, despite persistent historical contradictions, is examined separately. The authors conclude that this policy is leading to the deepening militarization of the Asia-Pacific region, the formation of a pro-American bloc similar to an "Asian NATO" to counterbalance the Russian-Chinese-North Korean alliance, and increased risks of regional escalation. The article argues for the importance of maintaining a balanced system of checks and balances at the regional level as a prerequisite for stability.

Keywords: USA, Japan, Republic of Korea, Asia-Pacific region, security, triangle

For citation: Naumenko A. S., Saltanov S. D. The geopolitical triangle of the USA, Japan, and the Republic of Korea in the context of the transformation of the Asia-Pacific region's security structure. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 211–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-211-218>, EDN: PDSRZK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На фоне углубляющегося американско-китайского антагонизма и кризиса традиционных многосторонних форматов (таких как центральная роль АСЕАН в регионе) происходит регионализация безопасности, выражающаяся в формировании малых многосторонних коалиций. Геополитический треугольник Соединенные Штаты Америки (США) – Япония – Республика Корея представляет собой формирующийся архитектурный элемент безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Архитектура безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона переживает глубокую структурную трансформацию [1]. На смену биполярной, а затем и асеаноцентричной модели приходит новая, фрагментированная конфигурация, характеризующаяся формированием замкнутых военно-политических блоков под эгидой США. В этом контексте стремительная эволюция трилатерального формата США – Япония – Республика Корея из ограниченного механизма сдерживания КНДР в полноценный стратегический треугольник представляет собой ключевую тенденцию, определяющую будущий баланс сил в регионе. Актуальность исследования обусловлена тремя основными факторами: качественным усилением и институционализацией данного партнерства после саммита в Кэмп-Дэвиде (2023); его растущей ролью в стратегии Вашингтона по сдерживанию Китая в рамках концепции «Индо-Тихоокеанского региона»; прямым воздействием этих процессов на геополитические интересы Российской Федерации в Азии.

Изначально этот альянс был сформирован США в контексте противостояния с Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако он был «неполным», поскольку Япония и Республика Корея, имея отдельные двусторонние договоры о безопасности с США, практически не вели прямого военного сотрудничества между собой. После окончания холодной войны геополитическая структура утратила актуальность. Исторические проблемы, связанные с японским колониальным правлением на Корейском полуострове, сохраняли политические отношения между Токио и Сеулом в состоянии напряжения вплоть до недавнего времени. На фоне обострения американско-китайского соперничества («Вторая холодная война») Вашингтон иници-

ировал возрождение формата. Ключевую роль сыграли приход к власти в Республике Корея Юн Сок Ёля, занявшего примирительную позицию в отношении Японии, а также курс Токио на наращивание военной мощи, включая приобретение наступательного потенциала.

В стратегических документах США и их союзников произошел концептуальный сдвиг: фокус сместился с Азиатско-Тихоокеанского региона на Индо-Тихоокеанский, что отражает стремление связать безопасность Восточной Азии с Индийским океаном для создания более широкого фронта сдерживания¹. Кроме того, процесс идет в обход существующих асеаноцентричных моделей. США активно формируют многоуровневую сеть альянсов, таких как QUAD («Четырехсторонний диалог по безопасности») и AUKUS, в которую теперь органично встраивается и обновленный треугольник с Японией и Республикой Корея.

Российские эксперты расценивают это как создание предпосылок для формирования «Индо-Тихоокеанского альянса» – прямого аналога НАТО. Активность в рамках нового партнерства подкрепляется масштабными совместными учениями (например, «Талисман Сэйбр»), которые охватывают морские, воздушные, кибернетические и космические операции, демонстрируя растущую оперативную совместимость вооруженных сил союзников². В условиях нарастания напряженности в АТР Россия, Китай и КНДР будут сближаться, прежде всего, в противовес треугольнику США – Япония – Южная Корея, часто называемому «Азиатское НАТО» [2].

США – Япония

Для начала рассмотрим американско-японские отношения через призму теории международных отношений, в частности «дилеммы альянсов» (страх оставления vs. страх втягивания) [3]. В контексте американско-японского альянса эта дилемма проявляется особенно ярко. Япония, укрепляя свой оборонный потен-

¹ Американский фактор в формировании новой архитектуры безопасности в ИТР // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskiy-faktor-v-formirovanii-novoy-arkhitektury-bezopasnosti-v-ittr/?sphrase_id=196263663 (дата обращения: 27.11.2025).

² В Минобороны РФ заявили о возможности создания в АТР «Индо-Тихоокеанского альянса», прямого аналога НАТО // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1055962> (дата обращения: 27.11.2025).

циал и ужесточая риторику в отношении Тайваня, с одной стороны, стремится гарантировать себя от «страха оставления» без поддержки США в случае конфликта с Китаем. С другой стороны, ее активные шаги могут увеличить «страх втягивания» в потенциальный конфликт между США и Китаем³.

Укрепление американо-японского альянса – это необходимое, но недостаточное условие для стабильного треугольника США – Япония – Республика Корея. Без прочного и предсказуемого союза США и Японии любые трехсторонние инициативы с участием Республики Корея были бы нежизнеспособны. Именно в этом формате отрабатываются модели сотрудничества, которые затем масштабируются на трехсторонний уровень (например, взаимодействие в сфере ПРО, кибербезопасности, безопасности поставок)⁴.

Политика Японии, направленная на наращивание военной мощи, может вызывать настороженность в Республике Корея, несмотря на присутствие общего союзника в лице США. Наиболее вероятным сценарием является «управляемая конфронтация»⁵, при которой альянс продолжит укрепляться как платформа для сдерживания КНР, но стороны будут стараться избегать прямой военной эскалации. Успех этого сценария зависит от способности США и Японии управлять внутренними противоречиями (торговыми спорами) и выстраивать инклюзивный диалог с Республикой Корея.

Стоит указать, что США и Япония являются партнерами в военно-политической сфере. По мнению эксперта Д. Денисова, в рамках своей стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе США рассматривают Японию в качестве ключевого стратегического плацдарма, направленного на сдерживание России, Китая и КНДР⁶. Отметим, что в Японии размещается

54 000 военнослужащих и 8000 гражданских и подрядчиков Министерства войны США⁷.

Ключевым фактором, лимитирующим оперативные возможности США в АТР, остается доступ к военным объектам на территории стран-союзников. При этом перспективы получения такого доступа в кризисной ситуации сопряжены со значительной неопределенностью. Даже Япония, занимающая центральное место в американских планах на случай тайваньского конфликта, в силу собственного законодательства может оказаться не в состоянии предоставить Вашингтону необходимые права, если непосредственной угрозы ее безопасности не возникнет [4].

Кроме того, официальный представитель МИД России А. О. Настасьин в ходе брифинга высказал оценку, согласно которой военное партнерство Вашингтона и Токио, аргументируемое необходимостью противодействия угрозам со стороны КНДР, Китая и Российской Федерации, носит характер подготовки к полномасштабному вооруженному конфликту в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁸. Официальный представитель МИД России М. В. Захарова отмечает, что совместные американо-японские учения «Keen Sword» являются дестабилизирующим фактором, повышающим риски эскалации в АТР [5].

В апреле 2024 г. состоялся исторический визит премьер-министра Японии Фумио Кисиды в США, который стал предпосылкой вступления государства в «новую эпоху» американо-японских отношений в регионе АТР и за его пределами в качестве «глобального партнера». Совместное заявление лидеров по итогам официального визита подчеркивает значительное укрепление союзнических отношений, особенно в военной и технологической сферах. Центральное место занимают вопросы усиления военного сотрудничества, включая обязательства США защищать Японию с применением всех имеющихся средств, включая ядерное оружие [6].

Как отмечает начальник Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимов, в АТР создается союз «Азиатское НАТО»,

³ Ежемесячный обзор политической ситуации в Восточной Азии и АТР: Период: октябрь–ноябрь // Центр мониторинга и оценки проблем современности. URL: <https://anounitedworld.com/%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%B%D0%B5%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D1%81%D0%B8%D1%82%D1%83-6/> (дата обращения: 27.11.2025).

⁴ The US-Japan Alliance in the World // STIMSON. URL: <https://www.stimson.org/2025/the-us-japan-alliance-in-the-world/> (дата обращения: 27.11.2025).

⁵ См.: Ежемесячный обзор политической ситуации в Восточной Азии и АТР: Период: октябрь–ноябрь.

⁶ Политолог указал на использование Японией властями США в качестве плацдарма в АТР // Известия. URL: <https://iz.ru/1756697/2024-09-10/politolog-ukazal-na-ispolzovanie-iaponii-vlastiami-ssha-v-kachestve-platcdarma-v-atr> (дата обращения: 08.11.2025).

⁷ Where are us military bases in Japan? // Military Modelling. URL: <https://www.militarymodelling.com/blog/where-are-us-military-bases-in-japan/> (дата обращения: 08.11.2025).

⁸ В МИД увидели в действиях США и Японии подготовку к конфликту в АТР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240731/mid-1963159211.html> (дата обращения: 08.11.2025).

участниками которого станут США, Япония и Республика Корея. Главными противниками этих государств были объявлены Россия, Китай и КНДР. Кроме того, разрабатываются новые форматы взаимодействия с участием Австралии и Филиппин. По словам Герасимова, Белый дом стремится переформатировать нынешнюю систему безопасности, основанную на АСЕАН, в сеть контролируемых альянсов, для чего в регионе развернута группировка войск численностью около 400 тыс. военнослужащих⁹.

Примечательно, что Китай окружен сетью американских минилатеральных альянсов, включающих как традиционные классические, так и нетрадиционные новые структуры: QUAD (Четырехсторонний диалог по безопасности), трехсторонний оборонный альянс AUKUS, разведывательный альянс «Five Eyes» («Пять глаз»), военный союз ANZUS («Тихоокеанский пакт безопасности»). В свою очередь, Россия и Китай выступают против создания подобного рода структур, участвуя в международных и региональных организациях и объединениях Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а также инициативах «Один пояс – один путь» и Большом Евразийском партнерстве (БЕП) [7].

На наш взгляд, США и Япония, проводя совместные маневры, преследуют взаимодополняющие, но не идентичные стратегические цели. Для Вашингтона эти учения служат инструментом наращивания военного присутствия и демонстрации силы в АТР. Токио, в свою очередь, использует военное сотрудничество для усиления своего политического веса и влияния на процессы региональной безопасности.

США – Республика Корея

Окончание холодной войны, сопровождавшееся стремительным экономическим подъемом и демократизацией Южной Кореи, инициировало процесс глубокой ревизии двусторонних связей. Превращение Республики Корея в значимую державу с глобальными амбициями потребовало трансформации архаичной

⁹ White House seeks to create Asian NATO in Asia-Pacific region – Russian top brass // ТАСС. URL: <https://tass.com/politics/1889289> (дата обращения: 12.11.2025).

схемы «патрон – клиент» в более равноправное партнерство. На рубеже XX–XXI вв. альянс начал выходить за пределы сугубо военных задач, постепенно обрастая экономическими и ценностными измерениями. Тем не менее, вплоть до недавнего времени Сеул стремился сохранять определенную стратегическую автономию, балансируя между гарантом безопасности (США) и ключевым торговым партнером (Китаем), что периодически создавало трения в отношениях с Вашингтоном.

Отношения между Вашингтоном и Сеулом в последние годы характеризуются трансформацией традиционного военного альянса в «глобальное всеобъемлющее стратегическое партнерство». Фундаментальным событием, закрепившим этот сдвиг, стало принятие Вашингтонской декларации в 2023 г. в ходе государственного визита президента Юн Сок Ёля в США. Документ не только подтвердил обязательства США по защите союзника, но и впервые в истории двусторонних отношений легитимизировал институциональный механизм совместного ядерного планирования¹⁰.

Ключевым инструментом реализации достигнутых договоренностей стала Консультативная группа по вопросам ядерного планирования. Функционирование группы началось с установочных сессий в 2023 г., проведенных поочередно в Сеуле и Вашингтоне. Данный формат обеспечил практическую интеграцию обычных вооруженных сил Южной Кореи с американской ядерной триадой. Результатом совместной работы стало утверждение министра обороны в июле 2024 г. «Руководящих принципов», регламентирующих алгоритмы ядерного сдерживания и проведения совместных операций¹¹.

Итогом этой двухлетней работы стала встреча Консультативной группы в Вашингтоне в январе 2025 г.¹² Данное событие фактически

¹⁰ Вашингтонская декларация США и Южной Кореи и ее значение для международной безопасности // ПИР-Центр. URL: <https://pircenter.org/editions/vashingtonskaja-deklaracija-ssha-i-juzhnoj-korei/> (дата обращения: 12.11.2025).

¹¹ The United States of America-Republic of Korea Nuclear Consultative Group (NCG) // United States Department of State. URL: <https://2021-2025.state.gov/office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/the-united-states-of-america-republic-of-korea-nuclear-consultative-group-ncg/> (дата обращения: 09.12.2025).

¹² S. Korea, U.S. hold Nuclear Consultative Group session postponed amid political turmoil in Seoul // Yonhap News Agency. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250111000900315> (дата обращения: 09.12.2025).

завершило этап разработки нормативной базы и ознаменовало переход к практическому взаимодействию. Согласно официальному заявлению Госдепартамента США, союзники окончательно утвердили планы по интеграции южнокорейских вооруженных сил с американской ядерной триадой. Теперь ключевой задачей становится проведение регулярных командно-штабных учений и тренировок. Это необходимо для того, чтобы на практике отработать принятые протоколы и гарантировать, что в случае реального кризиса совместная система реагирования сработает быстро и слаженно.

Многие эксперты рассматривают данную трансформацию как фактор стабилизации региональной архитектуры, утверждая, что сближение с механизмами НАТО не только усиливает потенциал сдерживания, но и служит защите общих с союзником ценностей. При этом уточняется, что подобные оценки, как и попытки Вашингтона позиционировать формирующийся альянс исключительно как оборонительную структуру, представляются недостаточно убедительными. Очевидно, что любой военно-политический блок изначально конструируется под задачи противостояния конкретному геополитическому противнику. В этом контексте расширение зоны ответственности евроатлантических структур на Азиатско-Тихоокеанский регион выглядит как искусственный процесс, направленный на создание инструмента силового давления, а закрепление за Сеулом права совещательного голоса в ядерных вопросах лишь глубже интегрирует Республику Корея в эту конфронтационную схему [8].

Экономический вектор двустороннего партнерства претерпевает значительную трансформацию, по всей видимости, переходя в фазу формирования устойчивого технологического альянса, выходящего из новой промышленной политики Вашингтона. Создание преференций для высокотехнологичных производств на американской территории выступило мощным драйвером для перераспределения ключевых мощностей южнокорейских индустриальных гигантов. Масштаб этого процесса наглядно иллюстрируют беспрецедентные капиталовложения ведущих чеболей. Так, корпорация Samsung Electronics в рамках стратегического соглашения с правительством США расширила свои обязательства по развитию полупровод-

никового кластера в Техасе до более чем 40 млрд долл., обеспечив себе доступ к государственному финансированию¹³.

Аналогичным курсом следует Hyundai Motor Group, чьи совокупные инвестиции в создание завода по выпуску электромобилей и аккумуляторных батарей в штате Джорджия превысили 12,6 млрд долл., что стало крупнейшим экономическим проектом в истории данного региона¹⁴ [21].

Параллельно с усилением кооперации в сфере высоких технологий наблюдается фундаментальная перестройка внешнеэкономической стратегии Сеула. В настоящее время происходит активный переток южнокорейского капитала в американский промышленный сектор, что фактически знаменует собой отказ от прежней модели, базировавшейся на тесной привязке к азиатским производственным цепочкам.

Таким образом, на современном этапе альянс Вашингтона и Сеула приобретает качественно новые характеристики, трансформируясь из регионального оборонного пакта в глобальный инструмент проецирования влияния США. Институционализация ядерного планирования и глубокая технологическая интеграция фактически лишают Республику Корея стратегической автономии, жестко привязывая ее к курсу Белого дома на сдерживание геополитических конкурентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В долгосрочной перспективе подобная конфигурация отношений несет в себе существенные риски для архитектуры безопасности в регионе. Консолидация блоковой структуры под эгидой США провоцирует ответную реакцию со стороны других региональных игроков, запуская спираль гонки вооружений и снижая порог возможного конфликта. Формирующийся «технологический железный занавес» и милитаризация регионального пространства ставят под угрозу десятилетия экономической взаимозависимости, превращая АТР из зоны процветания в арену острого межгосударственного противоборства.

¹³ Samsung Electronics to Receive up to \$6.4 Billion in Direct Funding under the CHIPS and Science Act // Samsung US Newsroom. URL: <https://news.samsung.com/us/samsung-electronics-to-receive-up-to-6-4-billion-in-direct-funding-under-the-chips-and-science-act/> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁴ Hyundai Motor Group Metaplant America Ushers in the Era of Future Mobility // Hyundai Motor Group Official Website. URL: <https://www.hyundaimotorgroup.com/en/story/CONT000000000174940> (дата обращения: 09.12.2025).

Япония – Республика Корея

Исторически японо-корейские отношения представляет собой сложную траекторию, колеблющуюся между попытками прагматического сближения и всплесками националистической риторики. В рамках двусторонних отношений между странами до сих пор не устранены глубинные исторические и гуманитарные разногласия, уходящие корнями в эпоху японского колониального правления и Второй мировой войны. На протяжении десятилетий так называемая проблема исторического восприятия – споры вокруг «женщин для утешения», принудительного труда и посещения японскими лидерами храма Ясукуни – оставалась главным тормозом для формирования полноценного альянса, периодически парализуя дипломатический диалог. Некоторые эксперты отмечают, что исторически болезненные вопросы используются различными политиками для внутривластной борьбы, спекулируя на наиболее чувствительных темах [9].

Неотъемлемой частью конфликтного потенциала остается неурегулированный территориальный спор вокруг скал Лианкур (в корейской топонимике – Токто, в японской – Такэсима). Данная проблема ежегодно актуализируется в дипломатической повестке: публикация японских «Белых книг по обороне» и учебников истории с претензиями на острова неизменно вызывает жесткие демарши Сеула, включая вызовы послов и ноты протеста¹⁵. Даже в периоды политического сближения фактор Токто выступает мощным триггером общественного недовольства в Южной Корее, серьезно ограничивая пространство для маневра любой администрации, пытающейся наладить диалог с Японией без предварительных условий.

Наиболее глубокий кризис разразился в 2018–2022 гг., когда решение Верховного суда Республики Корея о взыскании компенсаций с японских корпораций за принудительный труд спровоцировало «торговую войну»¹⁶. Введение Токио экспортных ограничений на ключевые материалы для микроэлектроники и ответная

¹⁵ South Korea summons Japan's defence attaché in protest over island claims // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-korea-summons-japans-defence-attach-protest-over-island-claims-2025-07-15/> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁶ Forced Labor Court Decision Opens Rift in Japan-South Korea Ties // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2018/11/forced-labor-court-decision-opens-rift-in-japan-south-korea-ties/> (дата обращения: 09.12.2025).

угроза Сеула выйти из Соглашения об общей безопасности военной информации фактически поставили под угрозу архитектуру безопасности США в регионе¹⁷. К моменту прихода к власти администрации Юн Сок Ёля двусторонние каналы коммуникации находились в состоянии стагнации, а взаимное недоверие достигло критической отметки, что делало звено «Токио – Сеул» самым уязвимым элементом в американской стратегии сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе.

Однако период 2023–2025 гг. ознаменовался стремительной «нормализацией», которую эксперты характеризуют как тектонический сдвиг в региональной геополитике. Драйвером сближения выступил внезапно усилившийся эффект внешних угроз, прежде всего беспрецедентная активизация ракетно-ядерной программы Пхеньяна и усиление военно-политического давления со стороны Китая. Не менее важную роль сыграло и прямое воздействие Вашингтона: администрация Дж. Байдена сделала примирение своих ключевых азиатских союзников абсолютным приоритетом, рассматривая треугольник США – Япония – Республика Корея как основу обновленной архитектуры безопасности в АТР.

Решающим фактором стала политическая воля президента Юн Сок Ёля, который, в отличие от своего предшественника, провозгласил курс на преодоление разногласий с Токио, отказавшись от использования антияпонской риторики как инструмента внутренней легитимации. Хотя стоит отметить, что последние социологические исследования показывают, что в Корее растет запрос на ультраправую риторику в контексте колониального прошлого, и в основном население Кореи не готово забыть прошлое ради будущего [10].

Критически важным моментом в «разрядке» двусторонних отношений стало обнародованное 6 марта 2023 г. решение южнокорейского правительства о методе компенсаций жертвам принудительного труда. Сеул предложил схему выплат через национальный общественный фонд, наполняемый добровольными взносами корейского бизнеса, фактически сняв требование о прямом финансовом участии японских корпораций Mitsubishi Heavy Industries и Nippon

¹⁷ Japan-South Korea: Choking Global Technology Markets Through Bilateral Trade War – Analysis // Eurasia Review. URL: <https://www.eurasiareview.com/28102019-japan-south-korea-choking-global-technology-markets-through-bilateral-trade-war-analysis/> (дата обращения: 08.12.2025).

Steel. Этот шаг, расцененный внутренней оппозицией как «дипломатическая уступка», позволил вывести диалог из тупика¹⁸.

Восстановление доверия на высшем уровне произошло стремительно. Уже в марте 2023 г. состоялся первый за 12 лет двусторонний саммит в Токио, где лидеры двух стран, Фумио Кисида и Юн Сок Ёль, не только подтвердили приверженность общим демократическим ценностям, но и запустили процесс демонтажа торговых барьеров. В рамках процесса нормализации Токио отменил экспортный контроль в отношении трех критически важных материалов для микроэлектроники. Сеул ответил симметричными мерами: отозвал иск из Всемирной торговой организации и восстановил статус Японии как привилегированного торгового партнера в своем «Белом списке»¹⁹.

В сфере безопасности стороны перешли к ликвидации ключевых раздражителей, препятствовавших оперативному взаимодействию флотов и авиации. В марте 2023 г. была полностью нормализована работа соглашения GSOMIA (соглашение об обмене разведывательной информацией), что позволило восстановить бесперебойные каналы обмена разведанными. В июне 2024 г. министры обороны двух стран договорились «перевернуть страницу», согласовав новые протоколы коммуникации на море, исключая подобные недоразумения в будущем²⁰.

Практическим результатом политической разрядки стало создание единого информационного контура противоракетной обороны. В декабре 2023 г. была введена в эксплуатацию система обмена данными о ракетных пусках КНДР в реальном времени²¹. Этот механизм, объединивший радары союзников через амери-

канский хаб, критически важен для повышения эффективности перехвата баллистических целей, так как позволяет компенсировать ограничения радиогоризонта каждой из сторон.

Вершиной процесса военной интеграции стало проведение в июне 2024 г. первых масштабных трехсторонних учений «Freedom Edge»²², что де-факто превращает трехсторонний формат из консультативного механизма в полноценный военный блок.

Подводя итог анализу трансформации японско-корейского направления в треугольнике Вашингтон – Сеул – Токио, можно констатировать формирование принципиально новой геополитической реальности в Северо-Восточной Азии. Создаваемый при активном управлении Вашингтона треугольник приобретает черты самостоятельного субрегионального блока. Институционализация регулярных форматов взаимодействия – от ежегодных саммитов до совместных учений и прямых линий связи – нацелена на то, чтобы сделать процесс сближения необратимым, застраховав его от возможных политических колебаний внутри стран-участниц. Фактическое замыкание треугольника создает на восточных рубежах Евразии мощный военно-политический кулак с единой системой управления и разведки, способный проецировать силу на весь Азиатско-Тихоокеанский регион.

Заключение

Трансформация архитектуры безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона стимулирует консолидацию геополитического треугольника США – Япония – Республика Корея, ключевой целью которой является формирование системы сдерживания КНР и КНДР. Стратегическое взаимодействие в рамках этого треугольника эволюционирует от традиционных двусторонних союзов к более сложным многосторонним форматам (QUAD, AUKUS), подкрепляемым масштабными военными учениями, расширенным присутствием сил США в Японии и углублением экономического партнерства. Данный тренд существенно повышает уровень оперативной координации и совокупный оборонительный потенциал участников.

²² First Execution of Multi-Domain Japan – ROK – U.S. Exercise Freedom Edge // U.S. Indo-Pacific Command. URL: <https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/3819042/trilateral-statement-first-execution-of-multi-domain-japan-ro/> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁸ South Korea to compensate victims of Japan's wartime forced labour // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-korea-announce-plans-resolve-forced-labour-dispute-with-japan-2023-03-06/> (дата обращения: 09.12.2025).

¹⁹ South Korea to return to Japan's 'white list' for exports on July 21 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/south-korea-return-japans-white-list-exports-july-21-2023-06-27/> (дата обращения: 09.12.2025).

²⁰ Joint Press Statement by Minister of Defense of Japan and Minister of National Defense of the Republic of Korea // Ministry of Defense of Japan. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2024/06/379fa1b91bfff2aee8a35e60413b555b96bbe6b.html> (дата обращения: 09.12.2025).

²¹ Trilateral Security Alliance: South Korea, US, and Japan Forge Real-Time Missile Warning Data Sharing Agreement // SOFREP. URL: <https://sofrep.com/news/trilateral-security-alliance-south-korea-us-and-japan-forge-real-time-missile-warning-data-sharing-agreement/> (дата обращения: 09.12.2025).

Несмотря на сохраняющиеся исторические противоречия, наблюдается устойчивое сближение Токио и Сеула, детерминированное, в первую очередь, общими вызовами безопасности. Возобновление регулярного диалога, проведение консультаций по ядерной угрозе и обмен разведанными способствуют созданию более сплоченной структуры сотрудничества, хотя ее устойчивость продолжает испытываться внутренней политической динамикой обеих стран.

Провозглашаемый исключительно оборонительный характер данного альянса и заветы об отсутствии угроз для третьих стран вызывают вопросы, находящие исторические параллели с заявлениями НАТО накануне его восточного расширения. В результате укрепления американо-японо-корейского треугольника объективно ведет к росту стратегической напряженности в регионе, провоцируя Россию, Китай и КНДР на ответную консолидацию и углубление военного сотрудничества для восстановления нарушаемого баланса сил. В этих условиях именно многосторонняя дипломатия и поиск механизмов предотвращения конфликтов остаются критически важными для снижения рисков прямой конфронтации и поддержания хрупкой региональной стабильности.

Список литературы

1. Науменко А. С. Геополитическое и концептуальное реформирование Азиатско-Тихоокеанского региона: многообразие подходов и инструментов : дис. ... канд. полит. наук. М., 2025. 254 с.
2. Науменко А. С., Салтанов С. Д. Стратегическое оборонное партнерство России, Китая и Северной Кореи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 107–120. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120>, EDN OVKQAW
3. Истомин И., Водопьянов К. Трансформация американо-японского союза. Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1. С. 121–142. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.10>
4. Кадомцев А. США в АТР – желание и возможности // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51837> (дата обращения: 08.11.2025).
5. Захарова: Совместные учения США и Японии повышают градус эскалации в АТР // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/22204399> (дата обращения: 08.11.2025).
6. Гамза Л. А. Превращение Японии в «глобального партнера» США // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/making-japan-a-global-partner-of-the-united-states> (дата обращения: 12.11.2025).
7. Селезнева Д. А. Ядерное нераспространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 4. С. 73–83. <https://doi.org/10.20542/afj-2024-4-73-83>, EDN: KOWODC
8. Современные проблемы Корейского полуострова 2024 / отв. ред. В. Г. Самсонова, А. А. Ширикалова. М. : Ин-т Китая и современной Азии РАН, 2024. 184 с. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.19.23.001>, EDN: AJKVIQ
9. Асмолов К. В., Пугачева О. С. Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы // Японские исследования. 2024. № 3. С. 113–132. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-3-113-132>
10. Ким Н. Н., Соловьёв А. В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 2. С. 49–72. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72>

Поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 20.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 219–222

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 219–222

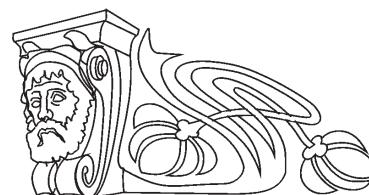
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-219-222>, EDN: PRBQMS

Научная статья

УДК 324

Риски применения искусственного интеллекта в политике

В. И. Федоров

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

Федоров Владислав Иванович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, vifedorov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

Аннотация. Искусственный интеллект и большие языковые модели становятся все более значимым инструментом в политической сфере жизни общества, оказывая влияние на избирательные кампании, принятие политических решений и коммуникации между государством и обществом. Целью работы является выявление рисков применения искусственного интеллекта в политике на российском эмпирическом материале. В статье комплексно использованы дискурс-анализ научных публикаций академических исследований, связанных с рисками применения больших языковых моделей в политике, сравнительно-правовой метод научного исследования и метод сценарного прогнозирования, что позволило выделить пробелы законодательного регулирования и обозначить необходимость совершенствования законодательства. В фокусе внимания данной работы – риски применения искусственного интеллекта в политике, включающие ангажированность и политизацию больших языковых моделей, манипуляцию общественным мнением и распространение дипфейков, использование для кибератак на инфраструктуру выборов и управление электоральным поведением. Главным выводом исследования является утверждение о существовании рисков по скрытому манипулированию общественным мнением и управлению поведением индивида, выгодных создателям и владельцам ИИ, что может привести к потере национального цифрового суверенитета и делегитимации политического режима. В условиях вепонизации искусственного интеллекта российскому научному сообществу, законодателям и общественности необходимо активизировать работу по противодействию иностранному вмешательству посредством искусственного интеллекта в политические процессы России. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении и расширении представлений о потенциальных рисках при использовании искусственного интеллекта и больших языковых моделей в политической сфере жизни общества.

Ключевые слова: выборы, электоральные процессы, электоральный суверенитет, искусственный интеллект, большие языковые модели, нейросети, манипуляция общественным мнением, дипфейки

Для цитирования: Федоров В. И. Риски применения искусственного интеллекта в политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 219–222. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-219-222>, EDN: PRBQMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The risks of using artificial intelligence in politics

V. I. Fedorov

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Vladislav I. Fedorov, vifedorov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

Abstract. We are witnessing that artificial intelligence and large language models are becoming an increasingly important tool in the political sphere of society, influencing election campaigns, political decision-making, and communication between the state and society. The aim of the work is to identify the risks of using artificial intelligence in political processes in Russia. The article comprehensively uses discourse analysis of scientific publications and academic research related to the risks of using large language models in politics, the comparative legal research method, and scenario forecasting, which allowed identifying gaps in legislative regulation and highlighting the need to improve legislation. The focus of this work is on the risks of using artificial intelligence in politics, including the bias and politicization of large language models, manipulation of public opinion and the spread of deepfakes, the use for cyberattacks on election infrastructure, and the management of electoral behavior. The main conclusion of the work is the assertion that there are risks of covert manipulation of public opinion and individual behavior management, which are beneficial to the creators and owners of artificial intelligence. This can lead to the loss of national digital sovereignty and the delegitimization of the political regime. In the context of the militarization of AI, the Russian scientific community, lawmakers, and the public need to step up efforts to counter foreign interference through the use of artificial intelligence in political processes in Russia. The theoretical significance of the work lies in clarifying and expanding understanding of the potential risks associated with the use of artificial intelligence and large language models in the political sphere of society.

Keywords: elections, electoral processes, electoral sovereignty, artificial intelligence, large language models, neural networks, manipulation of public opinion, deepfakes

For citation: Fedorov V. I. The risks of using artificial intelligence in politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 219–222 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-219-222>, EDN: PRBQMS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Влияние искусственного интеллекта (ИИ) и больших языковых моделей (БЯМ) возрастает во всех сферах жизни общества, включая политику. ИИ используют в разных целях: от анализа больших данных до автоматизации принятия решений и управления избирательными кампаниями. Некоторые политики обращаются к нейросетям для подготовки публичных выступлений, постепенно отказываясь от спичрайтеров. Хотя использование ИИ может повысить эффективность и скорость выполнения задач, оно также связано с рисками, которые способны подорвать доверие к политическим институтам и угрожать государственному суверенитету. Среди таких рисков – ангажированность и политизация языковых моделей, манипуляция общественным мнением, угрозы институту выборов и вепонизация ИИ. Как отмечают С. В. Володенков и С. Н. Федорченко, перед научным сообществом стоит задача формирования российской модели суверенизации цифровых коммуникаций, которая позволит обеспечить условия для развития сильного, независимого и конкурентоспособного в геополитическом смысле Российского государства [1, с. 42].

Сегодня в России правовое регулирование общественных отношений в сфере искусственного интеллекта в основном касается беспилотного транспорта, здравоохранения и предоставления государственных и муниципальных услуг, где принята соответствующая законодательная база. Политическая сфера применения ИИ пока регулируется в недостаточной мере. Ключевой правовой акт в этой области – Указ Президента РФ от 10 октября 2023 г. № 739 «Об утверждении Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Он определяет основные принципы и направления развития ИИ в России, включая его использование в политической сфере. По сути, на сегодняшний день политические партии и кандидаты не могут легально использовать ИИ для производства агитационно-печатной продукции в период избирательной кампании. Использование в агитации вводящих в заблуждение поддельных изображений, аудиовизуальных материалов, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий и способствующих созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату или политической партии, являются основанием для отказа в регистрации и отмены решения о регистрации.

Среди российских исследователей преобладают алармистские выводы о характере влия-

ния ИИ на политические процессы. Российские авторы анализируют проблемы обеспечения государственного суверенитета [2], рост зависимости человека от ИИ в разных сферах жизни [3], риски замены политических экспертов искусственным интеллектом [4], особенности применения ИИ в политическом процессе [5], а также отсутствие реальной возможности контроля ИИ для создателей и общества [6]. Особое внимание уделяется вопросам влияния фейковой информации на общественное мнение [7], искажению правды под воздействием цифровых коммуникаций [8] и необходимости регулирования деятельности цифровых коммуникационных платформ со стороны государства [9].

Ангажированность и политизация языковых моделей является их ключевой проблемой. В зависимости от идеологических ориентаций их создателей разные языковые модели дают разные ответы на одинаковые вопросы. На сегодняшний день наблюдается рост популярности нейросетей, которые все чаще используются россиянами для получения информации и советов вместо традиционных поисковых сайтов Yandex и Google. Наиболее широкую известность и пользовательский интерес в России получили пять языковых моделей: ChatGPT, Yandex GPT, GigaChat, AI Text Generator, Deepseek.

Проанализировав идеологические установки языковых моделей на примере серии вопросов о политической системе России, автор пришел к выводу, что в целом нейросети придерживаются центристских политических взглядов, избегая радикальных позиций. При этом зарубежные языковые модели часто дают негативные ответы при оценке российской политической системы, направленные на ее дискредитацию. Это можно проверить с помощью ряда вопросов о доверии к государственным институтам России, результатам выборов, дистанционному электронному голосованию. При этом известные российские языковые модели обычно дают нейтральные ответы на эти вопросы, зачастую не упоминая о позитивных аспектах политической системы России. В таких условиях пользователь получает доступ только к зарубежной негативной и российской нейтральной информации, что делает невозможным формирование доверия к политической системе на основе ответов языковых моделей.

Таким образом, обозначенная проблема ангажированности и политизации языковых моделей требует соответствующего реагирова-

ния со стороны законодателей. Возможно, стоит рассмотреть ограничение доступа к зарубежным платформам искусственного интеллекта, которые распространяют дезинформацию о российской политической системе, подрывая суверенитет. Однако более продуктивным является тонкая настройка российских языковых моделей, которым нужно предоставлять пользователю более полную политическую информацию, соответствующую российскому законодательству.

Манипуляция общественным мнением является одним из наиболее значимых рисков. Алгоритмы анализа данных и генерации контента позволяют создавать персонализированные сообщения, которые могут влиять на взгляды и поведение избирателей. ИИ позволяет сегментировать аудиторию и направлять индивидуальные сообщения потребителям информации, что может приводить к распространению дезинформации, адаптированной под профиль пользователя. С помощью ИИ можно создавать глубокие подделки (deepfakes), которые имитируют речь или действия политических лидеров, что может использоваться для дестабилизации политической обстановки. Примерами такого рода стали фейки, созданные украинскими спецслужбами, где объектами информационной атаки были губернаторы Курской и Белгородской областей, а также руководители силовых структур.

Например, китайская технологическая компания ByteDance 5 февраля 2025 г. представила новую модель искусственного интеллекта под названием OmniHuman-1, которая способна генерировать видео с реалистичным изображением человека, что открывает новые возможности для создания контента, виртуальных аватаров и интерактивных приложений. OmniHuman-1 выделяется среди аналогичных технологий своей способностью создавать видео с любым соотношением сторон и пропорциями тела, а также улучшенным отображением жестов, что ранее было проблемой для других ИИ-моделей. Это достигается благодаря использованию передовых алгоритмов глубокого обучения и обработки изображений. Технология может быть использована для создания более достоверных фейковых видео, что может привести к распространению дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Российское общество нуждается в объективном информировании об угрозах дипфейков и мерах противодействия. Материал, разоблачающий фейк, должен описывать все этапы вери-

фикации информации, содержать убедительные доказательства целенаправленного искажения информации.

Угрозы институту выборов со стороны ИИ также являются вызовом для государства и связаны с разрушением электорального суверенитета. Мощный ИИ может быть использован для вмешательства в избирательные процессы, незаметной фальсификации итогов голосования и дискредитации отдельных должностных лиц и института выборов в целом. В связи с этим в ряде стран, включая Россию, не разрешено применение дистанционного электронного голосования из-за рубежа, что создает дополнительные риски иностранного вмешательства. Искусственный интеллект часто используется для автоматизации кибератак, направленных на взлом платформ электронного голосования и электронных списков избирателей. Это может привести к нарушению целостности данных и поставить под сомнение результаты выборов, тем самым подрывая легитимность избирательного процесса.

В ряде европейских стран широкое распространение получили электронные приложения для помощи в голосовании с искусственным интеллектом (Voting Advice Applications – VAA), которые помогают сделать политический выбор избирателю на основании анкетных данных, которые он заполняет при регистрации в приложении. Очевидно, что такие электронные помощники могут влиять на электоральное поведение и корректировать его в интересах владельцев этих приложений, которые обычно ориентированы на сохранение правящего политического режима. К очевидным рискам таких приложений можно отнести попытки манипулирования и скрытой агитации среди избирателей, намеренное введение в заблуждение, скрытый сбор сведений об электоральных предпочтениях общества в интересах владельцев этих приложений. Можно констатировать, что создатели подобных приложений ориентировались на успешные примеры по манипулированию общественным мнением в американских социальных сетях и видеохостингах, где широко распространена политическая цензура [10].

Следует согласиться с членом ЦИК России И. Б. Борисовым, подчеркивающим опасность электорального экстремизма, который может вызывать неблагоприятные для государства и общества уничтожающие эффекты – от социальных взрывов и «оранжевых революций» до слома конституционного порядка и силового

захвата власти [11]. Электоральный экстремизм с применением ИИ по масштабам разрушительного воздействия на суверенитет избирательной системы будет сравним с применением ядерного оружия на поле боя. Для снижения рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в политике, необходимо разработать законодательные нормы, регулирующие применение ИИ в политике, включая запрет на использование deepfakes и микротаргетинга для распространения дезинформации. Появление ИИ уже сказалось на усилении неравенства между государствами, как это произошло в первой половине прошлого столетия с появлением разработок в ядерной сфере [12].

Таким образом, применение искусственного интеллекта в политике связано с серьезными рисками. Можно выделить три основных направления угроз: ангажированность и политизация больших языковых моделей; манипуляция общественным мнением и распространение дипфейков; использование ИИ для кибератак на инфраструктуру выборов и управления электоральным поведением. В зависимости от идеологических ориентаций владельцев и создателей платформы искусственного интеллекта могут стремиться к скрытому управлению поведением людей и общества в целом, что может привести к потере национального цифрового суверенитета и делегитимации политического режима. Российским законодателям и экспертам необходимо активизировать работу по противодействию вмешательству искусственного интеллекта в политические процессы России.

Прозрачность алгоритмов, отчеты об их использовании и разработка международных стандартов являются ключевыми элементами ответственного применения ИИ в политике. Только при условии соблюдения этих принципов можно минимизировать риски и обеспечить использование новых технологий для достижения общественного блага.

Список литературы

1. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21, № 4. С. 26–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26
2. Торкунов А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>, EDN: CYRKPН
3. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.04>, EDN: MKUTKU
4. Симонов К. В. Политическая экспертиза: как не умереть в эпоху искусственного интеллекта // Власть. 2024. Т. 32, № 4. С. 9–13. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-9-13>, EDN: XFTOEL
5. Кузнецов А. Г. Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. 2020. № 2. С. 157–182. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-2-157-182>, EDN: OJYPQZ
6. Бажанов В. А. Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 3. С. 193–210. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-3-193-210>
7. Манойло А. В. Фейковые новости как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 41–42. EDN: HGEVFP
8. Грачев М. Н., Евстифеев Р. В. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 229–248. EDN: SKTGBY
9. Попова И. М. Регулирование цифровых платформ в Бразилии: политический контекст согласования новых законов // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 93–109. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-05>, EDN: OSHKQE
10. Федоров В. И. Формирование общественного мнения об электронном голосовании в социальных сетях на примере YouTube // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 89–96. EDN: TVXLXZ
11. Борисов И. Б. Электоральный экстремизм: понятие и система противодействия // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2024. № 7–8. С. 1–14. EDN: ECCOIN
12. Аветисян А. И., Силаев Н. Ю. Россия – серьезный игрок в гонке ИИ // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 4. С. 136–145. EDN: PGOWLН

Поступила в редакцию 14.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 20.02.2026

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 223–230

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 223–230

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-223-230>, EDN: RWTJJH

Научная статья

УДК 327

Международное энергетическое сотрудничество Китая в условиях ужесточения западных санкций против стран Глобального Юга

Чэнь Фанбо

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Чэнь Фанбо, аспирант кафедры политологии, fangboc@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0919-385X>

Аннотация. В статье анализируется трансформация внешнеполитической стратегии КНР в энергетической сфере на фоне консолидации стран Запада и расширения санкционного давления на государства Глобального Юга. Рассматриваются механизмы использования Китаем западных санкций для укрепления собственной энергетической безопасности и формирования альтернативной архитектуры международных отношений. Особое внимание уделяется влиянию западных санкций, введенных против государств Глобального Юга, на внешнеполитическое планирование Китая. Доказывается, что Китай использует данные ограничения не как угрозу, а как возможность для импорта энергоресурсов по ценам ниже мировых и укрепления своего геополитического потенциала. Делается вывод о формировании двухконтурной глобальной энергетической системы, где экономическая целесообразность подчинена геополитическим приоритетам.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Глобальный Юг, страны Запада, геополитическое противоборство, западные санкции, энергетическая безопасность, энергетическая дипломатия, международное сотрудничество

Для цитирования: Чэнь Фанбо. Международное энергетическое сотрудничество Китая в условиях ужесточения западных санкций против стран Глобального Юга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 223–230. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-223-230>, EDN: RWTJJH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

China's international energy cooperation amid tightening Western sanctions against Global South countries

Chen Fangbo

Moscow State Linguistics University, 38, bld. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Chen Fangbo, fangboc@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0919-385X>

Abstract. This article examines the evolution of China's foreign policy strategy in the energy sector against the backdrop of Western consolidation and expanding sanctions pressure on Global South countries. It explores the mechanisms through which China leverages Western sanctions to enhance its own energy security and shape an alternative international relations architecture. Particular attention is paid to the impact of Western sanctions imposed on Global South states on China's foreign policy planning. The paper argues that China perceives these restrictions not as a threat but as an opportunity to import energy resources at below-market prices and strengthen its geopolitical influence. It concludes by suggesting the emergence of a dual-circuit global energy system, in which economic rationality is subordinated to geopolitical priorities.

Keywords: China's foreign policy, Global South, Western countries, geopolitical rivalry, Western sanctions, energy security, energy diplomacy, international cooperation

For citation: Chen Fangbo. China's international energy cooperation amid tightening Western sanctions against Global South countries. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 223–230 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-223-230>, EDN: RWTJJH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная система международных отношений переживает период фундаментальной трансформации, характеризующийся переходом от глобальной экономической взаимозависимости к фрагментации и блоковому противостоянию. Энергетика традиционно играет важную роль в развитии мировой экономики, превратившись де-факто в инструмент геополитической борьбы. В центре этого глобального противостояния находится Китайская Народная Республика, чья энергетическая безопасность стала одной из главных мишеней стратегии сдерживания, реализуемой «коллективным Западом» по отношению к Китаю.

Глобальный энергетический рынок рассматривается многими экспертами в качестве пространства свободной конкуренции, где политика играет второстепенную роль. Эта иллюзия была окончательно опровергнута рядом событий последних лет: подрыв газопроводов «Северный поток» в ходе конфликта на Украине стал причиной пересмотра содержания стратегий энергетической безопасности ряда стран в Европе и в мире; соперничество между США и Китаем перераспределило глобальные инвестиции в новые источники энергии. Энергетика вновь, как и столетие назад, стала ключевым инструментом проекции силы держав и определяющим фактором геополитики, где политические интересы и стратегии государств напрямую воздействуют на глобальные торговые и экономические процессы.

Однако современная конфигурация конфликта имеет принципиальное отличие. Мы наблюдаем формирование качественно новой коалиции, которую можно назвать «расширенным Западом». Если ранее санкционное давление было прерогативой евроатлантического альянса, то сегодня к политике жесткого сдерживания активно подключаются ключевые игроки Азиатско-Тихоокеанского региона [1, р. 122]. Заявления премьера Японии, открыто увязавшие свою безопасность с ситуацией вокруг Тайваня¹, и интеграция Австралии в военно-технологические альянсы англосаксонского

¹ 高市首相、台湾有事「存立危機事態になりうる」武力攻撃の発生時 // 朝日新聞 = Заявление японского официального лица о потенциальной эскалации тайваньского вопроса до уровня «кризиса государственной безопасности» // Газета «Асахи симбун». URL: <https://www.asahi.com/articles/ASTC722TVTC7UQIP04NM.html?msocid=2eec7ef26f026cb21fa7684e6ec46d9d> (дата обращения: 21.11.2025).

мира (AUKUS) свидетельствуют о создании глобального «санитарного кордона». В этой архитектуре Китай рассматривается как системный противник, которого необходимо отрезать не только от технологий, но и от контроля над энергоресурсными потоками.

Западное санкционное давление создает для Китая комплексную угрозу в двух ключевых направлениях: прямые ограничения и косвенные вызовы. Запад целенаправленно вводит санкции против конкретных сегментов китайского ТЭКа, стремясь замедлить его технологическое развитие. Меры, вводимые против стран Глобального Юга (таких как Иран или Венесуэла), хотя и нацелены в первую очередь на подрыв экономического суверенитета этих государств, фактически создают серьезный побочный риск для Китая, стремящегося к диверсификации источников сырья. Таким образом, Китай вынужден не только противостоять прямым ограничениям, но и разрабатывать сложные обходные механизмы (как в случае с Малайзией), чтобы обеспечить надежность своих энергоресурсных потоков. В совокупности эти прямые и косвенные меры образуют скоординированную стратегию стран Запада, нацеленную на сохранение технологического разрыва в традиционной энергетике и одновременное увеличение транзакционных издержек Китая по диверсификации поставок.

В данной статье рассматривается, как Китай адаптирует свою внешнеполитическую стратегию, используя западные санкции против государств Глобального Юга для построения альтернативной архитектуры глобальной энергетической безопасности. Парадокс ситуации заключается в том, что попытки Запада изолировать ресурсодобывающие страны Глобального Юга создают для Китая уникальное окно возможностей. Вместо того чтобы поддаться давлению, КНР переходит к стратегии активного геополитического конструирования, превращая западные санкции в отправную точку для построения новой, независимой от доллара и западных морских путей, энергетической реальности.

Консолидация стран Запада и расширение геополитического давления на Глобальный Юг

Современная архитектура международных отношений переживает фундаментальную трансформацию. Принципиально новым фактором мировой политики последних лет стало

расширение понятия «Запад». Если в XX в. под этим термином понимался евроатлантический альянс (США и Европа), то сегодня мы видим формирование глобальной коалиции, включающей ключевых игроков Индо-Тихоокеанского региона [2, с. 44].

Япония, традиционно сдержанная в жестких геополитических маневрах, совершила резкий поворот в своей оборонной и внешней доктрине. Заявления о том, что «безопасность Тайваня – это безопасность Японии», а также активное участие в санкционных механизмах G7 свидетельствуют о готовности играть роль ключевого элемента в «санитарном кордоне» вокруг Китая. Аналогичную позицию занимают Австралия и Новая Зеландия. Будучи интегрированными в англосаксонские структуры безопасности (AUKUS, Five Eyes), эти страны проецируют влияние на государства Океании и Юго-Восточной Азии, пытаясь ограничить там китайское присутствие. Для стран Глобального Юга это означает усиление дилеммы выбора: сотрудничество с Китаем теперь несет риск попадания под вторичные санкции не только США, но и их тихоокеанских союзников.

В этой конфигурации Китай рассматривается Западом не просто как конкурент, а как главный геополитический противник и «системный вызов», что отражено в стратегических документах НАТО и США². Стратегия сдерживания КНР перестала быть точечной и приобрела комплексный характер, включающий:

– дипломатическую изоляцию: создание блоков (QUAD, AUKUS) по периметру китайских границ;

– торговые барьеры: ограничение доступа китайских компаний на западные рынки, введение повышенных тарифных пошлин (например, на китайские электромобили в США и ЕС) и создание барьеров для инвестиций;

– целенаправленное давление на энергетический сектор: попытки контроля над морскими путями транспортировки углеводородов (Малаккский пролив) и ограничение доступа к технологиям их добычи и переработки.

² Vilnius Summit Communiqué // NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2023/07/11/vilnius-summit-communication> (дата обращения: 22.11.2025) ; The Indo-Pacific Strategy // The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 22.11.2025) ; Washington Summit Declaration // NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2024/07/10/washington-summit-declaration> (дата обращения: 22.11.2025).

Давление оказывается не только на Китай, но и на широкий круг стран Глобального Юга. В рамках стратегического соперничества с Китаем Запад, и в первую очередь США, активизирует свои усилия по привлечению на свою сторону этих стран. Параллельно в западном политическом дискурсе укоренился нарратив, в рамках которого государства Глобального Юга часто рассматриваются как важные источники ресурсов и пространство для расширения китайского влияния [3, р. 83]. Однако важно подчеркнуть, что эти страны не выступают пассивными объектами в большой игре, а активно используют свою растущую стратегическую автономию для проведения многовекторной дипломатии и максимизации выгод из меняющейся расстановки сил великих держав, защищая тем самым свои национальные интересы [4, с. 25].

Архитектура санкций: инструментализация экономики

В условиях стратегического соперничества санкции становятся инструментом внешнеполитического давления, нацеленным на принуждение или сдерживание стран-соперников. В этой связи необходимо проанализировать особенности санкционного давления со стороны Запада, в условиях которого КНР выстраивает свою внешнеполитическую стратегию, включая ее энергетические аспекты. В сфере энергетики западные санкции делятся на два типа: ограничивающие экспорт ресурсов (против «недружественных» ресурсодобывающих стран) и ограничивающие импорт технологий (против Китая).

В рамках санкционного давления против «недружественных» поставщиков (Россия, Иран, Венесуэла) США и ЕС, используя глобальное доминирование доллара и контроль над институтами страхования морских перевозок, ввели жесткие ограничения против энергетических секторов этих стран, бросивших вызов западному мировому порядку. Политическая цель санкций против этих государств заключается в нанесении значимого ущерба их доходам от продажи энергоносителей и геополитической субъектности. В отношении России западные санкции включали эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов, введение «потолка цен» (price cap), отключение банков от SWIFT, что усложняет расчеты за энергоносители. Но санкции не достигли значительного

результата в силу того, что экспортные потоки были оперативно переориентированы на страны Востока.

Западная политика в отношении КНР трансформируется в стратегию, нацеленную на долгосрочное сдерживание. Понимая невозможность прямой энергетической блокады, что принесет опасность коллапса мировой экономики, удар наносится по будущему потенциалу Поднебесной. США и их союзники (включая Нидерланды и Японию) ограничивают доступ КНР к технологиям, делая его зависимым от внешних поставок. В энергетической отрасли данный курс проявляется в рамках таких направлений, как контроль над доступом к рынкам и принуждение к «дерискингу», ограничение доступа к ключевому оборудованию и технологиям, финансово-инвестиционный контроль и ограничение операционных возможностей.

Контроль над доступом к рынкам и принуждение к «дерискингу» нацелены на снижение возможностей китайских энергетических и высокотехнологичных компаний на западных рынках и сокращение зависимости от китайских производственных цепочек. Конкретными мерами являются сохранение высоких тарифных барьеров в рамках продолжающейся торговой войны со стороны США, активные антисубсидиарные расследования ЕС против ключевых секторов энергоперехода Китая (электромобили, солнечные батареи). Кроме того, поощряя свои компании перенести производства в страны, рассматриваемые как политически более безопасные, страны Запада законодательно исключают китайские технологии из субсидируемых государством проектов зеленой энергетики, даже в ущерб экономической эффективности. Это заставляет глобальные энергетические корпорации отказываться от наиболее конкурентоспособных китайских технологий и оборудования.

На сдерживание технологического развития Китая в энергетической сфере направлено ограничение доступа к ключевому оборудованию и технологиям. Запад вводит ограничения на поставки критического оборудования и компонентов для всех секторов энергетики – от традиционной энергетики до возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В традиционной энергетике вводятся ограничения на передачу технологий для освоения сложных месторождений (глубоководное бурение, оборудование

для производства СПГ), что тормозит модернизацию нефтегазового комплекса КНР. В сфере ВИЭ устанавливается жесткий контроль над «высоким переделом». Вводятся экспортные ограничения на высокопроизводительные полупроводники и оборудование для их производства (например, голландские литографические машины ASML). Поскольку эти компоненты критически важны для систем управления энергосетями, ИИ в разведке месторождений и энергоэффективных вычислений, данная блокада наносит прямой удар по будущей энергетической эффективности китайской экономики.

Финансово-инвестиционный контроль и ограничение операционных возможностей нацелены на ужесточение режима проверки прямых иностранных инвестиций через такие механизмы, как американский CFIUS (Комитет по иностранным инвестициям в США), который используется для блокирования китайских инвестиций в критические секторы экономики Запада, включая технологии энергоперехода, добычу критических минералов и ИИ для энергосистем. Механизмы вроде «потолка цен» на нефть, сопровождаемые запретами для западных сервисных компаний (страховых, логистических) работать с нарушителями, косвенно затрудняют доступ китайским компаниям к легальным глобальным услугам, вынуждая создавать параллельные системы («теневой флот», альтернативные платежные механизмы).

В рамках стратегического сдерживания Китая Запад стремится ограничить его присутствие в Арктическом регионе. В настоящее время Арктика как источник энергоресурсов и альтернативный транспортный коридор превращается в зону стратегического соперничества великих держав. Традиционные маршруты поставок несут в себе системные риски. Морские пути, такие как Малаккский пролив, находятся под влиянием активного военно-морского присутствия западных держав. Сухопутные трансконтинентальные коридоры, в свою очередь, могут быть подвержены внезапной блокировке из-за геополитической нестабильности. На этом фоне арктические маршруты, как альтернатива, приобретают стратегическую ценность. Именно поэтому Арктический регион занимает уникальное место в стратегии внешней политики Китая [5, с. 30]. Чтобы сдерживать рост влияния Китая в этом регионе, западные страны используют такие меры, как ограничение доступа к передовым технологиям и фактический запрет на

участие в чувствительных инфраструктурных проектах. Возможность расширения Китаем геополитического присутствия в Арктическом регионе систематически ограничивается в рамках более широкой политики технологического сдерживания.

Можно сделать вывод о том, что санкционная политика Запада в отношении ресурсных государств дает в целом обратный эффект: вместо изоляции она консолидирует страны, бросившие вызов западной гегемонии. Это сплочение происходит в процессе энергетической кооперации, которая становится осью для расширения торговли, технологического обмена и многосторонней дипломатии между этими странами. В результате формируется устойчивый антисанкционный альянс, который не только участвует в геополитическом противостоянии, но и придает новый импульс инициативам Глобального Юга, превращая их из декларативных платформ в практический механизм построения альтернативного миропорядка.

Стратегия Китая: превращение рисков в возможности

Китай эффективно работает в условиях ужесточения западных санкций против третьих стран. Его стратегия базируется на двух столпах: экономическом прагматизме и усилении геополитического влияния в качестве крупнейшего импортера энергоресурсов в глобальном масштабе.

Китай эффективно использует статус главного покупателя для стран, отрезанных от западных рынков, приобретая их энергоресурсы со значительным дисконтом. Санкции против стран, попавших под удар Запада, привели к тому, что эти страны вынуждены продавать нефть и газ по существенно более низкой цене, примерно на 15% ниже рыночной [6, р. 7]. Китай, неформально присоединяясь к санкциям против них, но соблюдая осторожность, стал главным бенефициаром данной ситуации. Закупки нефти и газа у этих стран – политическое решение, которое дает колоссальное экономическое преимущество. Дешевые энергоносители снижают издержки производства китайской промышленной продукции, давая ей преимущество на мировом рынке именно в тот момент, когда европейская промышленность страдает от высоких цен на энергию.

Используя благоприятную ценовую конъюнктуру, Китай ускоренными темпами заполняет свои стратегические нефтехранилища, что значительно повышает степень устойчивости его экономики на фоне геополитической турбулентности [7, р. 21]. Эти действия направлены на создание «подушки безопасности» на случай прямой морской блокады или резких колебаний цен, вызванных новыми геополитическими конфликтами на Ближнем Востоке или в Тайваньском проливе.

На фоне ужесточения противоборства между Западом и КНР приоритетными направлениями энергетической стратегии Китая стала стратегия максимальной диверсификации источников импорта энергоносителей, в том числе путем создания региональных «сообществ единой судьбы». Важным инструментом для достижения этой цели является укрепление энергетического сотрудничества со странами Глобального Юга.

Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в рамках «Одного пояса, одного пути» носит стратегический характер, причем энергетика является его ключевым направлением. Строительство трубопроводов (нефтепровод Казахстан – Китай, газопровод Центральная Азия – Китай) создает надежный сухопутный коридор для импорта центральноазиатских углеводородов, минуя критическую зависимость от контролируемых Западом морских путей. В условиях санкций эта инфраструктура превратилась в систему стратегических маршрутов, гарантирующих стабильные поставки энергоресурсов.

Углубление двустороннего энергетического сотрудничества осуществляется через многосторонние институты. Создание в 2023 г. Китайско-центральноазиатского партнерства в области энергетического развития и активизация ШОС (примерно 20% импорта углеводородов Китая в 2024 г.³) служит инструментом защиты инфраструктуры от экстерриториального давления, изоляции от прямого действия западных санкций и создания альтернативной нормативной базы. На этой основе сотрудничество охватывает также и сферу ВИЭ (проект ветроэлектростанции «Жанатас» в Казахстане

³ 2024年中国与上合组织其他成员国贸易额约5124亿美元 // 商务部 = Товарооборот Китая с другими странами-членами ШОС в 2024 г. составил приблизительно 512,4 млрд долларов США // Министерства коммерции КНР. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202508/content_7038048.htm (дата обращения: 10.12.2025).

и проект Рогунской ГЭС в Таджикистане)⁴, что создает прочную основу для реализации концепции Китайско-центральноазиатского сообщества единой судьбы и формирует пространство глубокой экономической интеграции, менее зависимое для внешнего давления.

Аналогичным образом Китай последовательно наращивает энергетическое сотрудничество в Латинской Америке, которую США традиционно рассматривают как сферу своего исключительного влияния, что еще раз было подчеркнуто в опубликованной в конце 2025 г. новой американской Стратегии национальной безопасности. Стратегический замысел Китая выходит за рамки простой диверсификации поставок и представляет собой сознательное построение геэкономической альтернативы «Доктрине Монро» в рамках институтов БРИКС и двусторонних отношений [8, с. 172]. Ключевым механизмом здесь являются масштабные инвестиции китайских госкомпаний в стратегически значимые активы, такие как глубоководные месторождения Бразилии. Подобные проекты для Китая не только обеспечивают долгосрочные поставки гарантированных объемов нефти, снижая зависимость от Ближнего Востока, но и усиливают присутствие китайских капиталов и технологий в этом регионе. Таким образом, энергетическое сотрудничество со странами Латинской Америки становится для Китая инструментом не столько коммерческим, сколько геополитическим. Предоставляя странам региона экономическую альтернативу, Китай оспаривает не просто долю рынка, а сам принцип исключительности влияния США в Западном полушарии, создавая тем самым структурные предпосылки для долгосрочного изменения баланса сил в регионе.

В рамках концепции сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) с соседними странами Китай выстраивает с ключевыми государствами Юго-Восточной Азии отношения не просто партнерские, а стратегические, основанные на взаимодополняющих экономических интересах. Приоритетом осуществления этой концепции является создание устойчивой региональной энергетической архитек-

⁴ 中能传媒能源安全新战略研究院. 共建“一带一路”绿色能源合作报告(2024) = Институт новой стратегии энергобезопасности. Аналитический доклад о сотрудничестве в сфере зеленой энергетики в рамках инициативы «Одного пояса, одного пути» (2024). URL: https://www.cnpp.com.cn/news/xwtt/202410/t20241023_1745412.html (дата обращения: 03.12.2025).

туры, где каждый участник играет отведенную ему стратегическую экономическую роль.

Мьянма в этой системе обеспечивает альтернативные сухопутные маршруты, позволяющие перенаправить критически важные потоки ближневосточной и африканской нефти в обход уязвимого Малаккского пролива. Китайско-Мьянманский нефтегазопровод представляет собой геэкономический инструмент диверсификации логистических рисков. Малайзия, в свою очередь, предоставляет обходные механизмы. Парадокс, при котором она заняла третье место среди нефтяных поставщиков Китая в 2024 г., демонстрирует, как ее географическое положение используется для создания непрозрачных цепочек поставок, позволяющих обходить западные санкции против Ирана и Венесуэлы⁵. Сингапур благодаря своим развитым финансовым институтам и правовой системе служит важной платформой для структурирования сделок и управления рисками, позволяя китайскому капиталу смягчать угрозы санкционного давления Запада на глобальном энергетическом рынке.

Китайско-африканское энергетическое сотрудничество эволюционирует под влиянием геополитической конкуренции, трансформируясь от ресурсной модели в сторону комплексных инвестиций в устойчивое развитие, совместные технологии и создание инфраструктуры будущего, что укрепляет позиции Китая как ключевого стратегического партнера Африки. В основе сотрудничества лежит стремление Китая обеспечить энергетическую безопасность за счет диверсификации поставок из стран Африки нефти, газа и критически важных минеральных ресурсов, в том числе для возобновляемой энергетики. Стремясь противостоять усилиям Запада по сдерживанию своего влияния, Китай наращивает инвестиции в стратегические секторы, предлагая африканским странам менее обременительные условия финансирования, поддержку локализации производства и передачу технологий. Конкуренция также стимулирует создание новых форматов взаимодействия, основанных на взаимодополняемости сторон, например, Китай – Африка – ЕС. Движущей силой этого процесса является рациональный расчет на снижение транзакционных издержек, минимизацию геополитических рисков и создание более предсказуемых условий для

⁵ 中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 26.11.2025).

инвестиций и торговли в ключевых секторах (инфраструктура, энергетика) [9, р. 957–968]. Такой формат стал реальной альтернативой для взаимодействия Китая и Европы в Африке, позволившей выйти за рамки простой борьбы за ресурсы, стандарты и влияние. Формат сотрудничества, где конкуренция и кооперация переплетены, может способствовать формированию более гибкой и прагматичной модели взаимодействия государств.

Энергетическое партнерство Китая и России, особенно в контексте украинского конфликта 2022 г. и последующих западных санкций, представляет собой классический случай, когда международное энергетическое сотрудничество обусловлено экономическими выгодами и геополитическими интересами. Для Китая приобретение российской нефти (свыше 20% импорта в 2024 г.)⁶ по ценам ниже рыночных решает ключевую задачу: обеспечивая стабильный доступ к энергоносителям по приемной цене, Китай укрепляет и свою энергетическую безопасность в целом (устойчивость), и свои позиции в ходе переговоров на глобальном энергетическом рынке в частности. Таким образом, КНР повышает свою макроэкономическую конкурентоспособность. В геополитическом измерении это взаимодействие является нормальным торгово-экономическим партнерством, в отличие от политики «одностороннего давления и экономического принуждения» со стороны США и их союзников. Это энергетическое взаимодействие служит символом независимого внешнеполитического курса КНР, неприятия Китаем западной гегемонии и последовательной поддержки им формирования многополярного мирового порядка.

Западные санкции, призванные ослабить оппонентов, парадоксальным образом ускорили формирование альтернативной, «незападной» энергетической архитектуры. Китай, используя изоляцию России и Ирана, не просто обеспечивает свою энергоресурсную базу, но и выстраивает прочные политические связи с ключевыми странами Глобального Юга (Бразилия, Казахстан).

Вместо подчинения правилам, сложившимся под влиянием Запада, Китай выстраивает альтернативную систему энергетического порядка. Эта новая архитектура, основанная на

⁶ 中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 26.09.2025).

двусторонних сделках, расчетах в национальных валютах и сухопутных коридорах, переносит конкуренцию из рыночной плоскости в геополитическую. В результате глобальный энергетический порядок приобретает черты многополярной структуры, состоящей из конкурирующих центров. В рамках этой новой конфигурации доступ к энергоресурсам определяется не столько ценой, сколько политической принадлежностью и устойчивостью к санкционному давлению.

Таким образом, в условиях ужесточения западных санкций международное энергетическое сотрудничество служит для Китая ключевым механизмом превращения кризиса в стратегическую возможность. Данный подход также находит отражение в новой Белой книге КНР по атомной энергетике⁷. Международное сотрудничество в энергетической сфере не только напрямую снижает эффективность западного давления, но и, создавая материальную основу для консолидации стран Глобального Юга, изменяет баланс сил в мировой политике. Для всего Глобального Юга оно стало практическим инструментом системного сдерживания гегемонии Запада и отстаивания модели суверенного развития.

Заключение

Энергетическое сотрудничество Китая со странами Глобального Юга в условиях противостояния с Западом приобретает геополитический характер. Жесткие ограничительные меры стран Запада, направленные на изоляцию недружественных режимов и сдерживание Китая, стимулируют пересмотр архитектуры международного сотрудничества и создание альтернативных институциональных форматов.

Международное энергетическое сотрудничество Китая со странами Глобального Юга, включая инвестиции в нефтегазовую инфраструктуру, масштабный экспорт технологий ВИЭ и локализацию производства компонентов (солнечных панелей, аккумуляторов), способствует созданию устойчивых к санкциям институтов и формированию глубоко интегрированного экономического пространства.

⁷ 《新时代的中国军控、裁军与防扩散》白皮书. 国务院 = Белая книга «Контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение оружия в Китае в новую эпоху» // Госсовет КНР. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202511/t20251127_940277.html (дата обращения: 28.11.2025).

Это позволяет Китаю не только обеспечивать энергетическую безопасность, но и расширять свое геополитическое влияние.

Сотрудничество, реализующееся в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и концепции сообщества единой судьбы человечества, формирует иное видение глобального управления, основанное на принципах, отличных от либеральных. Предлагая альтернативные модели финансирования инвестиционных проектов без политических условий, Китай консолидирует страны Глобального Юга вокруг принципа коллективного суверенитета против одностороннего принуждения. Энергетические контракты становятся здесь материальной основой для формирования новых, устойчивых к санкциям контуров взаимодействия стран, чьи интересы институционализируются в рамках БРИКС+ и других структур Глобального Юга. В то же время при помощи экспорта технологий зеленой энергетики Китай не только осваивает новые рынки, но и продвигает альтернативную климатическую повестку. Это оспаривает монополию Запада на определение стандартов устойчивого развития и размывает нормативную основу для потенциальных климатических санкций.

Таким образом, международное энергетическое сотрудничество Китая служит важным инструментом формирования устойчивой к санкциям, многополярной архитектуры энергетического сотрудничества посредством экономической интеграции стран Глобального Юга. Эта архитектура материализуется через создание инфраструктуры поставок энергоносителей, формирование институтов вне западного контроля и продвижение собственных технологических стандартов, что позволяет перестраивать правила глобального взаимодействия независимо от стран Запада и закрепляет за Китаем роль координирующего центра для стран Глобального Юга в условиях санкционного противостояния.

Список литературы

1. 李德杰. 体系的羁绊: 亚太小多边安全合作的互动逻辑 [J]. 国际展望, 2024, 16(02): 121-140. = Ли Дэцзе. Оковы системы: интерактивная логика субрегионального сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международный обзор. 2024. Т. 16, № 2. С. 121–140. <http://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202402007>
2. Киселев С. Г., Опокин А. Б. История повторяется? Новая геополитическая блочная структура создается в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2 (847). С. 43–37. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_2_847_43, EDN: VXACGY
3. Braveboy-Wagner J. A. Diplomatic Strategies of Rising Nations in the Global South: The Search for Leadership and Influence. New York : Palgrave Macmillan, 2024. 478 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-52629-9>
4. Рукавицын П. М. Современные китайско-германские отношения как отражение кризиса трансатлантического единства в противостоянии стран Запада и КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 24–32. EDN: QRNZNT
5. Магомедов А. К. Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 26–34. EDN: QOSIXE
6. Miller C., Kumleben N., Nowak C. Sanctions on Russia and the Splintering of the World Oil Market. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep57759> (дата обращения: 28.11.2025).
7. 袁惊柱. 国家储备体系的现状、主要问题与完善建议. 供应链管理, 2025, 6(04): 19-26. = Юань Цзинчжу. Современное состояние системы государственного резервирования, ключевые проблемы и предложения по ее совершенствованию // Управление цепями поставок. 2025. Т. 6, № 4. С. 19–26. <https://doi.org/10.19868/j.cnki.gylgl.2025.04.002>
8. Каткова Е. Ю., Еремин А. А. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. № 2. С. 164–188. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-07>, EDN: LTFJLZ
9. Baxter T. EU-China-Africa Trilateral Development Cooperation: New Areas of Convergence amid Increasing Rivalry // The Palgrave Handbook on China-Europe-Africa Relations / eds. Y. Li, F. J. B. S. Leandro, J. Tavares da Silva, C. Rodrigues. Singapore : Palgrave Macmillan, 2024. P. 957–971. https://doi.org/10.1007/978-981-97-5640-7_47

Поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 20.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 231–237

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 231–237

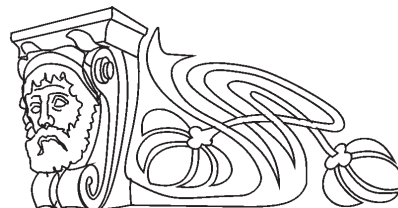
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-231-237>, EDN: UEUWNO

Научная статья

УДК 327

Глобальный Юг – Глобальный Восток: точки соприкосновения, линии разделения

Г. А. Шкелёв

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

Шкелёв Георгий Александрович, аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности, Jorge25@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7143-5570>

Аннотация. В статье анализируются ключевые характеристики Глобального Юга и Глобального Востока, их роль в трансформации системы международных отношений. Особое внимание уделяется общим чертам, проявляющимся в стремлении к укреплению политического суверенитета, диверсификации внешнеэкономических связей, расширению участия в глобальных институтах управления и продвижению принципов равноправия, справедливости и невмешательства во внутренние дела государств. В то же время выделяются значимые линии разделения, которые обусловлены конкуренцией за региональное и глобальное лидерство, различиями в социально-экономическом развитии, противоречиями национальных интересов, подходами к институционализации альтернативных центров силы. Для стран Глобального Юга характерно стремление к преодолению неравенства, зависимости от бывших метрополий и интеграции в мировую экономику на более справедливых условиях, в то время как Глобальный Восток акцентирует внимание на укреплении цивилизационной идентичности, развитии научно-технологического потенциала и институциональной самодостаточности. Проведенный анализ демонстрирует, что категории «Глобальный Юг» и «Глобальный Восток» формировались под воздействием разных исторических факторов и имеют отличающиеся особенности развития, что обосновывает необходимость их отдельного изучения. Вместе с тем выявленные точки соприкосновения и общие тенденции реагирования на глобальные вызовы позволяют рассматривать их во взаимосвязи. Такой подход обеспечивает более целостное понимание их места и роли в современных процессах трансформации мирового порядка.

Ключевые слова: Глобальный Юг, Глобальный Восток, категория, мировой порядок, регион, политическая субъектность, глобализация

Для цитирования: Шкелёв Г. А. Глобальный Юг – Глобальный Восток: точки соприкосновения, линии разделения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 231–237. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-231-237>, EDN: UEUWNO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Global South and the Global East: Points of convergence and lines of division

G. A. Shkelev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, bldg. 1 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russia

Georgy A. Shkelev, Jorge25@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7143-5570>

Abstract. The article examines the key characteristics of the Global South and the Global East and their respective roles in transforming the international relations system. Particular emphasis is placed on the common tendencies manifested in their pursuit of political sovereignty, diversification of external economic relations, expansion of participation in global governance institutions, and advancement of the principles of equality, justice, and non-interference in the internal affairs of states. At the same time, the study identifies significant lines of division arising from competition for regional and global leadership, differences in socio-economic development, contradictions in national interests, and various approaches to the institutionalization of alternative power centers. The countries of the Global South are characterized by their aspiration to overcome inequality, reduce dependence on former metropolises, and integrate into the global economy on more equitable terms. While the Global East focuses on strengthening civilizational identity, developing scientific and technological potential, and achieving institutional self-sufficiency. The analysis demonstrates that the categories “Global South” and “Global East” were shaped by different historical factors and display distinct developmental features, which justifies studying them separately. At the same time, the identified points of convergence and shared patterns of response to global challenges allow for their examination in conjunction. This approach provides a more comprehensive understanding of their place and role in the ongoing transformation of the international order.

Keywords: Global South, Global East, category, international order, region, political agency, globalization

For citation: Shkelev G. A. The Global South and the Global East: Points of convergence and lines of division. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 231–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-231-237>, EDN: UEUWNO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной отечественной и зарубежной научной литературе все более распространенным становится сопоставление категорий «Глобальный Юг» и «Глобальный Восток», что способствует более глубокому пониманию динамики современной мировой системы и позволяет выявить потенциал для формирования новых форм сотрудничества, выходящих за рамки сложившихся геополитических и идеологических схем.

В ходе выступления на инвестиционном форуме ВТБ «Россия зовет!» Президент Российской Федерации В. Путин подчеркнул, что трансформация внешнеполитической стратегии России в направлении взаимодействия с государствами Глобального Юга и Востока не является следствием событий последних лет, а представляет собой поступательный процесс, начавшийся еще в 2000-е гг. По словам российского лидера, обращение к данным направлениям внешнеполитического и внешнеэкономического развития обусловлено долгосрочными тенденциями мировой экономики и осуществляется последовательно и поэтапно [1].

Глобальные трансформации международных отношений последних десятилетий обусловили радикальное переосмысление структуры мировой системы, в центре которого оказалось понятие «Глобальный Юг». Впервые концепт «Глобального Юга» был введен в научно-политический оборот общественным деятелем К. Огльсби в 1969 г. на страницах либерального издания «Содружество» [2]. Как отмечают Н. Давос и Р. Коннелл, он соотносится с понятийным рядом, включающим такие категории, как «Третий мир» и «периферия», традиционно используемые для обозначения пространств за пределами Европы и Северной Америки, преимущественно (хотя и не исключительно) с относительно низкими показателями социально-экономического развития и характеризующихся положением политической и культурной периферийности по отношению к индустриально развитым странам [3].

Как констатирует Д. Данилов: «Юг – это не всегда те страны, которые находятся на юге, как ни парадоксально. Глобальный Юг – это не географическая территория» [4].

Современные исследователи отмечают, что Глобальный Юг как совокупность стран рассматривается не только с экономической точки зрения, но и как социально-политическая модель, отражающая стремление

к формированию собственной идентичности и альтернативных путей развития [5].

В основе характеристики стран Глобального Юга лежат следующие критерии:

- низкий и средний уровень дохода;
- экспортно-сырьевая модель экономики;
- зависимость от внешних источников капитала и технологий;
- демографический рост и наличие «молодого» населения;
- политико-экономическая уязвимость в системе мировой экономики и др.

Страны Глобального Юга не обладают строго закрепленными географическими или экономическими границами, вместе с тем они отражают становление многополярной системы международных отношений, противостоящей традиционной гегемонии США и стран Запада.

Понятие «Глобальный Восток» – менее устоявшееся в академическом дискурсе. Термин «Глобальный Восток» был предложен М. Мюллером в конце 2010-х гг. и описывает постсоциалистические общества, не вписывающиеся в дихотомию Север – Юг. В отличие от Глобального Юга, который уже прочно закрепился в научной практике, для Глобального Востока ключевым является феномен «двойной маргинализации»: его либо не замечают, либо рассматривают как периферию Севера, либо приравнивают к «несовершенному» Югу. Понятие «Глобальный Восток» автор объясняет как «невидимую зону», которая не имеет четкой географической локализации и может существовать где угодно [6].

М. Тлостанова отмечает, что постсоветский опыт не поддается описанию в привычных категориях: его нельзя отнести ни к постколониальному миру, ни к Глобальному Северу. Из-за этого он не вписывается в существующие аналитические рамки и оказывается маргинализированным. Тем самым подчеркивается, что постсоветские общества занимают особую, промежуточную позицию, которая позже станет описываться через термин «Глобальный Восток». Под понятием «Глобальный Восток» автор понимает не просто географическое пространство, а социально-политическую и культурную конструкцию, которая формируется в контексте глобализации [7, с. 135].

Несмотря на то, что оба понятия возникли относительно недавно, они опираются на более старые концепты – «Третий мир» (в случае «Глобального Юга») и «Восточный блок» (в случае «Глобального Востока»).

К Глобальному Востоку в научной литературе, как правило, относят государства Восточной и Юго-Восточной Азии, а также страны постсоветского пространства, обладающие значительным демографическим, ресурсным и промышленным потенциалом.

Глобальный Восток характеризуется рядом особенностей:

- высокой динамикой экономического роста (Китай, Индия, Вьетнам, Индонезия и др.);
- наличием собственных центров инноваций и технологий;
- значительной ролью в международных производственных цепочках;
- стремлением к финансовой и валютной автономии (юань, рупия, донг, региональные платежные системы);
- усилением геополитического влияния в рамках многополярного мира и др.

Линии разделения

У стран Глобального Юга и Глобального Востока выявляются существенные различия, ключевым из которых выступает специфика их исторического опыта и условий включения в мировую систему. Истоки Глобального Юга уходят в эпоху колониализма XV–XIX вв., когда значительная часть Латинской Америки, Африки и Азии оказалась под политическим и экономическим контролем европейских держав, что обусловило асимметричный характер их интеграции в мировую экономику, ориентацию на экспорт сырья и ограниченные возможности институционального развития.

Напротив, страны Глобального Востока не были колониями в классическом понимании, в ряде случаев развивались в рамках альтернативной системы – социализма, основанного на плановой экономике, коллективной собственности и централизованном управлении, в условиях более высокой степени политического суверенитета, что способствовало формированию собственной производственной инфраструктуры и более устойчивых государственных институтов. Глобальный Юг мобилизуется вокруг исторической идеи антиколониальной солидарности, а Глобальный Восток остается разделенным из-за противоречий постсоциалистической идентичности. В то время как Юг стремится создавать общие экономические и политические платформы, Восток продолжает находиться в состоянии поисков и конкурирующих интеграционных проектов.

Эти различия в исторических траекториях предопределили неоднородность современных

моделей социально-экономического развития, а также различия в политических режимах и стратегиях внешнеполитического поведения. В то время как государства Глобального Юга в большей степени сталкиваются с проблемами структурной зависимости и неравного обмена, страны Глобального Востока демонстрируют более высокий потенциал самостоятельного участия в формировании региональных и глобальных процессов. Таким образом, исторические особенности становления данных групп стран продолжают оказывать определяющее влияние на их текущее положение в мировом порядке и характер их взаимодействия с ключевыми акторами международной системы.

Глобальный Юг в XXI в. остается наиболее уязвимым сегментом мировой экономики. Колебания мировых цен на сырье напрямую отражаются на бюджетных и валютных балансах большинства стран региона. Долговая нагрузка ограничивает возможности для долгосрочных инвестиций в инфраструктуру и технологическое развитие.

С. Амин, развивая теорию зависимости, отмечал, что страны периферии находятся в состоянии «структурной подчиненности», где воспроизводится асимметрия обмена, а мировая экономика функционирует таким образом, что центры обеспечивают себе накопление за счет постоянной сверхэксплуатации периферии. По мнению ученого, единственным выходом для стран Юга становится «отвязка» от глобальной системы и построение собственной индустриальной базы [8, с. 59–60].

Глобальный Восток, напротив, демонстрирует способность не только адаптироваться к изменениям глобальной конъюнктуры, но и активно ее формировать. Примером служит Китай, который выступает ведущим мировым экспортером промышленной продукции и одновременно ключевым источником прямых иностранных инвестиций.

Д. Арриги, анализируя системные циклы накопления капитала (Генуя, Голландия, Великобритания, США), прогнозирует смещение центра в Восточную Азию [9, с. 355–356]. Е. Балацкий говорит о том, что на современном этапе мировое сообщество оказалось на стадии трансформации: позиции США как традиционного центра накопления капитала ослабевают, в результате чего может появиться новый мировой экономический центр. Автор акцентирует внимание на том, что, как это ни парадоксаль-

но, но Россия в силу наличия у нее огромной территории всегда будет центром притяжения мировых капиталов [10, с. 16, 26].

По степени экономической интеграции многие государства Востока глубже интегрированы в глобальные рынки, чем большинство стран Юга, что отражается на их политических приоритетах [6].

Различия между Глобальным Югом и Глобальным Востоком по степени их экономической интеграции могут быть проанализированы по трем основным критериям.

Во-первых, существенным параметром выступает уровень экономической автономии: в то время как страны Глобального Юга в значительной степени сохраняют зависимое положение в мировой экономике, государства Глобального Востока демонстрируют возрастающую способность к выработке собственных правил и механизмов экономического взаимодействия.

Во-вторых, различия проявляются в характере включенности в глобальные цепочки создания стоимости: для стран Глобального Юга преимущественно характерно участие в сырьевых сегментах, тогда как страны Глобального Востока в большей степени представлены в промышленно-технологических звеньях.

В-третьих, значимым фактором является уровень развития региональных интеграционных структур: если в странах Глобального Юга такие объединения часто носят декларативный и ограниченно функциональный характер, то Глобальный Восток располагает более институционально оформленными и перспективными форматами регионального взаимодействия.

Различия в характере политической субъектности стран Глобального Юга и Глобального Востока носят системный характер и проявляются на различных уровнях от особенностей исторического развития до конкретных форм внешнеполитической деятельности.

Прежде всего, данные различия связаны с источниками формирования политической субъектности. Для стран Глобального Юга она во многом обусловлена опытом колониальной зависимости и последующей борьбы за политическую самостоятельность, опирается на коллективную историческую память и утверждение права на суверенное развитие. Соответствующие принципы нашли институциональное и нормативное выражение в Декларации Движения неприсоединения, в которой подчеркивается необходимость формирования нового

мирового порядка, основанного на принципах международного сотрудничества, равенства, свободы и социальной справедливости¹.

Глобальный Восток, напротив, исходит не из антиколониального опыта, а из постсоциалистической трансформации и пограничного положения между крупными центрами силы. По мнению И. Кисленко, «имея ряд атрибутов, свойственных и Северу, и Югу, Глобальный Восток становится объектом двойного исключения из привилегированного Глобального Севера и из маргинализованного Глобального Юга» [11].

В случае Глобального Юга политическая субъектность носит преимущественно коллективный характер. Она артикулируется через институционализированные объединения, такие как Движение неприсоединения, «Группа 77», Африканский союз, через участие в форматах Юг – Юг и многосторонних коалициях, включая БРИКС. Субъектность здесь направлена на пересмотр правил глобального порядка.

Наглядным примером является Альянс Боливарианских государств Америки (АЛБА), представляющий собой уникальную интеграционную модель, ориентированную на альтернативные формы экономического и политического развития. Хотя экономический вес АЛБА невелик, Альянс несет важный геополитический символизм: для стран-участниц это способ заявить о другом пути интеграции, об укреплении связей с Глобальным Югом и об отказе от односторонней ориентации на США. В своих заявлениях он делает акцент на укреплении государственного суверенитета, недопустимости внешнего вмешательства, необходимости равноправного сотрудничества, требовании реформ международных организаций².

Как отмечает Ф. Кабуб, Глобальный Юг обладает потенциалом для консолидации и выстраивания единого фронта, основанного на твердой приверженности коллективным действиям в таких сферах, как урегулирование долговых вопросов, финансирование экологических проектов, реформирование глобальной финансовой архитектуры, а также обеспечение справедливого доступа к стратегическим

¹ Декларация глав государств или правительств неприсоединившихся стран (Белград, 5 сентября 1961 г.). URL: <https://helpiks.org/7-40271.html> (дата обращения: 27.08.2025).

² ALBA-TCP: A Shield for the Peace and Sovereignty of Our America. URL: <https://en.granma.cu/mundo/2025-08-21/alba-tcp-a-shield-for-the-peace-and-sovereignty-of-our-america> (дата обращения: 18.11.2025).

минеральным ресурсам, находящимся под суверенным контролем южных государств. Эти ресурсы целесообразно направлять на развитие индустриальной политики в формате сотрудничества по линии Юг – Юг, а не сводить их использование к простому экспорту сырья в интересах поддержания экономической гегемонии Глобального Севера [12].

Глобальный Восток включается во внешние структуры через принадлежность к определенным интеграционным блокам: ЕС, НАТО, с одной стороны, или ЕАЭС и ШОС – с другой.

Для стран Глобального Юга характерна инициатива «снизу»: пережитый опыт колониального подчинения формирует солидарность и стремление самостоятельно определять условия включения в мировую систему.

Для Глобального Востока инициатива чаще формируется «сверху» и «извне» – посредством институциональных норм, внешнеполитических ориентиров и альтернативных интеграционных проектов.

Современное понимание Глобального Юга связано не только с экономическими характеристиками (низкий уровень дохода, сырьевая ориентация экспорта и т.д.), но и с политической субъектностью, стремлением этих стран выработать собственные модели развития и повысить роль в мировой экономике.

Специфика стран Глобального Востока состоит в том, что, в отличие от Юга, он представлен как странами полупериферии, так и новыми центрами силы (например, Китай, Индия). Восток сочетает в себе признаки догоняющего развития и уже достигнутого уровня технологической конкурентоспособности, что позволяет ему играть роль активного интегратора для стран Юга. В этом смысле он является своеобразным «мостом» между Севером и Югом, но с явной тенденцией к формированию самостоятельного полюса развития.

Точки соприкосновения

Несмотря на различие исторического опыта и геополитического положения, Глобальный Юг и Глобальный Восток демонстрируют заметное сходство в ряде ключевых направлений.

Современные процессы глобализации и формирование новых центров силы способствуют их сближению. Так, в рамках БРИКС, ШОС и других форматов многостороннего сотрудничества Глобальный Юг и Глобальный Восток начинают взаимодействовать и формировать новые механизмы партнерства.

Если Юг претендует на роль «голоса большинства», то Восток позиционирует себя как альтернативный центр силы и проводник модернизации. В совокупности это задает новые контуры мировой системы, в которой региональные идентичности выходят за рамки традиционного деления на Север и Юг, открывая возможности для формирования многополярного мира.

В политической сфере обе группы стран активно выступают за реформирование глобальных институтов, включая ООН, МВФ, ВТО, с целью ограничения структурного доминирования США и стран Запада. При этом в их политических декларациях подчеркивается важность многополярности, равноправия государств и невмешательства во внутренние дела, что придает дополнительную политико-экономическую прочность складывающимся связям.

По словам главы МИД России С. Лаврова, страны Глобального Юга и Востока рассматривают многополярность как возможность для независимого развития, позволяющую избежать неокOLONIALной политики западных государств [13].

В экономической сфере государства Глобального Юга и Глобального Востока выстраивают систему взаимодействий, основанную на взаимодополняемости и стремлении к снижению зависимости от традиционного западного центра силы.

Министр экономического развития Российской Федерации М. Решетников отметил: «14 из 25 крупнейших экономик мира по паритету покупательной способности – это как раз уже экономики Глобального Юга и Востока. Темпы роста в 2,5–3 раза выше экономических показателей Запада»³.

Ключевым направлением сближения является совместный интерес к изменению правил мировой торговли и финансов. Инициативы по созданию альтернативных институтов – таких как Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций – демонстрируют готовность к формированию многоуровневой системы, где финансовая поддержка и инвестиции распределяются с учетом интересов развивающихся экономик.

Одной из ключевых сфер международного экономического взаимодействия является

³ Глобальный Юг и Восток: кто возглавит новую экономику роста // Восточный экономический форум. 4 сентября 2025 г. URL: <https://forumvostok.ru/news/globalnyj-jug-i-vostok-kto-vozglavit-novuju-ekonomiku-rosta/> (дата обращения: 18.11.2025).

ресурсно-сырьевой обмен. Государства Латинской Америки и Африки, обладающие значительным природно-ресурсным потенциалом, демонстрируют устойчивую ориентацию на сотрудничество с Китаем, Индией и другими восточными экономиками, испытывающими возрастающую потребность в энергетических и сырьевых ресурсах. В свою очередь, страны Востока выступают источником технологий и инвестиционных ресурсов, способствуя углублению включенности государств Юга в глобальные производственно-сбытовые цепочки.

Логистический аспект взаимодействия стал важным инструментом стратегического партнерства. Масштабные проекты транспортных коридоров, реализуемые в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», соединяют рынки и создают основу для долгосрочной экономической интеграции. Для государств Юга это означает доступ к инвестициям и новым логистическим маршрутам, для Востока – расширение присутствия на быстрорастущих рынках.

Энергетическая сфера также служит площадкой для взаимного укрепления позиций. Восток заинтересован в долгосрочных поставках нефти, газа и урана, а Юг получает доступ к современным технологиям генерации и распределения энергии. В этом направлении накапливается опыт двусторонних проектов в атомной и возобновляемой энергетике, что способствует диверсификации энергетических балансов.

Особое значение имеет технологическое сотрудничество. Восточные экономики, обладающие компетенциями в сфере электроники, телекоммуникаций и цифровых решений, становятся поставщиками промышленных инноваций, тогда как южные страны выступают не только рынками сбыта, но и площадками для сборочных производств. Такая комбинация ускоряет модернизацию Юга и одновременно укрепляет позиции Востока.

Значимый пласт взаимодействия формируется благодаря миграции. Трудовые ресурсы из стран Юга востребованы в восточных экономиках, особенно в строительстве, промышленности и сфере услуг. Денежные переводы мигрантов усиливают финансовую устойчивость их стран происхождения и формируют своеобразный мост между регионами [14].

Взаимодействие Глобального Юга и Глобального Востока в гуманитарной сфере выражается в активизации академической

мобильности, развитии культурных обменов и образовательных инициатив. Согласно оценкам исследователей, подобные практики формируют новые траектории глобализации, в которых центральное место занимает признание ценности культурного разнообразия вместо стандартизирующих моделей [15].

Глобальный Юг и Глобальный Восток находят точки соприкосновения в дипломатической сфере, взаимодействуя в рамках международных платформ, альтернативных традиционным западным альянсам, включая Движение неприсоединения и «Группу 77». Подобные структуры, как отмечает М. Миньоло, становятся ключевыми каналами выработки согласованных позиций в отношении устойчивого развития, реформирования мировой финансовой системы и климатической политики [16, с. 54–56].

Для государств, традиционно относимых к Глобальному Югу и к Глобальному Востоку, становится характерной ориентация на укрепление связей с Россией, что отражает стремление к диверсификации внешнеполитических и экономических векторов, а также к снижению зависимости от традиционных центров силы. Заместитель секретаря Совета безопасности России А. Венедиктов отметил, что страны Глобального Юга и Востока стремятся расширять взаимодействие с Россией, несмотря на давление, оказываемое на них западными странами [17].

Вместе с тем исследование текущего состояния и направлений развития стран Глобального Юга и Глобального Востока характеризуется наличием ряда проблемных аспектов.

Во-первых, сохраняется недостаточная определенность границ, что выражается в отсутствии единого подхода к перечню государств и регионов, включаемых в их состав.

Во-вторых, в ряде стран продолжают сказываться последствия незавершенных социально-экономических и политических преобразований, что проявляется в институциональной нестабильности, уязвимости экономических моделей и ограниченной предсказуемости развития.

В-третьих, несмотря на вовлеченность в глобальные экономические процессы, в ряде стран сохраняется высокая степень зависимости от внешних рынков, сырьевой специализации и импорта технологий, что существенно сдерживает формирование устойчивых моделей социально-экономического развития.

В-четвертых, внешнеполитическое поведение государств данных групп нередко характеризуется изменчивостью стратегических ориентиров, обусловленной поиском оптимального баланса во взаимодействии с различными центрами силы в условиях трансформации международной системы.

В совокупности перечисленные факторы указывают на сложный и неоднородный характер развития стран Глобального Юга и Глобального Востока, что требует применения дифференцированного аналитического подхода, учитывающего как внешние и внутренние ограничения, так и специфику социально-экономического и политического развития.

Таким образом, сходства и различия государств Глобального Юга и Глобального Востока формируют предпосылки для развития долгосрочного межрегионального взаимодействия, способного оказывать влияние на трансформацию современной системы международных отношений. В условиях перераспределения центров политического и экономического влияния на глобальном уровне можно констатировать усиление роли данных групп государств в многосторонних форматах сотрудничества и международных институтах. При этом характер и глубина такого взаимодействия в значительной степени определяются внутренними социально-экономическими условиями, особенностями институциональной среды, а также динамикой глобальной политической конъюнктуры соответствующих стран. В данном контексте анализ взаимодействия Глобального Юга и Глобального Востока представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований.

Список литературы

- Путин: Разворот РФ к глобальному Югу и Востоку происходит постепенно с 2000-х. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49209> (дата обращения: 07.08.2025).
- Oglesby C. Vietnamism has failed ... The revolution can only be mauled, not defeated // *Commonweal*. 1969. № 90. P. 11–12.
- Dados N., Connell R. The Global South // *Contexts*. 2012. Vol. 11, № 1. P. 12–13. <https://doi.org/10.1177/1536504212436479>
- Давыдов Д. Страны Глобального Юга и Севера: почему список их сегодня определить трудно, и где место России. URL: <https://top-rf.ru/places/555-strany.html> (дата обращения: 01.12.2025).
- Prys-Hansen M. The Global South: A Problematic Term. URL: <https://ip-quarterly.com/en/global-south-problematic-term> (дата обращения: 05.09.2025).
- Мюллер М. Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19, № 3. С. 19–43. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-19-43>, EDN: XPOORI
- Tlostanova M. Postsocialist ≠ postcolonial? On post-Soviet imaginary and global coloniality // *Journal of Postcolonial Writing*. 2012. Vol. 48, iss. 2. P. 130–142. <https://doi.org/10.1080/17449855.2012.658244>, EDN: PDMZFT
- Amin S. Unequal development: An essay on the social formations of peripheral capitalism / transl. by B. Pearce. New York ; London : Monthly Review Press, 1976. 440 p.
- Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London : Verso, 1994. 400 p.
- Балацкий Е. В. Предпосылки глобальной геополитической инверсии // *Terra Economicus*. 2014. Т. 12, № 3. С. 15–28.
- Кисленко И. Ю. Глобальный Восток и субалтерн-империя на сломе миров. URL: <https://telegra.ph/Globalnyj-Vostok-i-subaltern-imperiya-na-slome-mirov-06-06> (дата обращения: 27.08.2025).
- Кабуб Ф. Декolonизация глобальной экономической архитектуры: предпосылки справедливого перехода. URL: <https://katehon.com/ru/article/dekolonizaciya-globalnoy-ekonomicheskoy-arhitektury-predposylka-spravedlivogo-perehoda> (дата обращения: 27.08.2025).
- Лавров: Запад неоднозначно воспринимает укрепление многополярности в мире. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6389879/> (дата обращения: 29.08.2025).
- Шушков Ю. В. Вызовы и перспективы глобальных миграций // *Международные процессы*. 2011. Т. 9, № 3 (27). С. 4–17. EDN: OPAUMD
- Intaby M. Redefining leadership in humanitarian action between Global North and Global South. URL: <https://odihpn.org/en/publication/redefining-leadership-in-humanitarian-action-between-global-north-and-global-south/> (дата обращения: 01.09.2025).
- Mignolo W. D. The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options. Durham : Duke University Press, 2011. 408 p. <https://doi.org/10.1215/9780822394501>
- Венедиктов: Глобальный Юг и Восток стремятся расширить взаимодействие с Россией. URL: <https://ria.ru/20250606/bezopasnost-2021230395.html> (дата обращения: 29.08.2025).

Поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 20.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 238–245

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 238–245

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-238-245>, EDN: XMWAUT

Научная статья

УДК 323

Стратегия национальной безопасности как ключевой документ в реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

В. О. Щукин

Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Свердловская область, 620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51

Щукин Вадим Олегович, аспирант кафедры политических наук, vadim.shukin2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3771-1246>

Аннотация. Статья посвящена детальному исследованию роли Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, рассмотрению ее как центрального инструмента реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Основное внимание сосредоточено на структуре, функциях и механизмах реализации рассматриваемого акта, а также на влиянии данного документа на постановку и решение задач в указанной сфере. Исследование подчеркивает значимость регулярного обновления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, поскольку именно она формирует основу принятия государственных решений, обеспечивая согласованность действий всех участников процесса обеспечения национальной безопасности. Проводится детальный анализ официального текста последней редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, выделены ключевые изменения и нововведения, внесенные в правовой акт. Проведенный анализ позволяет выявить актуальные приоритеты и направления государственной политики в обеспечении национальной безопасности. В том числе проводится исследование на предмет определения исторических этапов становления Стратегии национальной безопасности РФ, отмечаются отличия актуальной редакции документа с редакцией до 2020 г. Исследование подчеркивает значимость регулярного обновления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, поскольку именно она формирует основу принятия решений для Правительства России, федеральных и региональных органов исполнительной власти, гражданского общества, обеспечивая согласованность действий всех участников процесса обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, стратегическое планирование, Совет безопасности Российской Федерации, государство, информатизация, гражданское общество

Для цитирования: Щукин В. О. Стратегия национальной безопасности как ключевой документ в реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 238–245. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-238-245>, EDN: XMWAUT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The national security strategy as a key document in the implementation of state policy to ensure national security of the Russian Federation

V. O. Shchukin

Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 51 Lenina St., Ekaterinburg 620000, Sverdlovsk region, Russia

Vadim O. Shchukin, vadim.shukin2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3771-1246>

Abstract. The article is devoted to a detailed study of the role of the National Security Strategy of the Russian Federation, considering it as a central tool for the implementation of state policy in the field of national security. The main focus is on the structure, functions, and mechanisms for implementing the National Security Strategy of the Russian Federation, as well as the impact of this document on setting and solving tasks in this area. The study highlights the importance of regularly updating the National Security Strategy of the Russian Federation, as it forms the basis for government decision-making, ensuring consistency of actions of all participants in the process of ensuring national security. The author conducts a detailed analysis of the official text of the latest version of the National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree No. 400 of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, highlighting the key changes and innovations introduced into the legal act. This analysis allows us to identify current priorities and directions of state policy in ensuring national security. This includes a study to determine the historical stages of the development of the National Security Strategy of the Russian Federation and identify differences

between the current version of the document and the version issued before 2020. The study emphasizes the importance of regularly updating the National Security Strategy of the Russian Federation, as it forms the basis for decision-making for the Government of the Russian Federation, federal and regional executive bodies, and civil society, ensuring the coordination of actions by all participants in the national security process. **Keywords:** National security strategy of the Russian Federation, strategic planning, Security Council of the Russian Federation, state, informatization, civil society

For citation: Shchukin V. O. The national security strategy as a key document in the implementation of state policy to ensure national security of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 238–245 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-238-245>, EDN: XMWAUT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На протяжении последних десятилетий вопросы национальной безопасности занимают центральное место в политике большинства государств мира. Для Российской Федерации эта тема особенно актуальна ввиду геополитической обстановки, особенностей исторического опыта и необходимости поддержания стабильного развития в условиях глобализации и усиления международных вызовов. Важнейшим инструментом регулирования вопросов национальной безопасности выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия), которая представляет собой официальный документ стратегического планирования, определяющий ключевые аспекты обеспечения безопасности государства и общества.

Современное государство представляет собой сложную систему, функционирование которой обусловлено необходимостью постоянного реагирования на внешние и внутренние угрозы, возникающие в условиях глобализации, усиления конкуренции на международной арене и возрастания числа факторов неопределенности. Одной из важнейших функций государства является обеспечение национальной безопасности, включающей комплекс мер, направленных на защиту жизненно важных интересов граждан, общества и государства от угроз различного характера.

Документирование стратегических целей и приоритетов в области обеспечения национальной безопасности играет ключевую роль в эффективном управлении государством. Среди документов подобного рода особое значение имеет стратегия национальной безопасности, которая представляет собой основополагающий акт, определяющий долгосрочные цели и направления развития государства в сфере безопасности. Данный документ служит инструментом интеграции усилий всех государственных органов

и институтов гражданского общества, обеспечивая координацию действий и распределение ресурсов для достижения поставленных целей.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании роли Стратегии национальной безопасности Российской Федерации как ключевого документа, направленного на реализацию государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Для достижения поставленной цели будут рассмотрены теоретико-методологические основы разработки и реализации Стратегии, проанализированы современные подходы к определению ключевых направлений обеспечения национальной безопасности, а также изучены механизмы координации действий органов власти и институтов гражданского общества в рамках реализации положений стратегии.

Таким образом, исследование направлено на углубленное понимание сущности и значения Стратегии национальной безопасности как инструмента управления процессами обеспечения безопасности государства, позволяющего эффективно реагировать на вызовы современного мира и обеспечивать устойчивое развитие Российской Федерации в условиях сложной геополитической обстановки.

Нормативные правовые основы национальной безопасности Российской Федерации

Стратегическое планирование представляет собой механизм управления, направленный на достижение целей общегосударственного уровня посредством реализации документов стратегического планирования, содержащих приоритетные цели, прогнозирование и планирование социально-экономического развития Российской Федерации.

Стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании

в Российской Федерации» (далее – Закон № 172-ФЗ)¹. Он определяет правовую основу для реализации стратегического планирования в Российской Федерации, обеспечивая координацию процесса государственного стратегического управления. Закон закрепляет полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, регламентируя порядок их взаимодействия с представителями общественности, научных и иных организаций в рамках реализации мероприятий в области стратегического планирования.

В 2015–2017 гг. была сформирована нормативная правовая база, являющаяся основой для реализации процессов стратегического планирования и управления, в соответствии с которой осуществляется мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования.

Нормативное правовое регулирование стратегического планирования постоянно совершенствуется, в том числе в части положений организации проектной деятельности, цифровизации процессов, оценки сбалансированности системы стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, показателям, финансовым и иным ресурсам на федеральном, региональном и муниципальном уровнях².

Согласно ст. 17 Закона № 172-ФЗ обеспечение национальной безопасности представляет собой комплекс мероприятий, направленных на защиту государственных интересов, сохранение территориальной целостности, поддержание общественного порядка и развитие государства в условиях внутренней и внешней стабильности. Ключевую роль в данном процессе играют нормативные правовые акты, регулирующие деятельность органов власти и структур, обеспечивающих национальную безопасность.

Документы, регламентирующие обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, включая их содержание, процедуру разработки, проведение независимой экспертизы и внесения изменений, устанавливаются

Президентом РФ. Это позволяет обеспечить централизованное управление процессами формирования Стратегии национальной безопасности и гарантировать согласованность действий государственных органов и ведомств в указанной области.

Совет безопасности Российской Федерации выступает инициатором предложений относительно утверждения или одобрения ключевых документов в сфере обеспечения национальной безопасности. Окончательное решение принимается Президентом РФ, что подчеркивает особую значимость роли главы государства в формировании направлений защиты национальных интересов.

Независимая экспертиза документов, касающихся национальной безопасности, проводится в строгом соответствии с порядком, установленным Президентом России. Следует учитывать, что такая процедура должна осуществляться с соблюдением норм законодательства Российской Федерации, предусматривающего охрану государственной, коммерческой, служебной и иных видов охраняемой законом тайны. Это направлено на предотвращение утечки конфиденциальной информации и минимизацию рисков несанкционированного распространения сведений ограниченного доступа.

Оценка текущего состояния национальной безопасности и контроль исполнения соответствующих документов возлагаются на Совет безопасности Российской Федерации. Такая мера гарантирует своевременное выявление угроз и проблемных зон, требует постоянного анализа динамики изменения факторов риска и принятия необходимых мер реагирования. Данный подход способствует поддержанию высокого уровня защищенности государства и эффективному управлению системами обеспечения безопасности.

Так, ст. 17 Закона № 172-ФЗ закрепляет иерархию полномочий, процедур и критериев, применимых к документам в сфере национальной безопасности, обеспечивая стабильность и эффективность функционирования системы управления защитой государственных интересов Российской Федерации. Согласно ст. 18, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации представляет собой основополагающий документ, предназначенный для комплексного анализа и оптимизации мер по защите государственных интересов. Данный документ формируется Советом безопасности РФ

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Нормативное обеспечение стратегического планирования. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/normativnoe_obespechenie_strategicheskogo_planirovaniya/ (дата обращения: 02.09.2025).

совместно с иными субъектами стратегического планирования, учитывая прогнозы долгосрочного характера относительно стратегических приоритетов государства. Периодичность обновления документа составляет шесть лет.

Совет безопасности Российской Федерации выступает ключевым органом, ответственным за формирование и регулярную адаптацию стандартов оценки уровня защищенности государства. Стратегия содержит комплекс мероприятий и целей, направленных на повышение эффективности управления системой национальной безопасности.

Основные структурные компоненты Стратегии включают:

1) определение ключевых направлений внутренней и внешней политики, обеспечивающих национальную безопасность;

2) анализ современного состояния национальной безопасности и выявление возможных рисков и угроз, представляющих опасность государству на протяжении длительного временного горизонта;

3) формирование перечня национальных интересов Российской Федерации и выделение наиболее значимых приоритетов в сфере обороны и обеспечения общественного порядка;

4) определение конкретных целей и задач, касающихся поддержания стабильности и предотвращения угроз в различных отраслях и секторах экономики и общественной жизни;

5) разработку нормативных правовых актов и организационных механизмов, необходимых для эффективного функционирования системы национальной безопасности;

6) установление индикаторов, позволяющих объективно оценивать состояние национальной безопасности;

7) дополнительные пункты, утверждаемые непосредственно Президентом РФ.

Документ служит базой для дальнейшего планирования мероприятий и решений, направленных на защиту жизненно важных интересов Российской Федерации. Основой межведомственного сотрудничества органов исполнительной власти, хозяйствующих субъектов и гражданского общества в рамках процесса укрепления национальной безопасности становится именно данная Стратегия.

Концептуальная основа национальной безопасности тесно связана с долгосрочными перспективами социально-экономической модернизации Российской Федерации. Координа-

ционная роль Совета безопасности проявляется в систематизации процессов формирования и регулярного пересмотра положений Стратегии.

Ключевые направления при формировании стратегических документов, в том числе в области обеспечения национальной безопасности, определены Законом № 172-ФЗ. Статья 18 раскрывает содержание и назначение основного документа, определяющего Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, подчеркивая его значимость как инструмента консолидации усилий различных институтов и структур в обеспечении устойчивости и защищенности Российского государства.

Особенности Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

Первые попытки создания единого документа, регламентирующего национальную безопасность, относятся еще к концу XX в. [1]. Однако систематизированный подход начал формироваться после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 г. Первым официальным документом такого рода стала Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300³. Впоследствии она неоднократно пересматривалась и дополнялась, пока окончательно не трансформировалась в современную Стратегию национальной безопасности.

Современная редакция Стратегии заменила предыдущую версию, принятую в декабре 2015 г. Новая редакция отражает изменения международной ситуации, внутренние вызовы и угрозы, стоящие перед Российской Федерацией, а также учитывает опыт предыдущих лет.

Стратегия утверждена указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (далее – Указ № 400).

Стратегия национальной безопасности играет важную роль в процессе управления государством, так как является основополагающим документом для выработки решений и планов в различных сферах жизнедеятельности общества. Она устанавливает четкие ориентиры для Правительства Российской Федерации,

³ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 17.12.2000). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

федеральных и региональных органов исполнительной власти, гражданского общества, гарантируя согласованность действий всех участников процесса обеспечения национальной безопасности.

Стратегия определяет национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, описывая тенденции и возможности развития, угрозы как на внутреннем, так и геополитическом уровнях. В гл. 2 Стратегии акцентировано внимание на необходимости адаптации Российской Федерации к изменениям глобальных экономических процессов, что, в частности, включает в себя развитие новых технологий и диверсификацию экономики; указана важность усиления международного сотрудничества. Отмечается необходимость повышения уровня конкурентоспособности отечественной экономики на мировой арене, что предполагает поддержку инновационных процессов и научных исследований. Выделяется отдельное значение культурного обмена и гуманитарного сотрудничества как элемента формирования положительного имиджа Российской Федерации за пределами страны. Особое внимание в Стратегии уделяется безопасности и стабильности как внутри страны, так и в международных отношениях. Положениями Стратегии закрепляются такие угрозы, как тенденция разрушения связей России с ее традиционными союзниками, нарушение общепризнанных норм и принципов международного права, стремление изолировать Российскую Федерацию и т.д., что так или иначе находит отражение в современных реалиях. В данных условиях особое значение отводится сплоченности российского общества, укреплению гражданского самосознания и необходимости защиты традиционных моральных ценностей. Следует отметить, что положения Стратегии ввиду многочисленных изменений с момента утверждения данного документа, в том числе формирования новых угроз, таких как информационные войны, глобальная изоляция российского общества и российской экономики и т.д., требуют актуализации.

Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации представляют собой сбережение и развитие человеческого потенциала, защиту суверенитета и государственной целостности, обеспечение гражданского мира и законности, а также охрану от деструктивного информационного

влияния; устойчивое экономическое развитие, защиту окружающей среды, укрепление духовно-нравственных ценностей и поддержание стратегической стабильности в международных отношениях. Все эти интересы реализуются через концентрацию усилий органов власти и гражданского общества.

В рамках Стратегии определены цели и задачи: обеспечение национальной безопасности Российского государства; сбережение народа Российской Федерации и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество [2].

Обеспечение национальной безопасности представляет собой систему взаимосвязанных мер, направленных на предупреждение и нейтрализацию угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства. Данная система охватывает широкий спектр областей, каждая из которых играет важную роль в поддержании внутренней устойчивости и внешней безопасности Российской Федерации.

Основной целью сбережения народа России является снижение смертности, увеличение рождаемости и улучшение состояния здоровья населения. Эта цель достигается через государственную политику в области здравоохранения, образования и социального обеспечения. Укрепление института семьи, повышение доступности медицинских услуг, развитие физической культуры и спорта способствуют увеличению продолжительности жизни и улучшению качества жизни граждан. Большое внимание уделяется охране материнства и детства, профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни среди молодежи.

Вооруженные силы Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении военной безопасности государства. Модернизация и техническое перевооружение позволяют поддерживать высокую боевую готовность и способность противостоять современным военным угрозам. Повышается профессионализм военнослужащих, улучшаются инфраструктура и материально-техническое снабжение армии.

Формирование эффективных механизмов мобилизации и подготовки резервистов гарантирует надежность и результативность оборонительных усилий в условиях возможных кризисов и чрезвычайных ситуаций.

Вопросы общественной безопасности охватывают борьбу с преступностью, коррупцией, террористическими проявлениями и экстремистскими организациями. Усиливается работа правоохранительных органов, осуществляется профилактическая работа с населением, повышается информированность граждан о мерах личной и общественной безопасности. Создание и поддержание правовой и правоохранительной системы обеспечивают стабильность и уверенность граждан в завтрашнем дне.

Современный мир характеризуется возрастающей значимостью информационной сферы, что требует особого внимания к вопросам информационной безопасности. Необходимо защищать государственные информационные ресурсы от киберугроз, обеспечивать конфиденциальность персональных данных и пресекать распространение ложной информации. Важнейшим элементом информационной безопасности является повышение цифровой грамотности населения, обучение специалистов новым методикам защиты информации и применение новейших технологий для предотвращения кибератак.

Устойчивость экономики государства определяется уровнем ее самодостаточности и способностью преодолевать внешние экономические потрясения. Разработка и реализация стратегии импортозамещения, развитие экспортного потенциала, диверсификация сырьевого экспорта и создание привлекательных условий для инвестиций становятся ключевыми элементами экономической безопасности. Поддержка малого и среднего предпринимательства, инновационное развитие отраслей промышленности и сельского хозяйства создают фундамент для устойчивого социально-экономического развития страны.

Научно-технологическое развитие представляет собой важный фактор обеспечения национальной безопасности. Благодаря достижениям науки и техники Российская Федерация сохраняет свою позицию лидера в ключевых областях мировой экономики. Привлечение талантливых ученых и инженеров, поддержка исследовательских проектов и интеграция на-

учных институтов с промышленностью способствуют росту технологического потенциала страны. Особую роль играют разработка новых материалов, биомедицинские исследования и цифровые технологии, повышающие производительность.

Ключевая функция Стратегии заключается в обеспечении баланса между внутренней и внешней политикой, учитывая национальные интересы России, а также внешние факторы. Одной из главных задач является защита суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, поддержание высокого уровня обороноспособности и предотвращение возможных конфликтов. Одновременно Стратегия направлена на стимулирование экономического роста, улучшение качества жизни граждан, поддержку культурных традиций и охрану окружающей среды [3].

Важность Стратегии подчеркивается тем фактом, что данный документ обязателен для исполнения всеми государственными органами и организациями, участвующими в обеспечении национальной безопасности. Он формирует единую систему взглядов и подходов, позволяющую координировать действия разных ведомств и минимизировать риски несогласованности и неэффективности принимаемых решений.

Одной из наиболее актуальных проблем современности является усиление глобальной конкуренции и нестабильность мирового порядка. Международные конфликты, экономические кризисы, распространение террористических группировок и кибератаки представляют серьезную угрозу для любого государства, включая Российскую Федерацию, в связи с чем именно Стратегия акцентирует внимание на укреплении оборонного потенциала, усилении борьбы с международным терроризмом и киберугрозами, а также на создании эффективных механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации.

Неменьшую опасность представляют внутренние проблемы, связанные с низким качеством жизни определенной части населения, пробелами в сферах медицинского обслуживания, образования и науки, экологии и пр. Решение этих вопросов требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной правовой базы, внедрение инновационных технологий, привлечение инвестиций и повышение квалификации кадров [4].

Практическое воплощение положений Стратегии осуществляется посредством реализации государственных программ и проектов, среди которых можно выделить:

- программы вооружений и модернизации армии;
- мероприятия по борьбе с организованной преступностью и коррупцией;
- инвестиционные проекты в области инфраструктуры и промышленности;
- социальные инициативы, направленные на повышение уровня жизни населения;
- научно-технические программы, нацеленные на развитие новых технологий и инноваций.

Указанные мероприятия позволяют государству решать поставленные задачи и достигать заявленных целей, повышая общий уровень национальной безопасности и создавая условия для устойчивого развития.

Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые государством для реализации Стратегии, существуют определенные проблемы и вызовы, требующие внимания и решения. Среди них можно выделить недостаточную координацию между различными ведомствами и организациями, участвующими в реализации Стратегии, ограниченность ресурсов, выделяемых на мероприятия по обеспечению национальной безопасности, а также сложность прогнозирования новых угроз и рисков, возникающих в результате быстрых изменений в мировой экономике и политике [5].

Тем не менее, несмотря на существующие трудности, Стратегия остается важным инструментом государственной политики, направленным на защиту интересов и безопасности граждан Российской Федерации. Ее дальнейшее совершенствование и адаптация к современным реалиям позволят повысить эффективность системы обеспечения национальной безопасности и укрепить позиции Российской Федерации на международной арене.

В сравнении с предыдущей редакцией Стратегии, действующей до 2020 г., настоящая редакция документа имеет ряд существенных отличий:

- наиболее четкое определение национальных интересов и стратегических приоритетов, что делает Стратегию более конкретной и ориентированной на практические действия;
- акцент на вопросах цифровой трансформации и информационной безопасности в условиях растущей роли интернета и цифровых технологий в современной жизни;

– упор на необходимости создания безопасных условий для ведения бизнеса и привлечения инвестиций в целях улучшения инвестиционного климата в стране;

- активное участие институтов гражданского общества и негосударственных организаций в обеспечении национальной безопасности в целях повышения уровня прозрачности и открытости процессов.

Новый подход к формированию Стратегии демонстрирует стремление Российской Федерации адаптироваться к изменяющимся условиям мирового порядка.

Перспективы развития Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

Дополнительно следует отметить создание в декабре 2024 г. Научно-экспертного совета при Совете безопасности Российской Федерации, положение о котором было утверждено Указом Президента Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1119⁴. Данный орган призван обеспечить глубокий научный подход к вопросам национальной безопасности, а также оценить существующие угрозы. Формирование нового экспертного органа свидетельствует о стремлении властей оперативно реагировать на возникающие вызовы и повысить качество принимаемых решений.

Несмотря на то, что положения Стратегии в целом отвечают потребностям Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности, современная ситуация, сложившаяся на международной арене, в том числе связанная с динамикой взаимоотношений России с рядом зарубежных стран, требует внесения определенных коррективов в данный документ, о чем в апреле 2025 г. было отмечено секретарем Совета безопасности РФ С. К. Шойгу: «Аппаратом Совета безопасности осуществляется подготовка предложений по внесению в Стратегию дополнений и коррективов, уточнению содержащихся в ней задач»⁵ [12].

Изменения в Стратегию вызваны рядом ключевых факторов, отражающих современные реалии международной обстановки и внутрен-

⁴ О научно-экспертном совете Совета безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 27.12.2024 № 1119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Шойгу анонсировал поправки в Стратегию национальной безопасности // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/04/2025/680ace489a7947c9b63160b4> (дата обращения: 10.09.2025).

ние потребности государства. В частности, одной из причин необходимости пересмотра действующих положений Стратегии является стремительный темп событий, происходящих в Российской Федерации и на международной арене, нестабильность и непредсказуемость которых требуют постоянного обновления подходов к обеспечению национальной безопасности.

Вместе с этим особое значение имеет характер отношений Российской Федерации со странами Запада и Европы, представляющий собой напряженность и конфликтность, имеющий исторические корни. Глава Совета безопасности РФ напомнил о выступлении В. В. Путина на Мюнхенской конференции в 2007 г., где были предсказаны возможные сценарии ухудшения взаимоотношений на международной арене. Таким образом, изменения в Стратегию рассматриваются как закономерная реакция на объективные процессы мирового развития.

Современное стратегическое планирование выходит за рамки простого распределения ресурсов. Сегодня оно представляет собой комплекс мероприятий, направленных на достижение долгосрочных целей государства, организацию взаимодействия органов власти и эффективное использование имеющихся ресурсов. Изменения призваны укрепить устойчивость и безопасность Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Указанные факторы свидетельствуют о том, что вносимые изменения имеют фундаментальный характер и направлены на адаптацию государственной политики к новым условиям глобальной конкуренции и внутренним потребностям страны.

Заключение

Стратегия является ключевым элементом государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Ее значимость

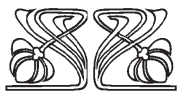
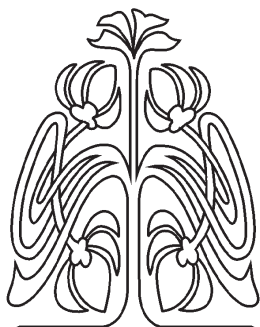
обусловлена необходимостью эффективного ответа на современные вызовы и угрозы как внутри страны, так и на международном уровне. Благодаря четко определенным целям, приоритетам и механизмам реализации Стратегия помогает формировать целостную картину будущего развития Российской Федерации, обеспечивая баланс между безопасностью и прогрессом.

Для успешной реализации положений Стратегии необходимо постоянное взаимодействие всех уровней власти, активное участие гражданского общества и бизнес-сообщества, а также эффективное управление ресурсами и контроль над исполнением принятых решений. Только таким образом возможно достижение главной цели – обеспечение надежной защиты национальных интересов и устойчивого развития Российской Федерации.

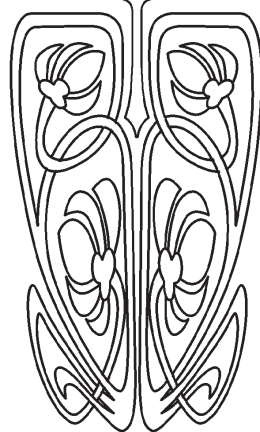
Список литературы

1. Яхьяева М. У. Исторические этапы становления правового обеспечения национальной безопасности (досоветский период) // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 112–115.
2. Гавриленко А. О. Понятие и содержание национальной безопасности // Проблемы науки. 2021. № 9 (68). С. 57–61.
3. Арсланбекова А. З., Дибиргазиев Д. М. Понятие и структура национальной безопасности // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2024. Т. 39, вып. 1. С. 94–99. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2024-39-1-94-99>
4. Керимов А. А., Шебзухова Ф. А. Парламентаризм в системе обеспечения национальной безопасности современной России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 1. С. 21–27. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-1-21-27>, EDN: RGAGEA
5. Маилян А. В. Национальная безопасность: анализ проблем // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 62–65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_62

Поступила в редакцию 11.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 11.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 20.02.2026

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016

Оформить подписку на печатную версию

можно в интернет-каталоге

ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Электронная версия журнала находится

в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: muninaov@sgu.ru, nikshestov@mail.ru

Website: <https://soziopolit.sgu.ru>

ISSN 1818-9601

26002

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2026. Том 26, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

